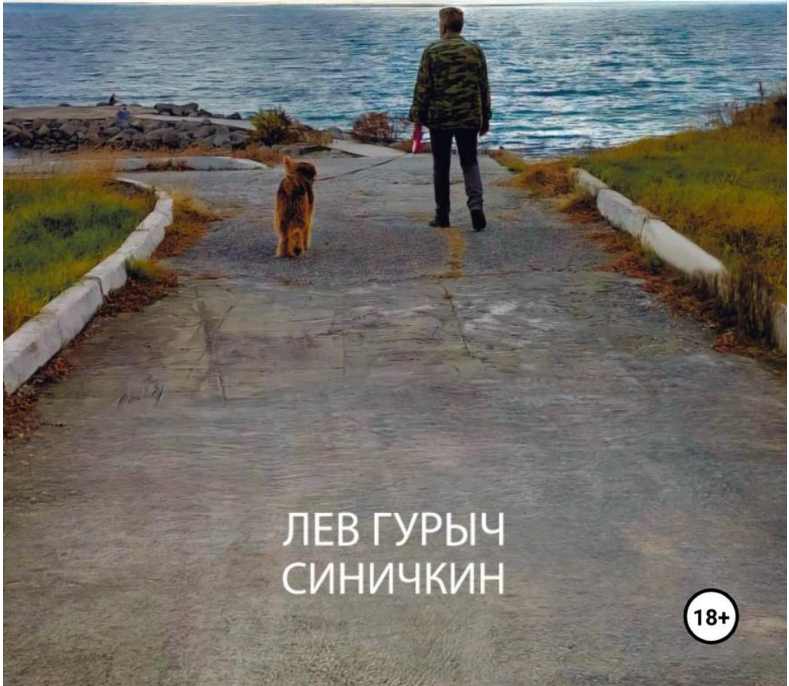
МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

ироническая проза

ЛЕВ ГУРЫЧ СИНИЧКИН

18+

Сергей Бурдий

Л.Г.Синичкин. Морские рассказы

https://litres.ru/74506422
SelfPub; 2026

Аннотация

Если вам интересно, как проводят свободное от работы время суровые мужчины, которых принято называть «морскими волками», эта книга для вас! Если вам интересно вспомнить время стационарных телефонов, винила и бобинных магнитофонов, эта книга точно для вас!

Л. Г. Синичкин – морской геофизик по профессии. Его рассказы – иронический взгляд на суровые будни и немногочисленные радости моряков.

Внимание: возрастное ограничение 18+

Содержание

Глава 1. Раннее (2007 -2012 гг.) 4
Глава 2 102
Глава 3 127
Глава 4 167
Конец ознакомительного фрагмента. 241

Сергей Бурдий
Л.Г.Синичкин.
Морские рассказы

Глава 1. Раннее (2007 -2012 гг.)

ОСТРОВ

Только-только вернулись с самых дальних северов, ещё не добрался ни до рюмахи, ни до девахи, вызывает меня Главный.

– Как вы достали... – говорит и сесть, что интересно, не предлагает.

– Пришла бумага чуть ли не с Северного полюса: пьянство, разврат и дебош. Где вы всё это находите и когда успеваете...

Я глаза в потолок:

– Экселенц, позвольте объясниться, все ложь и клевета.

– А зачем... И вот что интересно: набираем на работу выпускников престижнейших вузов, даже из МГУ с красным дипломом, а работают одни раздолбаи.

– ...?

– Решили мы Вас (то есть меня?) направить с повышением на новый пароход, но такими темпами Вы (то есть я!) до

него можете и не добраться. Поэтому, пока у Вас не отобрали загранпаспорт, в ближайшие же дни отправляйтесь попутным банановозом на юг в радиогеодезию. Погреетесь там пару месяцев на солнышке, раз на Вас так плохо влияют наши северные широты, а заодно и дождётесь там нового парохода.

Вышел я, прикинул одно к другому: с одной стороны, обидно, опять разговоры всякие по конторе пойдут, да и менты – суки, столько бабок им отвалил, а они бумагу все же прислали, а с другой стороны, вроде и обошлось всё, попарюсь пару месяцев на экваторе, зато валюты подзаработаю. Короче, причин для уныния нету. И через три дня на попутном белом пароходе убыл в известном направлении.

Банановоз? Это огромный белый пароход-рефрижератор, перевозящий из тропических стран (правильно!) бананы, кокосы и прочие тропические фрукты-овощи. Иногда туда ещё догружали и водочку тропического разлива, в народе известную как «Ля мойка». А возили всё это в счет оплаты наших работ по поиску и разведке нефти и газа на тропических шельфах Юго-Восточной Азии. И поэтому весь наш Дальний Восток от Находки до Чукотки был завален всевозможными тропическими изысками, соседствующими в овощных магазинах с нашими гнилыми и перемёрзшими картошкой и луком. Вот на таком банановозе и долетел я за пять дней до южных берегов.

Тормознули на рейде – перед глазами просто мультик. Две

горы, между ними городишко, вдоль песчаного пляжа пальмы, а вокруг лодочки под разноцветными лоскутными парусами. И воздух горячий, влажный, густой.

К борту подрулила деревянная лохань с тремя аборигенами, в хаки, при погонах с кучей звёздочек. Наш боцман скоренько метнул туда мой кровный чемоданчик и, перекинув через леер штормтрап, отрезал мне путь к отступлению. Я покидал родину.

Должен заметить, что за границу я попал первый раз, к тому же такую экзотическую. Как водится, перед отъездом в парткоме и спецотделе застращали донельзя. Того нельзя, этого не можно, меньше трех не собираться, государственную тайну не выдавать, до женского полу ни рукой, ни чем другим. Только водку рекомендовали пить при всяком удобном случае для профилактики организма от всяких экзотических микробов.

Так что, весь на нервах, вглядывался я в приближающийся берег с лёгкой тревогой и, лишь увидев на причале мужика неместной наружности, с окладистой черной бородой, немного успокоился. А куда без них, без евреев, русскому человеку. Изя быстро уладил все пограничные формальности, и на его Волге с аборигеном за рулем мы выехали в город.

Через пять минут у меня заложило уши. Водила давил что есть мочи на сигнал и пёр полным ходом по запруженной в броуновском движении пешеходами, велосипедистами и мо-

тоциклистами дороге. А мой спутник, найдя во мне покорного слушателя, тарахтел без умолку о местных новостях, обычаях, наших дальнейших планах и мелькающих за окном достопримечательностях. Ещё минут через пять я просто потерялся во времени и пространстве, а когда ко мне на заднее сиденье плюхнулись две местные особы женского полу вызывающей наружности, я просто впал в ступор.

Машина наконец вырвалась на простор и по серпантину через тропический лесок взобралась на одну из близлежащих горок, где и располагалась, как оказалось, одна из радиогеодезических станций.

В те времена спутниковая навигация типа джипиэса была ещё крайне слаба и давала точность привязки плюс-минус трамвайная остановка. Поэтому для точного определения местоположения исследовательских судов и морских буровых платформ по ближайшему берегу или островам размещали радиомаяки. Располагались они зачастую в дремучей глухомани и обслуживали их, как правило, один-два человека.

Вот на такую точку, расположенную почти в городе, на старом маяке, мы и прикатили. Кое-как выбравшись наконец из этой музыкальной шкатулки, я озирался по сторонам, сознание понемногу возвращалось в мою гудящую голову. Двор у подножья маяка был выложен бетонными плитами, по периметру располагались какие-то одноэтажные постройки довольно затрапезного вида, а посреди двора под раски-

дистым деревом двое наших мужиков хлопотали над мангалом с шашлыками.

Познакомились. Один был как раз штатным радиогеодезистом, а второй – навигатор с нашего парохода то ли с инспекцией, то ли просто попить-погулять. Сразу сели тут же, под деревом, за стол, накатили по паре рюмах водки местного разлива под шашлык и всякую зелень. Только я стал понемногу осваиваться в окружающей обстановке, попривык к беспрерывной болтовне Изи – новая напасть. Мужики по законам гостеприимства решили вновь прибывшему уступить пальму первенства в выборе девахи или даже двух, если захочется. Девки, кстати, всё это время мирно дремали на заднем сиденье авто и только теперь выбрались наружу. Я снова напрягся, в голове начали всплывать страшилки из отъездного инструктажа о гонконгской розочке и прочих прелестях на конце, да и моя спортивная форма в настоящий момент была далека от оптимальной. Кое-как отбился от заманчивого предложения и принял с Изей, тоже, кстати, отказавшемся участвовать в эротических забавах, еще пару рюмах на грудь. А веселая парочка геодезистов и навигаторов растащила жриц любви по служебным помещениям.

Из дальнейшего разговора с Изей до меня наконец дошла информация, что дня через два вертолетом или катером, точно ещё не решено, меня забросят на остров километрах в двухстах от берега, где уже пару месяцев безвылазно парится наш мужичок в окружении местных товарищей. За пару

недель он введет меня в курс дела, а потом его заберут на отдых. А я останусь.

Тем временем на сексуальном фронте произошли перемены: мужики вышли принять по соточке, а затем вернулись к станкам, но уже сделав рокировку.

На острове мне в помощь будут прикомандированы трое аборигенов: переводчик, повар и охранник. В хозяйство моё будут входить, кроме непосредственно передатчика с мачтой-антенной, еще десяток аккумуляторов и пара-тройка бензо- и дизель-генераторов. Обязанности простые: подзаряжать аккумуляторы и по команде включать передатчик.

Тут как раз из сараюшки, со спущенными штанами и трехэтажным матом, выскочил геодезист, а следом что-то орущая девка. Мы всполошились: мало ли что бывает в порыве страсти, не дошло ли до членовредительства. Но все оказалась гораздо прозаичней. Пока он по полной программе самозабвенно охаживал девицу, та вытащила у него из кармана валюту. На шум выглянула и вторая парочка и бурно включилась в обсуждение вопроса товарно-денежных отношений. Мужики выпроваживали девок прочь, те требовали достойной оплаты за свой нелёгкий труд, на что получали ответ, что, мол, спёртых денег даже больше, чем надо. Вся эта бадяга продолжалась минут десять. Потом разгорячённые мачо вернулись к нам за стол, и мы дружно всё допили, после чего собрались обратно в город.

Не проехали и сотни метров, как догнали бредущих вниз

тружениц сферы обслуживания. Такими темпами им добираться вниз не меньше часа. И хоть в машине нас и так было пятеро, сжалились, усадили себе на колени и довезли до города.

Наконец я добрался до гостиницы, принял душ и завалился на кровать. Прожитый день утомил, но ещё не кончился. Только потушил свет – по номеру какой-то шорох, неприятный на слух. Включил свет, осмотрелся: пусто. Только свет погас – опять что-то шебуршит. Зажигаю свет – опять никого. Уж не глюки ли? Лишь где-то с пятого раза успел все же засечь нарушителя тишины: огромный черный таракан под столом таскает полупустой спичечный коробок. Здоровый, зараза, нашим не чета. Мы потом, кстати, пытались развести себе таких на пароходе, чтоб они выжили местных, но южане то ли климата не выдержали, то ли наши прусаки победили. Короче, опыт не удался. Ну а у этого я коробок отнял, обследовал еще раз номер и обнаружил еще пару постояльцев на стене под гардиной. Геккончики, маленькие ящерицы с присосками на лапах, бегают по потолку и стенам за комарами, мухами и прочими насекомыми. Очень милые и полезные в доме животные, тоже, кстати, до наших берегов не доезжают. Закончив таким образом перепись населения нашего номера, я спокойно уснул.

Следующие два дня я провел в суматохе сборов предстоящей экспедиции: получал на складе продукты и прочее снабжение, отоваривал полученные талоны в специальном рус-

ском магазине, прикупал кое-что по личной просьбе островного сидельца, контролировал завоз всего этого и бензина на наше спасательное судно, на котором через два дня и вышел в море курсом на таинственный остров.

Якорная цепь с зубодробильным скрежетом продрала мой мозг от уха до уха. Проснулся. Башка раскалывалась. Спать в носовой каюте нашего спасателя-буксира – ещё тот экстрим. А тут ещё удушающая жара: судовой кондишн периодически подвывал, но и только. Старый импотент, на большее он уже давно был не способен. В кране умывальника холодная вода была градусов под сорок. Не крепости, а по Цельсию. Да и какой ещё она может быть, если за бортом и воздух, и вода примерно такой же температуры. Пока полушария окончательно не развалились в разные стороны, надо было поскорее выбираться из этой железяки на палубу.

На корме суетилась толпа народу. Наши и аборигены с острова, размахивая руками, матерились на все лады. Бандерлоги в живописных труселях из когда-то разноцветных, но уже изрядно выцветших лоскутков, перегружали привезённое на точку снабжение на свою шаланду. Бочки с горючим просто побросали за борт, связывая их цугом одну за другой.

Не успел я толком оклематься на свежем воздухе после душной каюты, как какой-то местный шустрик зацепил мой красный, в лейблах чемодан и метнул его на баркас. Ёпт! Отбиваясь от услужливых аборигенов, пытавшихся и меня на

раз-два перекинуть через борт, спустился на стрёмного вида плавсредство. И, как говорится, руби концы!

На живописном берегу (всё как на фото: и пальмы, и песок) меня встречал наш тамошний сиделец Паша. Здоровый мужик лет под сорок в рыжей шевелюре, баках и усах. Его улыбающаяся рожа почему-то напомнила мне Ноздрёва. Особенно когда в знак приветствия, что ли, он стукнул меня по плечу. А пока шли до нашего бунгало, ещё пару раз. Такое радушие что-то резко стало меня напрягать, и я даже подумывал, а не приложиться ли и мне своим суперкейсом промеж его бакенбард. Но мы уже пришли

В одноэтажном бараке-шалаше Паша занимал крайнюю к морю комнату в одно окно. В соседней ютилась обслуга: толмач, кондей и гоблин. Ещё несколько комнат занимали аборигены – сотрудники метеостанции а-ля профессор Беляев (тропический вариант), на территории которой всё и находилось.

Мебельный гарнитур, далеко не гамбсовской работы, заполнял собой всё небольшое пространство апартаментов: две деревянные кровати с сеткой от комаров, два стула и стол времён жилкоммунхоза и холодильник ЗиЛ, дверь которого держалась на верёвке и изоленте. Ещё на столе стояла рация. Радистка Кэт, к сожалению, из конспиративных, очевидно, соображений к рации не прилагалась. Ну да и я не Штирлиц.

Под впечатлением от всего увиденного рука автоматом потянулась к бутылке Арарата, которую предусмотрительно

выдали на базе перед отъездом.

Коньяк под папайю с лимоном был очень неплох. Но Паша особого восторга не выказал, зато опять долбанул меня, теперь по колену. После второго стакана я немного освоился в окружающей обстановке и, получив ещё один удар по коленной чашечке, заметил наконец-то, что Паша долбит не только мою коленку. С неменьшим усердием он лупил и себя по плечам и коленям, стряхивая что-то с башки и сандалет.

Паша гонял чертей! Только сейчас я рассмотрел его шустрый взгляд и лёгкую ухмылку. Очевидно, игра в салочки с чертяками ему ещё не надоела, а напротив, вызывала неподдельный спортивный интерес.

С таким явлением в природе я встретился впервые. Впечатляет, конечно. Но ну его жить с такой компанией в одной комнате. Мало ли чем начнёт Паша мутузить своих корешей дальше. Прибьёт ночью в азарте и меня и не заметит.

Так что на ближайшем же радиосеансе я попросил вывезти бедолагу на Большую землю. И, кстати сказать, через неделю за Пашей прилетел вертолёт, ещё через неделю он уже был дома. А ещё через какое-то время врезал дуба.

Не знаю почему. Может, от ностальгии. По змеёвке.

Следующим утром, обозревая в раскрытое настежь окно окрестности (стёкол, кстати, не было вовсе, только деревянные ставни-жалюзи), прямо за подоконником я обнаружил здоровенную гору пустых аптечных пузырьков. Как оказалось, именно эту настойку местного разлива на морских зме-

ях, водорослях и прочей гадости и потреблял Паша в огромных количествах (то-то армянский пятизвёздочный его не торкнул). Что характерно, аптека располагалась прямо перед окном, метрах в сорока через пустырь. Очевидно, Паша был её элитным клиентом и делал ей годовой оборот за месяц. Легко.

Между прочим, эта змеёвка за приятный вкус и запах (о медицинских свойствах умолчим) пользовалась большим спросом у наших дам в городе. Градусов в ней было немного, не больше 30. И с каждой оказией на материк передавалось энное количество пузырьков.

Кстати говоря, в этих азиатских аптеках буквально всё, что ни возьми, со слов продавцов, способствует стоянию и кончанию, повышает грудастость и лохматость. И если сразу не загнёшься, то, может, и выживешь. Но не факт.

Этому Паше не повезло. Но повезло другому, с которым познакомился на радиосвязи. Он сидел на островке миль за сто от нашего, на маяке, совсем близко от берега. И потреблял исключительно самогон из соседней деревни, лучше не знать из чего сделанный. Как только допьёт, поднимает на мачте белый флаг. А на условный сигнал тут же прибывает джонка-самогоновозка. Этому Паше повезло больше моего подельника. И на острове просидел на пару месяцев дольше, и дома по возвращении ему только отрезали одну ногу. Говорят, несколько скорпионов на маяке издохли почти сразу, укусив просамогоненного смотрителя.

Вот таким макаром через неделю остался я на острове один. Не считая нескольких сотен аборигенов. И первым делом решил оптимизировать товарно-денежные отношения между мной и своими санчопансами. Дело в том, что спецу на точке полагалось наличными энное количество местных тугриков и энное же количество килограммов различных продуктов. И почти каждый русский человек в такой ситуации искал способ нагреть всех и вся и как можно больше бабок поставить на карман. Положив при этом на своих, имеющих такие же интересы: переводчика, повара и охранника. Отсюда, естественно, расстроенная нервная система и плохое пищеварение в маленьком интернациональном трудовом коллективе.

Я чисто интуитивно пошёл другим путём. Всё бабло и продукты, за исключением, понятно, выпивки и конфет (раздавал детворе), отдал в полное и безотчётное распоряжение толмача. Сверху ещё приплюсовал бочку бензина. И закрыл вопрос, к обоюдному согласию.

И в то время как мои хитромудрые коллеги с остервенением жрали перловку с тушёнкой, я имел свежее мясо, рыбу, овощи и фрукты. И даже выпивку.

Жизнь началась размеренная и даже скучная. Ни кабаков тебе с танцами, ни борделей. Крестиком не вышиваю, лобзиком не пилю. Работы почти ноль. Остаётся только море-океан.

Там и проводил я по несколько часов в день, поставив до-

бычу ракушек почти на промышленную основу. И я, чудак, по незнанию и просто разгильдяйству торчал в море без всякой страховки. А оказалось, что там было полно морских змей и мурен, с которыми я только по счастливой случайности не столкнулся. Да и раковины были всякие. Одна както хлопнула створками за ногу – и жопа. Глубина несколько метров, и нож забыл, чтоб ножку у неё подрезать. И ото дна её не оторвать. Повезло, что был в сандалиях, сумел расстегнуться.

Между прочим, эти ножки у раковин (5-7 см в диаметре) срезаешь, как грибы, шинкуешь дольками, заливаешь на несколько часов уксусно-горчичным маринадом и получаешь обалденную закусь.

В общем, первый месяц кое-как продержался. А потом фирма решила на имеющейся на острове горе разместить ещё одну точку. И приехали ещё два раздолбая, в том числе мой козырный друг Пит.

Примерно раз в месяц полагалась неделя отпуска. Но отдых в городе таковым, честно говоря, являлся мало. Во-первых, отсутствие друзей-товарищей. Иногда, правда, мы пересекались с Питом. Но ненадолго. Во-вторых, выбор развлечений был небогат: выпивка и проститутки.

Да и спиртное здесь оставляло желать лучшего. Пожалуй, кроме пива.

Как, впрочем, и проститутки. И хотя среди них попадались профессионалки со стажем, начинавшие ещё при коло-

низаторах, в целом мне они не очень.

Правда, здесь была ещё парочка русских ****ей, постепенно перешедших в проститутки за весьма умеренную плату. Но довольно узкий круг русской диаспоры и природная бабская болтливость делали эти визиты почти публичными. Естественно, что пользоваться их услугами могли только закоренелые холостяки, мало заботящиеся о своей репутации в глазах остальных дам или, наоборот, бравирующие ею.

Что же касается местных, то прибегать к их услугам приходилось только, так сказать, в силу большой медицинской необходимости. Вообще все эти юго-восточные барышни мне не очень. При таком жарком и влажном климате такая сухость и черствость. Чистая поп-механика.

Тут должен честно признаться, что опыта общения с отечественными проститутками у меня нет. Я вообще не понимаю, почему нормальный мужик идёт в бордель. Ладно за границей – при плохом знании языков, другом менталитете местных баб, ограниченности во времени и средствах. Но ведь теряется самый кайф обольщения и совращения, сладкого порока и попранного табу.

Девок-проституток я понимаю. Нужны деньги на жизнь: родители в каком-нибудь Урюпинске, учёба, иногда свой киндер. И если посещение проститутки понимать как акт материальной помощи, то ладно ещё. Но какое может быть удовольствие, кроме голой физиологии, от этих вычурных поз и как будто томных вздохов задроченных жизнью баб, вынуж-

денных строить из себя звёзд Болливуда за котлету с гарниром? По этой же причине не смотрю и всякое супер-пупер порно. Скучно.

И вообще: «Да ну его на...!» – говорил мой кореш дядя Вася в мумбайском притоне, натягивая сразу два презерватива – боевой и контрольный.

А вокруг столько баб!

С точки зрения мужика, по молодости хорошо пошухарившего от Чёрного моря до Охотского, всех этих страждущих дам (дам, не дам и дам, но не вам – старая шутка юмора) можно условно классифицировать следующим образом.

Самый доступный и беспроигрышный вариант – одинокая дама (подруги не в счёт) в ресторане, баре, клубе. Она сюда пришла конкретно за мужиком и поэтому особо выпендриваться не будет. Но, как я уже где-то писал, хамить не надо, ритуал должен быть соблюдён. Из-за лимита времени встречает по одёжке, провожает рано утром и без сожаления.

Второй вариант – коллеги по работе. С этими дамами вы целыми днями трётесь в замкнутом пространстве. Они буквально терроризируют вас своими бёдрами и при каждом удобном для них случае выкладывают свои роскошные бюсты вам на плечо. Вы знаете все сплетни о них, они – о вас. Дают редко, часто, всегда (нужное вам подчеркнуть).

Третий вариант – подруги жены. Особенно незамужние. Здесь только нужна удобная ситуация, импульс. Проблем в общении никаких. Она знает о вас всё вплоть до самых ин-

тимных подробностей – у жены язык без костей. Вы в курсе всех её недугов, неврозов, любовников – по той же причине. Вы все почти одна семья, и она вполне может сойти за наложницу из гарема. Правда, существует опасность, что однажды закадычные подруги рассорятся из-за какого-нибудь пустяка и в нервном расстройстве заложат вас с потрохами. Но тут ничего не поделать: бабы они на то и бабы.

Четвёртый вариант – жёны друзей или приятелей. Психологически самый трудный вариант. Самому здесь делать первый шаг, честно говоря, западло. А вот пойти навстречу – это как посмотреть. Стало женщине почему-то плохо, одиноко, страшно. А мужчины рядом нет: работа, отсидка, загул. И она выбирает вас. И звонит в дверь. И с гордо поднятой головой входит, небрежно бросая вам на руки плащ и снимая туфли. И, по большому счёту, выбора вам не оставляет. И вопрос здесь в другом – почему именно вы? То ли вид у вас такой – рыцаря без страха и упрёка. То ли это бабье сарафанное радио разнесло что-то такое по округе. И так же гордо примет плащ из ваших рук и уйдёт в ночь. Навсегда.

Вариант пятый и последний – встреча. Лифт, парикмахерская, магазин. И, может, уже не первая. И, может, вы уже даже слегка киваете друг другу при встрече. Это вариант самый трудный. Здесь надо сразу произвести хорошее впечатление. Потом надо много и остроумно говорить. Совершить какой-нибудь подвиг. И ещё много чего надо. И даже если она в принципе не против, нужно время и усилия с вашей

стороны. И из этого может даже получиться что-то эдакое, непростое. А может, и нет. Но желающим получше ознакомиться с этим вариантом советую обратиться к другим креативам: «Анна Каренина» или «Дама с собачкой», например. Или что-нибудь из Александра Сергеевича – тот ещё спец по бабам – то Аня, то Зина. Но он, правда, плохо кончил. В общем, вот такая вот таблица Менделеева.

Как-то поутру решил прогуляться к соседям, обозреть окрестности с горных вершин. И чего не сделаешь назло геморрою!

Пока приходил в себя после восхождения, огляделся – ёмоё! На противоположной от моего бунгало стороне острова у самого берега стоит беленький пароход. Глянул я в бинокль: пароход-то наш, русский. Названия только не разглядеть.

Ну у нас на этот случай есть судовое радио. Выходим в эфир:

– Пароход, стоящий у острова! Вас вызывают русские сидельцы из радиогеодезии. Мы тут, на острове, на горе, киснем от скуки. Ответьте, пожалуйста.

А в ответ, как у классика, – тишина. Наверное, минут 15 вызывали. Пароходских понять можно. Какая ни есть, а заграница. Тем более компетентные органы застращали донельзя. К тому же и помполит на пароходе, да ещё и всякие негласные доброжелатели.

Короче, совещались они долго, но всё же решились. И, как

козлята серому волку, тоненьким таким голоском:

– Пароход слушает.

– Да понятно, что слушаете, вы отвечайте, кто такие и чего тут стоите.

Они говорят, что, мол, мы от какой-то там академии околовсяческих наук, называемся что-то типа «Завлаб Шмуль Моисеевич Кацман», где-то тут рядом работали, ну и спрятались от непогоды.

Мы им:

– Чего так стоять-то насухую? Давайте слезайте на берег, покупаетесь, пообщаемся. А то у нас тут тоска зелёная.

Они, естественно, в отказ:

– Как можно, заграница, таможня, и то и сё.

Мы говорим:

– Это всё фигня. Сейчас заедем в сельсовет местный и обо всём договоримся.

Еле их уболтали. Смотались скоренько к властям военным и гражданским, отлили по канистре бензина в их студебекеры – и вопрос решён. Сообщили пароходским. Они таким же неуверенным голоском:

– Ладно, – говорят, – в 13:00 спустим мобот.

Единственное, что мы попросили, – хлеба нам привезти. В те дофастфудовские времена на пароходах сами хлеб пекли, не то что нынче: возят что-то вечное пластмассо-резиновое.

В общем, к назначенному сроку они на моботе к берегу, и мы с Питом на джипе на рандеву. Высадилось их человек

20. Познакомились. Мы обрисовали обстановку: идите куда хотите, но смотреть здесь нечего. Только покупаться можно всласть. А так никаких туристических примочек тут нет, потому как и туристов здесь не бывает, и народ местный к этому здесь не привычен.

Правда, детвора из соседней деревушки набежала, а так всё спокойно.

Пароходские стали понемногу осваиваться. Кто сразу купаться полез, кто по дороге в деревеньку подался. А к нам подходит деваха аппетитной наружности и говорит, что она есть пекарь и привезла, значит, нам хлебушка. Только не знала, белого нам или чёрного, поэтому взяла и того и другого.

Мы говорим:

– Барышня! Как вас звать-величать, кстати? Люба? Любаша, да из ваших белых ручек и сухари в радость! А за хлопоты ваши приглашаем к нам в гости. А если ещё и подружку какую прихватите – так и вообще прекрасно будет.

Позвала она подружку. То ли Лена, то ли Марина. То ли биолог, то ли геолог. Уже не помню. Маленькая такая, ладненькая.

– Пит, – говорю, – зная наши с тобой вкусы, думаю, не ошибусь, если выражу общее мнение, что я сегодня гуляю Любашу, а ты её учёную подружку.

– Базара нет, – отвечает Пит, подбирая под майку свою пивную животину.

Сели на авто и в пять минут до моего бунгало доскочили.

– Так как время у нас ограничено, – говорю, – предлагаю разделиться строго пополам, чтобы охватить вниманием вновь прибывших всю территорию и удостоить посещением обе наши с Питом резиденции.

И Любашу под белы рученьки с джипа. Подружка вроде хотела что-то возразить (а может, мне показалось?), но Антилопа Гну уже уносила её за поворот.

А я с барышней меж тем продефилировал на глазах у высыпавшей во двор с выпученными глазами метеослужбы и своих оруженосцев в апартаменты.

Пока гостья озирала моё скромное жилище, я выставил из холодильника лимонад со льдом и фрукты. И выскочил на минутку напихать аборигенам, чтоб в течение ближайшего часа никаких шатаний под дверью и базарных разборок во дворе.

Любаша мирно потягивала из запотевшего стакана освежающий напиток.

Доложу я вам: это был как раз мой любимый размерчик. Субтильные Лолиты не по мне. А вот округлость и плавность форм приятно радует и глаз, и руку.

К Любаше у меня вопросов нет: всё на месте и в самом что ни на есть кондиционном виде. Только маечка и шортики слегка загораживают натюрморт.

– Любаня, – говорю, – предлагаю экскурсию с купанием отложить на вторую часть нашей программы, – и маечку с неё так культурно-бережно снимаю.

А она так по-простому мне:

– Что ли я Венера Милосская, у меня рук, что ли, нет.

И не успел я придумать что-либо достойное в ответ, как Любаша, озарив моё тусклое жилище своими шикарными рубенсовскими формами, впорхнула под балдахин моей кровати. Я следом. Еле успел.

Таких, как Люба, кралечек надо только как следует завести. Уж потом они все свои килоджоули потенциальной энергии обрушат на вас кинетическим напором – мало не покажется.

Так что и у меня через какое-то время давление стало спадать, и её груди – две шаровые молнии – постепенно уменьшая орбиту своих метаний под пологом, мягко приютились рядом со мной. Я же в каком-то сладком полусне уткнулся в них, вдыхая сладкий аромат далёкой родины.

Потом, как и было обещано, мы двинули к океану. На ближайшем мысочке я и запустил Любашу в воду. Здесь даже на метровой глубине можно было иногда найти красивую ракушку. Барышня, хотя вроде и умела плавать, далеко заходить не решалась. Мне же вообще лезть в воду не хотелось, и я, устроившись на берегу под пальмами, изображал из себя спасателя Малибу. Через какое-то время я заставил Афродиту выйти из воды: на таком солнце и при такой прозрачной воде сгореть до угольков можно довольно скоро. Она, правда, пожаловалась на небогатый улов, но я успокоил её, пообещав компенсацию из своих запасов.

Здесь же, в подходящей к самому берегу пальмовой роще, располагалась одна из немногих достопримечательностей острова, а именно настоящий железобетонный дот. Причём действующий. Правда, бойцов там за все месяцы моего пребывания я ни разу не видел. Но зато пушка среднего калибра и штук двадцать зелёных деревянных ящиков со снарядами были налицо и в свободном доступе. Я относил сей довольно странный факт к особенностям изолированной островной жизни.

Естественно, я обратил внимание Любаши на эту достопримечательность, и она с интересом отправилась на экскурсию, заявив, что у неё папа прапорщик в отставке. А потом, высунувшись в амбразуру, объявила, что она Анка-пулемётчица и белые здесь не пройдут.

В сложившейся ситуации я был просто вынужден перейти на сторону белых и в роли офицера-капелевца пойти на штурм. При этом я напомнил противоборствующей стороне, что на помощь своих ей рассчитывать не приходится: подстреленному Василию Ивановичу до этого берега явно не доплыть. На что получил довольно легкомысленный ответ, что красные не сдаются.

Будучи командиром взвода радиационной и химической разведки в запасе и воспользовавшись хорошим знанием местности, я предпринял обходной манёвр и зашёл с тылу. Противник был захвачен врасплох и не оказал серьёзного сопротивления. Более того, удобно устроившись на снаряд-

ных ящиках, охотно пошёл на сотрудничество. И тем не менее был подвергнут серьёзному допросу с пристрастием.

Закончилась наша ролевая игра совместным купанием, после чего мы двинули в апартаменты.

Там мы уже без всяких глупостей просто попили чайку. Потом я отсыпал Любаше ракушек-каури. Нет, это была не плата. Просто от широты душевной. А потом презентовал чучело настоящего королевского краба, принесённое мне местным деловым человеком, очевидно в благодарность за возможность иногда пользоваться дармовым электричеством. Для сохранности краба поместили в коробку из-под макарон.

Тут как раз подъехал Пит со своей научной сотрудницей. Которая, к слову сказать, имела довольно утомлённый вид и слегка затуманенный взгляд. Очевидно, Пит со своим напарником оказали ей очень уж тёплый приём и отнеслись к возможности пообщаться с образованным человеком с очень уж большим энтузиазмом.

Мы с Любашей погрузились в авто. По дороге остановились у ещё одной достопримечательности – единственного на весь остров кабака. Спутницам предложили свежий кокосовый сок, а сами взяли по бутылочке пива. А потом вообще решили с Питом дальше не ехать и заказали ещё. Усадили барышень в джип и, как говорится, «люблю тебя я до поворота».

Мы пили пиво. Джип скрылся за поворотом. Ни адресов,

ни фамилий, ни телефонов. «Пусть эта капля будет мёд».

Полагающиеся на месяц два пузыря коньяку растягивать особого смысла не было. Поэтому собирались мы с Питом и на раз-два это дело и заканчивали. Чтоб не мучиться.

И вот как-то раз уже почти добрались до донышка, и Пит засобирался к себе в горное гнездо, как вражеский голос по транзистору нам сообщает, что дома у нас откинулся очередной дорогой и любимый. Не Лёня точно – кто-то другой.

Потому что, когда Лёня – меня забрали менты. Это я хорошо помню. Возвращаюсь с работы на хорошем градусе, а они мне – гоп-стоп! С какой радости бухаешь? Да я, говорю, между рейсами каждый день бухаю. А телевизор сегодня смотрел, спрашивают, радио слушал? Я, говорю, в конторе в преферанс режусь по 8 часов, после работы на девок столько же примерно уходит, в свободное время бухаю по-чёрному. В рейс готовлюсь. На телек или там радио времени, извините, совсем не остаётся. Отпустили, короче. Домой прихожу – чего это, думаю, они ко мне с телеком прицепились? Включил ради интереса, а там «Лебединое озеро».

А тут у нас по такому случаю ни телека, ни лебединого озера. И коньяк допили. Позвал я своего санчопансу. Горе, говорю, у нас. По русскому обычаю, что похороны, что поминки, бухать надо непременно. Тащи самогон.

Принёс он пузырь. Потом ещё один. И всё, главное, удивляется, что это у нас предводители мрут так дружно. Это, говорим, без пол-литры не понять. Тащи ещё. Да и самогон-то

тот – тьфу! – дамское вино, градусов до 30. Только стаканы пачкать. Подходит критический момент: всё, говорит, нету больше.

Ну, мы ему опять про русские традиции, про политический момент и дружбу народов. Развели, короче. Приносит он трёхлитровую банку. Настойка, говорит. А там, значит, ящерица плавает в самогоне. Ну не то чтобы прям плавает, и уже и не ящерица совсем. В мутной жиже видно голову, лапы и хвост такэ, древесной ящерицы, а всё остальное лохмотьями по банке.

Толмач говорит, что, мол, это целебная настойка скоро будет. Ну как обычно, чтоб стояло и моглось. И потреблять, значит, можно по сто грамм в день. Ну, мы с Питом, конечно, эту его хитромудрую теорию игнорируем и через марлечку полбанки отливаем. А через какое-то время, естественно, и ящерицу через ту же марлечку отжали.

На следующий день просыпаюсь: голова раскалывается, и не стоит, что характерно. То ли теория лженаучная, то ли ящерица не половозрелая, то ли сильно пережрали. И Пита нет – наверно, к себе ушёл. Наверно, вчера. Но голова болит сегодня.

Собрался кое-как с силами и со своим поильцем-кормильцем двинули в кафушку за пивом. И прошли-то всего ничего – глядим, Пит на обочине в кактусовых зарослях лежит, в самой чаще. Обалдеть! Принесли мачете и давай просеку рубить – колючки по три метра высотой. А у Пита, главное,

ни занозы, ни царапины. Про змей и скорпионов лучше и не вспоминать. Во что значит любимец Бахуса.

Питейное это заведение мы с Питом посещали редко, но регулярно. Раз в неделю. Сначала просадили всю свою наличность и решили перейти на бартер. Пиво на сгущёнку, которая здесь не то что дефицит, её просто нет. Но мои верные оруженосцы восстали против такого разбазаривания стратегического сырья и вопрос оплаты с барменом решили сами.

Вопрос «а какой сорт пива вы предпочитаете в это время суток?» перед нами не стоял. Потому как было только бутылочное Тайгер. Довольно неплохое, надо сказать. И после пяти-шести пузырей самочувствие было очень даже ничего. На закусь, правда, ничего приличного, на наш вкус, не было. Морепродукты местного приготовления имели такой кондовый запах, вид и вкус, что мы предпочли остановиться на банальном арахисе с солью.

Стоит заметить, что наши высокие котировки в кафушке поддерживались ещё одним весомым фактором – моим дизельгенератором. Притом что электричества на острове практически не было, только в сельсовете и в штабе гарнизона. К слову, два старых джипа тоже были только у них.

В силу этого почти монополизма (реформы Чубайса – тьфу-тьфу-тьфу, не к ночи будь он помянут – сюда, слава Богу, ещё не дошли) наше метеобунгало по вечерам являлось на небольшом острове маленьким оазисом цивилизации. Почти каждый вечер у парней с метео собиралась мо-

лодёжь: учителя, медики, сельсовет. Чисто культурное мероприятие: чаёвничали, бренчали на гитаре, делали стенгазету, печатали фото.

Я, как представитель генерирующей компании, тоже иногда пытался принимать участие в этих посиделках. Тем более что одна училка начальных классов, на мой европейский вкус, имела очень даже привлекательные формы. От услуг переводчика в силу пикантности ситуации, естественно, пришлось отказаться. Зато очень кстати пришёлся привезённый из дома разговорник. Это в борделе знание языков не обязательно. А вот чтоб закадрить а-ля тургеневскую барышню, да ещё где-то на краю света, без пары слов не обойтись. И, к слову, покидая через несколько месяцев остров, благодаря sleeping dictionary я имел неплохой словарный запас.

Наличие моего генератора позволяло иногда проводить ещё одно культурное мероприятие – крутить кино. На соседнем пустыре из футбольных ворот делали киноэкран, и тропическая ночь превращала кочковатую поляну в битком забитый кинозал. Иногда киноустановку и фильмы привозили местные с материка, несколько раз я брал на приходящих к нам наших пароходах и установку, и фильмы.

Какой наш фильм, да ещё без перевода, можно показать в таком захолустье – большой вопрос. Тем более что пароходская фильмотека, как правило, формировалась соответствующей организацией довольно оригинально.

Основу составляли фильмы типа «Ленин в Октябре», «Ленин в Польше», «Ленин в 18-м году». Сами понимаете, что зрителям из восточноазиатской деревни офигительно интересно смотреть, как дедушка Ленин в каком-то разливе тащится в шалаше от книжки Карла Маркса. Втайне от Керенского и Надежды Константиновны.

Другую часть фильмотеки наполняли фильмами про стройки, сталеваров, колхоз. В них какой-нибудь чудик в лаптях или телогрейке выводил на чистую воду голубого директора. А парторг в галстуке, нервно покуривая, разруливал катаклизму. Гамлет отдыхает.

А чтоб показать моряку в рейсе сексапильную бабу, так это вообще шар в лузу. На моей памяти только раз мелькнула на экране на три секунды голая грудь: Сенчина рисанулась в какой-то фильме про дикий Запад. И всё.

Оставались только фильмы о войне. Но и здесь большая часть приходилась на убогие совковые боевики. Из приличных фильмов вспоминаются в первую очередь «На войне как на войне»; «В бой идут одни старики»; «Женя, Женечка и катюша».

Так что закрутил я как-то на пустыре «Два бойца». Ну и переводчику предварительно выдал аннотацию, чтоб хоть немного народ в теме был. Короче, на войне один поц из Одессы пристал до честного фраера из-за Урала, типа давай дружить. Но Саша с уральмаша конкретно хотел одну питерскую чувиху, и поэтому весь этот развод на мужскую друж-

бу посылает на буй сигнальный. А этот одесский биндюжник припёрся на хату к бабе и на пианине им всю малину обломал. Ну уральский пельмень от такого нахальства одурел и с пулемётом упёр в атаку. И что вы скажете за Одессу. Он, получив от Саши таки облом в отношениях, решил под шумок атаки сбегать во вражеский окоп, нарываясь на ахтунг. Но Саша с уральмаша эти содом и гоморру из пулемёта разбомбил. И пока типа кореш в отключке, попёр к бабе в Питер. 1:0 в нашу пользу.

Между прочим, мне за мою миссионерскую деятельность на острове в сельсовете дали грамоту с красной звездой. И на банкете напоили водярой.

Но как ни хороша была эта островная жизнь, стоило только прийти моему родному пароходу, как рванул я оттуда без оглядки. Променяв тропическое звёздное небо и креолку на океанском пляже на яичницу с беконом на завтрак и персональный ватерклозет. Теперь думаю: зря.

И по своему природному раздолбайству и пофигительству бросил там и мешок с обалденными раковинами, и чучела огромного омара и здоровенной черепахи, презентованные мне по случаю отъезда доброжелательными аборигенами.

***

P.S. Ровно через 25 лет, когда белый пароход неспешно пробирался в сторону экватора, на траверзе на линии горизонта из густого тропического марева выплыл тот самый остров. Что и послужило поводом настрочить всю эту одиссею.

Южно-Китайское море. 2007 - 2012 гг.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ…

История такая. В уже далекие времена очень-очень развитого социализма пришлось мне добираться с нашего Дальнего Востока в их недалёкую от нас Юго-Восточную Азию. Это сейчас сел на аэроплан, и через пару часов ты среди кокосовых пальм и всяких там тайских массажисток. А тогда это выливалось в целое кругосветное путешествие во времени и пространстве.

Короче, пароход наш после ремонта шел в одну сильно дружественную нам страну, а нам, как говорится, научным сотрудникам, предстояло следовать до места встречи воздушным транспортом. Причём, что интересно, надо было сначала через всю страну переть с крайнего востока на запад в столицу нашей родины, а потом уже с загранпаспортом и печатью в нем тащиться почти параллельным курсом обратно на юго-восток.

Собрались мы после отпусков, отгулов и прогулов за несколько недель до вылета: справки-документы сдать куда надо, ну и вообще, чтоб быть под рукой у начальства. А так как делать в конторе нам было абсолютно нечего, то появ-

лялись мы там на перекличку каждый день часам к одиннадцати: покурим, побазарим с полчаса за жизнь – и свободны. Правда, если не придёшь, особого шухера нет: все в курсе, как мужикам тяжко по утрам вставать.

Ну вот, в связи с такой обстановкой у меня шла уже вторая, а может, и третья – кто их считал! – неделя легкого, так сказать, запоя. Не то чтобы до соплей или белой горячки. Культурно и пристойно, но тоже хорошо. Я и товарищ мой, в народе Петёр Герасимович (второе ё), вели жизнь размеренную и бесхитростную. Обычно сознание прояснялось и душа с телом соединялись часам к десяти, ну, может, к пол-одиннадцатого. Совершив неторопливый моцион в общаговском умывальнике и сортире или наоборот – это уж как повезёт – мы выходили в город. Хотя нет, выходили мы только из общаги, а дальше сил идти не было, и поэтому передвигались мы исключительно на такси. Да и маршрут наш не впечатлял разнообразием: «Сахалин» или «Нептун». Это центровые кабаки нашего города. И открывались они как раз где-то в это время для кормежки прибывающих на обед тружеников тыла.

Надо заметить, что отличительной чертой нашего, в сущности, небольшого города было относительно большое количество кабаков и примкнувших к ним питейных заведений классом пониже. И хотя все они, за исключением «Сахалина», были построены не так давно в стиле социалистического реализма и поэтому особыми изысками архитектуры не

отличались, главное, что страждущий всегда мог найти себе пристанище и занятие по душе.

К центровым, которые посещались нами довольно регулярно, можно было ещё отнести «Вечер» и, конечно, «Спорт» – небольшой кабачок в парке, недалеко от знаменитой пивной веранды. А ещё был «Отдых», два кабака в гостиницах «Центральная» и «Турист», «Орбита» на стадионе, кабачок в стоявшем прямо у города на сопке пансионате «Горный воздух», и для особо страждущих – кабак в аэропорту.

Стоит ещё, конечно, упомянуть добрым словом знаменитый пивной кабак «Алые паруса» – вечная ему память. Классная была штука в центре города, деревянная, одноэтажная, на два зала, с чудным рыбным ассорти к пиву. Да вот место это приглянулось большевикам, и решили они вместо «Алых парусов» устроить себе новый обком под красным флагом. Но, как говорится, бог шельму метит, и возведённый на святом для всех скитальцев морей и полей месте билдинг по причине перестройки и гласности партийной явкой стать не успел. И хотя в новом бизнес-центре появился ещё один безликий городской кабак, названия которого не упомню, восполнить понесенную мужиками утрату он уже, конечно, не смог.

Ну а кроме кабаков по городу было рассредоточено ещё несколько забегаловок типа чепок, где за высоким столиком можно было пропустить одному или с корешем рюмку-дру-

гую под какой-нибудь бутерброд.

И, конечно, сеть пивнушек, центровыми из которых были стекляшка за переездом напротив рынка, пивная в подвале под кафе «Крильон» и уже упоминавшаяся веранда в парке, достопримечательностью которой, кроме природы и свежего воздуха, была парочка ворон, запросто садящихся на столик и хлебавших из кружки пивко и закусывающих рыбной шелухой.

Вообще, надо сказать, городские власти заботились о народе, чтобы было где после работы или вместо таковой оттянуться на полную катушку и не забивать себе голову всякими бреднями про социальную справедливость, социалистическую законность и прочую тягомотину. Короче, пей, гуляй, веселись, остальное в рифму!

Так, о чем это я?

И вот, как говорится, труба зовет, завтра в полет. Вышли мы с Питом из общаги и решаем, куда податься, где провести последний денек, в смысле в «Сахалин» или «Нептун». В каждом варианте свои резоны. Если с прицелом на вечер, то можно и в «Сахалин». Там и вид посолидней, колонны-балконы всякие, и дамы в вечерних платьях позабористей. Но в «Нептуне» зато кухня получше, особенно если после вчерашнего: всякие там морепродукты организмом с подорванным здоровьем лучше усваиваются, да и под пивко с водочкой идут очень даже. И хотя башка соображает туго, решили быть последовательными до конца. Едем в «Нептун», подле-

чимся, а потом уже переберемся в «Сахалин», благо ходьбы между ними даже нам три минуты.

Добрались до «Нептуна» без приключений, заняли столик в уголочке, чтоб суетящийся народ сквозняков не создавал, и сразу первым делом по бутылочке пивка из холодильника и по салатику из кальмаров под майонезом. Они варёные, соломкой в пиалу наструганы, заправлены холодным майонезом – пальчики оближешь. Хорош также для этого дела морской гребешок в горчичном соусе – крутая вещь. Ну после пивка и кальмарчиков томленье в груди вроде прошло, лицо тоже вроде как натуральную окраску приобретать стало.

– Давай, – говорю, – Петя, процесс релаксации организмов возьмём под строгий контроль: графинчик водочки и по горшочку морского ассорти, а уж потом смотря по самочувствию решим, что делать дальше. Так и замесили.

Скажу я вам, прав был профессор Преображенский, в том смысле, что настоящие ценители водочку принимают под горячие закуски типа жюльен и тому подобное. Думаю, и наш, в смысле нептуновский, горшочек профессор бы оценил. Он, горшочек, керамический, заполняется всякими моллюсками и прочими ракообразными морепродуктами, плюс, конечно, лучок, специи, залепливается тестом – и в печь. А потом горячим с запекшейся лепешечкой прямо вам на стол. Корочку подорвал, кусочек поподжаристее в рот, ложкой зачерпываешь парящее, ароматное и водочка холоднаяаааа...

Кайф, аж слюни потекли, как вспомнил! Короче, час-дру-

гой пролетели незаметно. Биения всякие в груди успокоились, спина отвалилась на спинку стула, организм расслабился и принял свое оптимальное состояние. За последние недели и дни количество алкоголя в крови достигло какого-то критического значения, и поэтому сколько и чего ни пей, всё время находишься на одном уровне: в меру пьян, в меру весел, а жизнь во второй половине дня приятна и удивительна.

Время к трем, в кабаках перерыв до вечера на профилактику, надо принимать решение, как жить дальше.

– Что, – говорю, – Пит, перебираемся в «Сахалин», пока его не закрыли?

А он только кивает, развалился на стуле и тащится, как котяра от валерьянки.

Скоро ли, долго ли, перебрались мы на другую сторону центральной улицы имени, конечно же, дедушки Ленина. Петя, гад, машин шугается, еле перетащил его на другую сторону, как линию фронта переходили. Ну и распахнулись перед нами знакомые двери.

До перерыва времени оставалось немного, но мы особо не торопились, так как знали одну хитрую хитрость, проверенную временем и практикой. Если сделать сразу большой заказ, чтоб халдею больше не бегать, и ещё дать сверху, то запросто можно остаться в кабаке до вечера.

Оценив, так сказать, диспозицию, мы и решили с Питом не мельтешить попусту туда-сюда, а плавно перейти к вечерней программе, как в общем-то уже не раз это делали. Зака-

зали мы водочки с пивком, селёдочки, рыбки красненькой, салатик крабовый, икорочки опять же красненькой. А что, зря, что ль, на острове живем. Так потихоньку, не спеша, с перекурами и дотянули до вечера.

А вечером начинается уже вторая часть Мерлезонского балета. В том смысле, что жрать уже нет ни сил, ни желания, а кабак начинает заполняться дамами. Типа дам, не дам и дам, но не вам. Ну и мужики тоже, конечно, подтягиваются – офицера и бродяги разных мастей.

Должен вам заметить, друзья мои, что вечерний кабак в то время был не предприятием общественного питания высшего разряда, а, если говорить по-нынешнему, этакой сексбиржей. Причем спрос и предложение почти всегда находили друг друга.

Где ещё можно так быстро и без особых прелюдий познакомиться, обсудить планы на вечер и претворить их потом вместе в жизнь, как не в кабаке!

Бабы, одуревшие за день от тоскливого сидения в своих учреждениях и конторах, от гама и суматохи магазинов и школ, приходили в кабак не просто хлобыстнуть пару фужеров шампанского и сплясать ламбаду, а прежде всего подобрать себе на ночь мужика, с которым можно забыть всю суету серых будней, забыть про всякие там эмансипации и придворные этикеты, а попросту расслабиться до потери пульса.

Поэтому, приглашая даму на медленный танец, ты знал, что пришла она сюда за тем же, что и ты, и выпендриваться и

строить из себя восьмиклассницу не будет. Но, конечно, без хамства – ритуал должен быть соблюден. Да и к тому же, в отличие от нынешних, те дамы делали всё не за баксы и евро, а чисто из любви к искусству или, если угодно, по бартеру.

Короче, дело к ночи. В кабаке музон-шансон, танцы-обжиманцы, стрельба глазками и пируэты бёдрами. Народ отдыхает.

Мы с Питом особо не усердствуем, так как организмы резких движений не одобряют, ну и торопиться нам особо некуда.

И тут Петруха заявляет, что он сегодня что-то не в форме и вся эта бадяга ему претит. Заказал ещё графин водки и пошел в отрыв. Но не брошу ж я товарища, поддержал компанию, но торможу, потому как помню ещё, что это у меня последний вечер на родине и перед дальней дорогой надо заземлиться как следует. Но это уже всё смутно и почти на автопилоте, потому как количество всё же переходит в качество и груз прожитых дней давит на мозжечок все сильнее.

Поэтому подробностей не помню, да и вообще ничего не помню – очнулся уже на улице, обдутый свежим ветерком и остуженный ночной прохладой. Справа на руке Петёр Герасимович висит в дупель, слева вцепилась какая-то деваха. Но так как с Питом они явно в разных весовых категориях, то идём с приличным креном на правый борт. Благо, подкатил какой-то жигуль, и порулили мы к себе в депо.

Общага наша конторская, по-простому депо, находилась

за железкой среди таких же себе подобных и имела соответствующий вид серо-коричневого деревяного одноэтажного барака. Система коридорная, почти все комнаты занимали семейные, лишь в одной-двух стояло 3-4 кровати для пацанов, где прописана была толпа народу, но постоянно жил только Пит, когда не был в морях. Я же все это время ночевал в соседней комнатушке семи квадратных метров, которую выбил себе наш кореш Малыш и в которую по причине проживания в данный момент у своей крали он меня и пустил.

Весь мебельный гарнитур в апартаментах заключался в деревянном топчане, как в КПЗ, занимавшем, наверное, метров пять, сбитом собственноручно Малышом из подручных материалов, ну и паре полок да вешалок. Представьте, как в ней жилось Малышу с его двумя метрами роста и ста килограммами чистого веса. Ну и если с воображением у вас в порядке, можете представить и меня на пару с девахой на этих квадратных метрах.

Пита я, конечно, припарковал на его койке, ну а сам к даме со своим меркантильным интересом. К тому времени я уже немного очухался и, как говорится, предъявил мандат и показал товар лицом, тем более что деваха оказалась ничего и было куда это свое лицо приткнуть. Лет ей было, наверно, 27-28, имени я, естественно, не помнил, потому как и самого знакомства не помнил, да и вообще с именами у меня тяжко.

Но все прошло хай-фай, мило и непринужденно, только

вот с прелестями своими она попросила меня обходиться полегче, потому как на данном этапе она кормящая мать и может случиться всякое такое. Прямо Ги де Мопассан в натуре. Я прямо оторопел от такого пердимонокля, но потом ничего, приноровился.

В промежутках пару раз выходил проведать Пита. Он вернулся в суровую действительность земного бытия, и мы с ним накатили по паре рюмах коньячку для бодрости.

Рано утром теплая и мягкая, словно кошка, кормящая мать спешно меня покинула, чмокнув в щеку. Мне бы, псу позорному, хоть на тачку её посадить, но... вот такая хрень.

Я ещё покемарил немного вполглаза, потому как будильник в башке тикает: мне ж на самолёт надо. Часов в десять встал, вещички в чемодан побросал, собрался, значит. Захожу к Питу, а он, бляха-муха, лежит, журнал «Наука и жизнь» читает. Вдумчиво так.

– Что, – говорю, – юный техник, делать будем?

Он на меня уставился, как член крестьянской коммуны на лампочку Ильича.

– Раньше, – продолжаю, – нас двое было, а теперь трое. Надо корректировать программу.

Пит задумался:

– А что, – спрашивает, – твоя с нами едет?

– Петёр Герасимович, ты от своего наукообразования совсем припух, что ли? Какая моя? Чемодан с нами едет и надо с ним что-то решать.

– Ну и? Пусть едет, – тупит радиолюбитель.

Вижу, диалог затягивается, выкладываю ему весь расклад.

Что сейчас едем в кабак – не обсуждается даже. Оставлять чемодан здесь – это или потом забудем или все время только о нём и думать, торопиться, короче, весь кайф поломаем. Тащить с собой в кабак тоже не вариант. Куда его там девать и, опять же, таскайся с ним потом.

– Напрягай, – говорю, – свои мозги, научно-техническая интеллигенция, ищи рациональное зерно.

Петя пару минут глядит в потолок и выдает идею:

– А давай мы его в камеру хранения на ж/д вокзале сдадим. Это в центре, от кабака недалеко, и такси там всегда под рукой.

Я прикинул: идея неплоха, но сыровата.

– В свете твоих идей, Пит, решение предлагаю такое. Забиваем на гастрономические изыски, а водка – она везде одинакова. Едем сразу в аэропорт. Там и кабак какой-никакой, и камера хранения тут же. И время экономим, и минимум хлопот.

Петя НЖ под подушку, ноги в носки. Едем, значит.

Добрались до аэропорта строго по графику, часам к одиннадцати, а на самолёт мне к трём, на всё про всё часа четыре. Пит – в кабак сразу, место столбить, я – в камеру, чемодан пристроить. А там полный абзац. Примем без проблем. Но потом перерыв как раз перед моим рейсом, то есть грубо-примерно через час-полтора забирать чемодан надо об-

ратно. Огорчился я, конечно, сильно, стою посреди аэропорта: что делать? Смотрю: у регистрации никого, и две девки за стойкой сидят и весело о чем-то чирикают. Подхожу.

– Барышни, выручайте! Примите чемодан на хранение, всё равно мне вам его скоро сдавать.

Они билет мой посмотрели, говорят:

– Рано ещё очень.

Я продолжаю:

– Такое дело, меня друг в кабаке вашем наверху ждет. Пока до рейса дойдет, боюсь, меня самого в багаж сдавать придется, а уж где к тому времени чемодан окажется, я вообще гадать не берусь. Помогите, шоколад за мной!

Смеются! Весело им. Но вижу, что и гнать-то не гонят.

– Пошел, – говорю, – за шоколадом.

Возвращаюсь, вручаю презент с чемоданом впридачу.

– Жаль, что улетаю, – говорю. – Но обещаю вернуться. И не с шоколадом.

– Все вы, – говорят, – обещаете вернуться.

Достали чистые бумаги для регистрации пассажиров и меня под номером один туда вписали. И чемодан мой укатили куда надо. А я бегом к Питу.

Ресторан в аэропорту – одно название. В лучшем случае кафе, а то просто столовка. Ни интерьера, ни комфорта, ни кухни. Только и того, что спиртное подают да в окно самолёты видно. Ну у меня больше дел на острове не осталось, время идет, и налегли мы с Петей на неё, родимую, со всеми

оставшимися в организмах силами. Хорошо хоть уговорили официантку вести хронометраж нашего сидения и в нужный момент выгнать нас на посадку. Сколько пили и чем закусывали – не помню, очевидно, за давностью лет.

Вдруг чувствую: кто-то в бок тычет. Что за фигня. Смотрю: Малыш рядом.

– Сейчас, – говорит, – стюардесса стаканы принесет.

– Какие стаканы, какая стюардесса? Где Пит?

– Пит на депо, наверно, а мы сейчас по соточке.

Смотрю: ё-мое! Сидим в самолёте, причем последний ряд. И девчонка стаканы несет. И воду. Охренеть!

– Давно летим? – спрашиваю.

– Да ещё не взлетали.

И в стаканчик мне водяры набулькал. Я на автомате выпил и сижу, дурею. Мужики впереди тоже водку жрут, и дым до потолка. А Малыш опять мне в стаканчик булькает. И весёлый такой, сука!

– Не части, – говорю, – дай продохнуть.

А он:

– До взлёта надо успеть. Турбуленция.

И снова булькает. И турбины как загудяааа...

Опять Малыш в бок толкает.

– Дай вылезу, – говорит.

– Куда вылезешь? Совсем опух, я у окна сижу.

– На улицу.

И прёт как танк. Я смотрю: а это и не самолёт вовсе. Что

за коллизия опять?

– Где самолёт? Мы ж в самолёте летели.

– Уже прилетели, – Малыш говорит. – На дозаправку сели. Ну и у нас горючее кончилось, вот и поехали.

– Куда? - интересуюсь.

– А хрен его знает. Водила с аэропорта повез, обещал, что за двадцать минут успеем. Тут коньяк хоть и дорого, но без очереди.

И исчез с горизонта.

– Минералки купи, пить хочу, помираю! – ору вослед.

Огляделся: в машине ещё Никотин сидит и предводитель на переднем сиденье. Сколько времени прошло – не знаю. Возвращается Малыш, меня в середину затиснул.

– Купил? – во рту, как в пустыне.

– Купил!

И открывает кейс, полный коньяка.

– Где минералка, – говорю, – я без воды не поеду. Сейчас сам пойду.

И вылезать.

Они на меня давай орать всей кодлой. Нехорошие слова всякие. Благо дядька таксист початую бутылку какой-то минералки вытащил, я её, как вакуумный унитаз, вмиг засосал.

– Жаль, – говорю, – без газа.

А эти гогочут:

– Газ у нас с собой.

И к мужику.

– Раз такой запасливый, доставай стакан.

Тот гад, точно, стакан достает из бардачка, ну и пошел коньяк по кругу. Меня, естественно, в эту воронку тоже засосало.

А Малыш опять достает. Что ж его, москаля, ни водка, ни коньяк не берет. Его легче убить, чем напоить. Хотя убей такого: 200 см на 100 кг. Чего он теперь от меня хочет-то?

– Ну?

– Это твой чемодан по кругу катается?

– Какой чемодан? Как ты меня достал!

Открываю глаза – а мы в аэропорту, и на выдаче багажа мой чемодан по транспортеру круги нарезает.

– Что за фигня? – спрашиваю.

– Прилетели, – говорит. – Столица. Получай багаж.

Как прилетели? Когда? Ладно. Беру свой чемодан и в автобус. Везут в гостиницу. Ночь на дворе. Голова трещит.

Привезли в какую-то дыру: экономят, падлы, на трудящихся. С виду большой хотель, а внутри барак каторжный, дом колхозника. Этажей много, а система коридорная, и всё в конце коридора. В комнате две кровати и диван. Ну я сразу диван застолбил – и на поиски чего-нибудь попить.

Выхожу из номера, а соседняя дверь – буфет. В ассортименте шампань, шоколад и сосиски. Остальное говорят утром подвезут.

Что делать? Затарился – и на диван.

Прожили мы там двое суток. Я дальше соседней двери так

и не ушёл. Выйду, запасы восполню и назад на диван. Пузырьки шампанского уже из всех щелей прут.

На третий день предводитель наш зашел.

– Паспорта готовы, – говорит, – завтра утром выезжаем в аэропорт. Выйди хоть купи что надо.

– А что надо? - спрашиваю.

– Разрешено две бутылки и два блока сигарет.

– Мне, – говорю, – ещё тапочки надо, а то хожу тут босиком.

– Во-во. Тебе, может, помочь с колониальными товарами?

– Не грузите меня ниже ватерлинии. Разберусь.

Собрался с силами и вышел. Столица. За углом вроде, говорили, какой-то проспект. Высунулся – мама дорогая! Машин! Народу! Аж голова закружилась. Я задний ход – и к гостинице. В переулке гляжу: продуктовый магазин. Купил там пару «Пшеничной» и болгарских сигарет. Всё, думаю, хватит, погуляли, пора на диван. И тут подфартило: рядом палатка со всякой хренью, и там домашние тапочки. На радостях чуть две пары не купил. И назад. Главное, водку не выпить до отъезда. Но обошлось, до утра продержался на шампанском и сосисках, а там и в Шереметьево пора.

Приехали в аэропорт, ну и на контроль. Нас человек пятнадцать. Первые прошли, подходит очередь одного нашего чудика – поэт Портвейн-Водкин, передвижник. Пограничница его увидела и оторопела: ладно, небритый, ладно. в телогрейке, так он ещё в руке полную авоську водки держит.

Бутылок восемь. Она аж глаза закатила.

– Конечно, товарищ, телогрейка даже очень подчёркивает ваше рабоче-крестьянское происхождение, но через границу провозить можно только две бутылки водки.

А он на хорошей кочерге, фиг чего понимает, только паспорт ей молча тычет. Баба в погонах ему пытается свою мысль донести о правилах провоза спиртных напитков через границу – а тот в ступоре. Паспорт суёт и не мычит не телится.

Международная обстановка резко накалилась, но предводитель наш вежливо и аккуратно тащит этого чёрта за телогрейку обратно на родину. Что делать? У всех и так по две. Не выбрасывать же. И пока остальные пассажиры проходят, мы всем оставшимся коллективом на глазах у таможни утилизируем с горла шесть бутылок столичной.

Как переходили границу – не помню. Но никто не отстал.

Очнулся в самолёте. Опять рядом Малыш шебуршит. Доедем до парохода – сгною, гада, на корме.

– Обед, – говорит, – несут.

Он, конечно, пожрать не промах, но тут, оказывается, дело опять пахнет выпивкой.

Желающим раздают по мерзавчику сухарика, но выясняется интересная штука. Полсамолёта занимают эти самые азиаты, к которым мы летим, и они почему-то не пьют. Почти все. То ли вера не позволяет, то ли воспитание.

Малыш эту тему сразу просёк – и к стюардессе. Руку на

талию, ну и развести москвичи умеют. Короче, уболтал девку, та тащит полный поднос этих самых мерзавчиков стограммовых.

Начинаем обедать. Штуки по четыре выпили – не могу, не лезет уже, и изжога началась.

– Мне, – говорю, – после аэропортовской водки вино что-то не пошло.

А впереди Стас сидит.

– Во-во, – говорит, – и мне не идёт.

И достаёт литровую бутылку водки. Полетели дальше.

Говорят, было две промежуточные посадки в Пакистане и Индии. Наверное, не врут.

Прилетели. Азия. Юго-Восточная.

Из самолёта вышли – кранты. Русская баня отдыхает. Ладно, жара, так ещё влажность такая, что джинсы прямо прилипли. Мотор внутри молотит как бешеный. Не продохнуть. Что можно, с себя постягивали – пофиг. Смотрю, у меня пакет с тапочками. Кроссовки скинул, влез в тапки – чуть легче. Но это полдела. Прошу Малыша, чтоб пошукал пива где-нибудь. Но в аэропорту – ноль. Уже по дороге Малыш достал водилу, тормознул автобус и в какой-то забегаловке взял пива ихнего. Только это и спасло.

Наконец добрались до своего родного парохода. Душ, кондиционер – и спать. Только графинчик для газировки за дверь выставляю – кто мимо проходит, сжалится, принесет из автомата. Так пару дней и отлёживался, пока не пришла

пора выходить на работу.

Ну и всё. Конец путешествиям. Два месяца суровых трудовых будней, а потом обратно на остров, но уже неспешно, пароходом. Вот такая история.

***

Примерно через год отдыхаю вечером в «Нептуне». Смотрю: через пару столиков сидит вся из себя и вроде как знакомая, но вспомнить, кто такая, не могу. Долго под коньячок вспоминаю – ноль. А она всё с офицерами танцует, те, кобели, прямо в очередь выстроились. Тут лабухи объявляют последний танец – и финиш. Надо, думаю, сомнения рассеять, а то ночью плохо спать буду.

Подхожу к её столику, а она смеется:

– Наконец-то!

И очередного офицера отбрила.

Говорю:

– Извини, конечно, похоже, мы знакомы, я уже полвечера вспоминаю, кто ты и откуда, но что-то торможу.

А она:

– Да я давно заметила, как ты на меня уставился, думала, что так уже и не подойдёшь. А познакомились мы год назад, перед твоим отъездом. Вы с другом в «Сахалине» гуляли, а потом я к тебе в общежитие поехала.

– Ещё раз извини, – говорю, – но имени твоего я тоже не помню.

– Люда.

Очень мило.

– А я ведь, – говорит, – приезжала тогда в аэропорт тебя провожать.

– И как, проводила?

– Только взглядом, когда тебя из ресторана в самолёт переносили.

Вот такой круговорот воды в природе. А спал я в ту ночь хоть и мало, но хорошо.

Баренцево море, 2007 г.

КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ

День – с детьми в зоопарк, вечер – с соседом по коньячку, ночь – подруге до последней капли. Утром дверь закрыл и не оглядываться. И к едрёне фене синенький скромный платочек и воздушный поцелуй на причале.

По дороге зашел в пивную освежиться, расплатиться, проститься.

Сбор с утра. Но так как все знают, что с утра никто придет, автобус подогнали после обеда. А так как все знали, что автобус будет после обеда, то с утра никто и не пришел.

Только отъехали – остановка. Прикупили пару ящиков

пива и, кто прошляпил накануне, водки.

Следующая остановка за Соловьевкой. Пикник на обочине. Разложились с видом на море на крутом берегу Анивского залива.

Сначала по соточке за здоровье, а так как здоровье в нашем деле главное, тут же по второй. И всё это дело селедочкой, родной, дальневосточной, пряного посола. Да ещё пару головок лука, сладкого, крымского, с синим отливом на части порубили. А она, селедка, сука, на солнышке лоснится, играет, вслед за водочкой вовнутрь прямо косяком идет. Под неё, свежую, душистую, малосольную, да с лучком, пол-литра засадить нечего делать.

Потом, конечно, за тех, кто в море, и семь футов под килем. Вопрос очень серьезный, обстоятельный, поэтому на закусь уже идет палтус.

Берешь кусок позажаристее – имеешь вещь. Корочка хрустящая, внутри мясцо белое сочное и, кроме хребта, никаких тебе костей. Хорошо!

Что интересно, чего только не делали палтусу в советских обжорках, чуть ли ни на машинном масле жарили, а испортить не могли.

Палтус, он, зараза немного жирноват, но тут как раз уместно к нему гарниром запустить горку салата из морской капустки.

Конечно, обыватели Бобруйска или Урюпинска ничего, окромя картошки и соленой капусты, не видевшие, от этого

морепродукта шарахаются, как тараканы от дуста. Но поживший немного на Дальнем Востоке вскоре становится большим фанатом этого специфичного продукта.

Так что под палтус и морскую капустку накатили по полной.

А в продолжение пошла горбуша горячего копчения с корейским папоротником.

Ну горбуша она и есть горбуша. Она на Сахалине как сало на Украине – национальное достояние и продукт первейшей необходимости одновременно. Её, и соленую, и вяленую, и копченую, можно найти почти в каждом холодильнике. Даже если вообще ни хрена нет, горбуша всё равно есть.

Ну а папоротник – это уже местное ноу-хау, которое потом разбрелось с корейцами по рынкам страны до самого синего моря.

Вот под таким гарниром и проходит первая стадия пикника – водочная. И плавно переходит во вторую – пивную.

А в переходный период, когда водочку прихлебывают свежим пивком местного разлива, на первый план выходит, конечно, балычок из кеты или там нерки.

Только не жрать его как картошку – эстетично стругаем тонкими ломтиками и на кусочки хлеба с маслом кладём.

Берёшь в одну руку стопочку грамм 70, в другую кусочек хлебушка с желтым маслицем и нежной нерочкой и размеренным движением не спеша кушаешь сначала водочку, пару глоточков пива, а потом балычок. Ну и запиваешь всё это

опять из кружки пивком.

Пару минут сидишь тихо, наслаждаясь природой. Можно покурить. Потом опять берёшь стопочку и бутербродик, но только без спешки и жлобства, всё должно быть в меру.

Кстати, о балыке. Случай из жизни.

Берешь свежую кетину или нерку.

Где берёшь? Где и все берут, шевелиться надо.

Потом берёшь острый ножик и начинаешь разделывать тушку.

Но если нет острого ножа, значит, руки у тебя под другое заточены, да и где взять нерку или хоть кету такими руками.

У кого ножик есть, вспарывать её от рота до заду не по брюху, а по спине. Если икры нет, вываливаешь требуху, если икра есть – это другой случай.

Потом из башки (у рыбы) вырезаешь жабры и, наконец, аккуратно повдоль ножичком отделяешь хребет – и тоже в утиль.

Теперь тушку (рыбы) хорошо промыть в холодной воде и, подсушив её салфеткой или туалетной бумагой – что у кого есть – выложить на кусок марли. Где взять марлю, спроси у знакомой девахи. Ну уж если знакомой девахи нет, значит, и у тебя руки не под то заточены – гуляй отсюдова, голубок.

Остальные, закончив процесс разделки, приступают к главному.

Соль каменная крупная, да хоть и хохляцкая. Несколько щепоток рассыпаем равномерно по всей площади. Ч/л саха-

ру. Дальше по вкусу поперчить перчиком черным и душистым. Накрываешь сверху марлей и захлопываешь тушку. Марля и внутри, и снаружи. Потом заворачиваешь всё в пергамент или кальку, насаженную предварительно в офисе, и кладёшь в холодильник (не в морозилку!).

Через неделю ты без базара обладатель эксклюзивного продукта.

Ну а на пикнике балычок закончился, водочки почти все нахлебались, и наступает пивная часть застолья.

Но на острове пиво не пьют. Здесь пьют «пиво с корюшкой».

Это две большие разницы.

Рыбка эта, корюшка, зимой и ранней весной прет из лунок, пробуренных в меру поддатыми рыбаками на ещё не унесённых в море льдинах.

Говорят, что пахнет она свежим огурцом – не знаю, огурец не нюхал, но рыбка точно имеет свой эксклюзивный аромат

Во время массовой рыбалки все балконы Сахалина увешаны, как новогодними гирляндами, связками обдуваемой свежим ветерком корюшки.

Стандартная корюшка, толщиной в два пальца и длиной сантиметров 25, в готовом подвяленном виде набивается стоймя в трехлитровую банку, где под крышкой и дожидается своего часа.

Кто попробовал корюшку хоть раз, западает на неё навсегда.

Известны случаи, когда даже гражданки, в рот пива не берущие, за пару-тройку корюшек готовы буквально на всё. Не вру. И их понять можно.

А «корюшка с пивом» – это покруче, япона мать, чайной церемонии будет.

Пока ты отделяешь тоненькую. как папиросная бумага, шкурочку, потом расщипываешь рыбку повдоль на несколько аппетитных просвечивающихся на свету кусочков, потом легко надкусываешь один из них и, немного посмаковав вкус и запах, делаешь пару глотков натурального свежего пива, время стоит и ждёт.

Предающийся этому процессу регулярно может продлить свою жизнь до бесконечности.

И сколько ни ноет водила автобуса, что пора и ему ещё в гараж надо, пока корюшка не закончилась, никто никуда не поедет.

Стоит заметить, что на самобранке так и осталась нетронутой до худших времен литровая банка красной икры чьего-то собственного приготовления, в меру просоленной, без химии, икринки одна к одной.

Но мы, что ли, икры не видели. Да ещё слегка уже подсохший опять же с рыбой румяный пирог, испечённый чьей-то заботливой хозяйкой, очевидно с радости, что её бородатый постоялец наконец-то сматывает в моря.

Теперь не спеша можно и на пароход.

Отход назначен на 19:00, но настоящий капитан в поне-

дельник в море не выйдет. А у нас мастер что надо: до ноля дотянет любым способом, и только во вторник, хоть бы и в 00:05, даст команду на отход.

Так что пока наш красавчик ледокол, желтый верх – черный низ, в легком нетерпении, как породистый жеребец при виде зада хорошенькой кобылки, пускает пар из ноздрей и бьётся весь мелкой дрожью в предчувствии морской прогулки.

Перебравшись на пароход, те, кто послабже и устал с дороги, разбрелись по каютам покемарить часок-другой.

Остальные, раскинув оставшееся от пикника, расположились в лабо на ящиках с магнитной лентой, догоняясь водочкой в ожидании часа Х.

И вскоре по матюгальнику на весь пароход разнеслась долгожданная весть: на причал прибыл вождь и предводитель, он же держатель золотого запасу, начальник рейса собственной персоной.

Ему навстречу тут же из лабо выдвинулись пара человек, ещё твердых духом и телом. А помощь нетвердо стоящему на ногах и с трудом ворочающему языком начальнику была ой как нужна, ведь приехал он не с пустыми руками.

Согласно существовавшим нормам, для профилактики всякой аппаратуры на партию выдавалось 12 литров спирта на месяц. А так как в рейс уходили месяца на три, то и спирта получали сразу соответственно.

Вот с этими заветными канистрами и прибыл такой устав-

ший начальник со склада, вот этих заветных канистр и дожидались бедолаги по всему пароходу.

И не то чтобы у народа не было бабок на водку или там коньяк.

Нет.

Просто невозможно представить себе нормальную работу и вообще житье по соседству с двумя канистрами спирта: какая ж нервная система выдержит такое соседство.

В таких условиях процесс абсорбции градусосодержащей жидкости в организмах научных сотрудников может растягиваться на долгие дни, оказывая негативное влияние на производственный процесс, а главным образом доставая начальника беспрерывными посещениями ходоков с пустой стеклотарой.

А чтобы решить эту проблему кардинально и быстро. опытный начальник делал сразу ход конем: вызывал к себе какого-нибудь аксакала и со словами: «... и чтоб больше не …» – вручал ему полную канистру спирта. Сам при этом удаляясь со второй канистрой и капитаном на производственное совещание.

Тем временем в лабо процесс пошел.

Надо заметить, что часть спирта по-братски выделялась экипажу парохода и исчезала где-то за водонепроницаемыми переборками.

А в лабо, куда доставлялись стратегические запасы воды и хлеба, не спеша подтягивались из кают слегка опухшие и

помятые мужики.

Описывать процесс пития спирта очень сложно.

Всё в каких-то серо-мутных тонах, замедленные движения, рожи напряжённы и сосредоточенны, эмоции редки и скупы.

Тосты просты и доходчивы: «ну, давай…», «ну, поехали...»

Кто-то разводит, кто-то нет.

Одни запивают, другие закусывают.

Чем – абсолютно всё равно. Вкусовые рецепторы обожжены спиртом, в нос лезет убойный запах резины. Что красная икра, что баклажанная – один хрен.

И вот уже первые бедолаги отвалились назад, но благо падать некуда и идти никуда не надо. Их, согласно технике безопасности, заботливо кладут на бок и с размеренностью марафонца продолжают разливать брют по 7 коп. за литр.

Время незаметно переваливает за полночь. И вот кэп посылает далеко и надолго боцмана по телефону, а стармеха лично.

Первый со своей швартовой гоп-компанией с матом и перегаром спешно выбирают швартовые концы, второй сползает в машину и, раздолбав для порядка вахтенных, даёт добро на запуск подруливающих винтов.

Пароход неспешно отваливает от стенки, и ещё остающиеся в живых на мосту выводят его из порта.

Но и только.

Едва выбравшись за внешний рейд, пароход прижимается поближе к противоположному берегу залива, где абсолютно никакой боцман бросает якорь.

Машина переходит на холостые обороты, и пароход превращается в мираж, пристанище духов спиртосодержащих. И этот групповой спиритический сеанс растянется на долгие минуты, часы, иногда дни.

36 литров спирта – 72 литра водки – 144 бутылки – на старые дрожжи.

Однажды какой-то дядя в большом московском кабинете (наверно, язва припёрла) озаботился здоровьем геологов, буровиков и прочих скитальцев лесов и полей.

И чтобы прекратить эту всеобщую пьянку в полевой сезон на бескрайних просторах родины, от южных песков до северных морей, повелел, значит, этот нехороший человек заменить питьевой спирт на денатурат в таре с черепом и костями и предупреждениями большими буквами. Типа «не пей, козлёночком станешь!»

Ему, наверно, в детстве сказок не читали.

А то знал бы, что русский человек потому и дошел через тайгу и горы аж до Тихого океана, что во всякие там страсти-мордасти не верил и всё проверял на ощупь да на зуб.

Короче, после этого нововведения стали мужики вымирать целыми полевыми партиями и научными экспедициями.

А что, первопроходцы и первооткрыватели! Им ли боять-

ся всяких там костей-черепов и грозных приказов!

И пили, и дохли, и пили.

Вот тогда и издал министр геологии свой знаменитый указ, чтоб в поля и моря выдавали только питьевой спирт. А чтоб им там кайф хоть немного обломать, делали этот спирт с таким запахом, что хоть нос прищепкой зажимай.

А какой перегар! Муха, неосторожно попавшая под выдох, дохла на лету. Так и нарекли его – калоша. Любя, наверное.

А наш пароход в спиртовом угаре и калошном смраде почти двое суток не подавал признаков жизни.

Внешних.

Но глубоко внутри теплилась жизнь, обожженные глотки шумно отрыгивали и жадно поглощали леденящую воду, заливая пожар души и тела.

И снова булькало из канистры, и снова потоки воды тщетно пытались залить пожар преисподней. И было так.

Но оскудела рука дающего.

И красные волосатые носы морских бродяг вдруг уловили что-то мимолётное, неземное, манящее за собой.

Чудный запах постепенно заполнял всё пространство, дурманя головы и сводя в судороге пустые животы.

И стали выползать они из своих щелей на белый свет и брести, еле волоча ноги и цепляясь за переборки, вслед за волшебным запахом наверх.

И пришли они и сказали:

– Веруем! Есть Кок на свете!

И увидели они на камбузе блестящую супницу, полную ароматной искрящейся солянки. И скупая мужская слеза прошибла их.

За долгие годы морских скитаний пройдены все океаны, отведаны многие экзотические кушанья Востока и Запада, Севера и Юга, но всё это такая лажа в сравнении с нашей свежей, обжигающей солянкой на следующий день после страшной, черной пьянки

Когда ты, кажется, вышиб водярой из себя всё – и бренное, и нетленное.

И остались только ссохшийся скрипящий скелет и, словно рыбачья сеть с крупной ячеёй, серая трескающаяся кожа.

А тут она, жирная и сочная, горячая и густая, пряная и острая, дымящая и радужная, как палитра импрессиониста.

Солянка сборная мясная.

Она обволакивает твои кости, она наполняет твои поры, она впитывается в твою кровь и воскрешает душу.

И с каждой съеденной ложкой этого эликсира жизни, этого бальзама души ты оживаешь, возрождаешься, расцветаешь и, наконец, воспаряешь над чёрной бездной прожитых дней.

И вот им всем.

Настоящую солянку может сделать только кок, настоящий кок – только мужик.

Для настоящих мужиков.

Солянка.

Если в вашем холодильнике завалялся ссохшийся окаменевший кусок копчёной колбасы, вы вполне можете помечтать о мясной солянке, а что.

А если ещё в морозилке которую неделю мёрзнут пара-тройка кто их знает из чего сделанных сосисок – без базара, солянка вам гарантирована.

Для начала идёте в ближайший супермакет или на рынок и покупаете грамм 300 свежего мяса, лучше свининки, без костей.

Помыли, сварили, положили на тарелку остывать.

Бульон в унитаз, в новую воду кладете кусок курицы.

Конечно, лучше, если это вольнопасущаяся курица, погибшая под колесами вашего внедорожника, но можно на крайний случай и пару окорочков.

Сварили – курочку на тарелку остывать, а этот бульон уже идет в дело.

Две-три средних картофелины почистили, порезали на небольшие куски и отправили вариться в куриный бульон.

Пока там закипает, крупную луковицу и небольшую морковку эротического вида почистили, порезали и на сковороду с растительным маслом – жарим до золотистого цвета.

Всё варится-жарится, а вы остывшее мясо порежьте на небольшие кусочки, курочку отделите от костей, и всё это мясное – обратно в кастрюлю к картошке. Туда же лучок с морковкой.

Основа готова, теперь начинаем шаманить над вкусом, цветом и запахом.

Не забыли про сосиски. Вообще-то любителям мясного в них есть нечего, соя да крахмал, но нам они пригодятся для запаха и как наполнитель.

Под горячей водой стянули с них обертку и порезали разок повдоль и часто поперек на небольшие кусочки, а потом бросили на разогретую после лука-моркови сковородку.

Подлейте только масла и почаще помешивайте, а то эта биомасса, из чего они сделаны, сильно прилипает к сковородке.

Когда кусочки сосиски заметно поджарятся, бросайте их туда же в кипящую на медленном огне кастрюлю.

Теперь ваш заветный кусок копчёной колбасы почистить, мелко порезать – и тоже в кастрюлю. С мясом всё.

Когда ходили на рынок за мясом, не забыли купить 3-4 соленых огурца? Пробовали, чтоб хрустящие и не очень кислые? Так вот, огурцы порезать на кубики, как сосиски, и в кастрюлю.

Теперь вскрыли две баночки – оливки и маслины без косточек – маринад долой, каждую ягодку поперек напополам – и в кастрюлю.

Всё в кастрюле помешали и пробуем на соль, кому сколько надо.

Поперчите чёрным и красным перцем, кто как любит. Бросьте лаврушки 2-3 листочка.

Теперь небольшой пучок петрушки и укропа пошинковали – в кастрюлю.

И, наконец, нарезать 2-3 кружочка лимона, разделить каждый на 4 части и отправить в кастрюлю.

Помешать, попробовать на кислоту – если огурцы и лимон не очень, дорежьте ещё дольку лимона, но осторожно.

И всё. Готово. Выключили.

Взяли тарелку, половничком зачерпнули сначала снизу гущи, потом сверху всего понемногу. Поставили тарелочку и сверху ложку сметаны.

Теперь гляньте на тарелку – вы же Пикассо, блин!

Какая палитра, какая текстура!

Золотой лучок, алая морковочка, зелень оливы, синева маслин, солнечный лимончик и белоснежная сметанка.

Мы же художники, Киса!

И теперь не спеша всю эту красоту ложечкой, можно и без хлеба.

Кайф.

Вот и наши бедолаги пароходские трясущимися руками зачерпнули кусочек солнца и ещё неуверенно поднесли полные дымящиеся ложки к пересохшим губам.

И жизнь медленно поползла вниз по обожжённому пищеводу, и рука всё увереннее сжимает ложку, и с глаз спадает мутная пелена, и распрямляется спина, и душа возвращается в тело.

И не прошло и часа после чудесной трапезы, а пароход

загудел, как улей, затопали уверенно по трапам вверх-вниз кожаные башмаки, завертелись моторы, загудели насосы.

И вот уже боцман в рыжей трёхдневной щетине маршрирует на бак выбирать якорь.

И вот уже на мостике до синевы выбритый и на десять метров разящий французским одеколоном штурман оглядывает горизонт.

И пошло-поехало.

И топчись оно всё конем.

Так провожают пароходы.

Какие на хрен поезда…

Южно-Китайское море, 2008 г.

О МОРЕ МОРЕ

Юрку Слоника вспоминая...

Где мы только не были!
Куда нас только не посылали!

Да чтоб этих пьяных рыбачков! Чуть не отполовинили нам всё по самое не хочу. Едва успели вывернуться, притопив всё своё забортное барахло на предельную глубину. У нас за кормой почти десять километров плавучего кабеля, а они залили шары и прут, хоть из пушки пали.

Кстати, когда работали на юго-восточном шельфе – а по-

рядки у них там строгие – наша охрана действительно палила из пушек по всяким олухам, лезущим нам поперёк курса. А сейчас мы в Охотском море, и вместо пушки у нас только ракетница, а хорошо бы ракетную установку.

Не знаю, как сейчас, а в былые времена такие пьяные пароходы встречались. Только не надо поднимать по этому поводу пустой звон: конечно, в море ходят не Красные Шапочки, но и поливать всех, не зная темы, нечего.

Обычно жлобы, солёной воды не хлебавшие, любят порассуждать о повальном пьянстве и разгильдяйстве на море. А в ответ им всякие дуболомы-помполиты и иже с ними, увешанные с макушки до яиц блестящими крабами и якорями, наоборот, встают в позу, строя из себя бледно-розовых девственниц.

Как будто речь идет о них. Ну их всех!

У нас речь о тех морских бродягах, что на своих судёнышках тралят моря и океаны по несколько месяцев без перерыва, не видя берега даже в подзорную трубу. Тралят в поисках трески или нефти – это уже кому как досталось. Тянутся вахта за вахтой, танкера подвозят горючку, воду, жратву, и только по крестикам на стенном календаре из Плейбоя можно отличить один день от другого.

Вот читаете эти строки в своем офисе, а представьте, что домой вам из него только через 90 дней, и спать вы будете тут же, у своего комка на раскладушке, и три месяца одни и те же рожи за соседними столами, да к тому же баб не бу-

дет вообще. Только в интернете. На *удаффкоме*. Какой там полет на Марс.

Вот морячку после вахты и снится всякое. И сколько ни тягай железо в спортзале, ни бегай по вертолётке, а всё равно просыпаешься с перпендикуляром, упёртым в потолок. И сбить этот накал традиционными средствами невозможно – ну нету баб на пароходе. А нетрадиционные в море как-то не прижились. Остается одно – накатить грамм пятьсот шнапсу и забыться хоть на пару часов.

Вообще мужики по-настоящему пьют в двух случаях: когда баба очень долго слишком далеко или когда баба очень близко, но слишком долго. И то, и другое утомляет.

Тут некоторые из европ гнали мелкую волну на восток. Так что им гундосить: утром перелез через бабу, до вечера на своей барже поелозил вдоль берега, а вечером опять рожей бабе в грудя, да ещё пивка бутылочку с собой прихватил. Так что не будем.

А на встреченном нами «рыбачке» бродяги, очевидно, через месяц-другой своей рыбалки для релаксации организмов поставили где-нибудь в теплом местечке брагу, а если были мастера, так и самогоночки сделали. А как все поспело, поставили машину на малый ход, заложили поворот несколько градусов и спустились все в кают-компанию на процедуры.

А пароход топает себе морем-океаном по кругу того ещё диаметра. Пока брага не кончится.

Брагу, кстати, из чего только не делают! Можно просто

сахар да дрожжи, а можно даже из томатной пасты и прочей подобной бодяги.

Как-то иду по пароходу, а мужики сидят, сок апельсиновый натурально из пакета наяривают. А жара шо мама не горюй: экватор. Ну они мне наливают стакашку: охолонь, мол, маленько. Я опрокинул – хорошо холодненького. Шагов десять отошел – хрясь по башке, аж забыл, куда шёл. Что за фигня такая! Я обратно, они мне ещё стаканчик – и все. Хорошо, вахта подошла к концу.

А мимо мужиков с апельсиновым соком, кстати, ходят всякие мерикосы, и ни в одну их мерикосскую голову не приходит, что среди бела дня на главной палубе их мерикосского парохода в условиях строгой антиалкогольной политики компании русские нагло упиваются брагой. Да и что такое брага они вряд ли представляют.

Хотя борются с алкоголем што аж смотреть больно. Мериканский капитан лично вещички каждого прибывшего досматривал: типа, водка-наркотики есть? Ага, щас, прямо разбежались. Наши архимеды перед прибытием на пароход банально переливали водку или там спирт в бутылки из-под минеральной воды, и мерикосских мозгов открыть бутылку и понюхать содержимое натурально не хватало. Чукчи отдыхают.

Мерикос задолбал, кстати, своими правилами.

Например, ходить по пароходу только в кроссовках. Ёпт, градусник закипает, а ты в кроссовках. Ну наши, конечно,

по возможности игнорируют эту бредятину, но без экстремизму. А мерикос как увидит где нашего без кроссовок, так тут же в Москву в контору донос: мазафака! русские подрывают безопасность судоходства и мореплавания! я главный или где! И прочую хрень.

Ну из конторы позвонят, типа – достали. Но без конкретики, кто кого.

Тут как-то выходит утречком, пока не так палит, наш электронщик Лаврентич на вертолётку позагорать. Естественно, загорать он идет в сандалиях на босу ногу: пройти-то от каюты метров двадцать. И тут из-за угла нос к носу главный мерикос.

Сначала немая сцена из Чарли Чаплина: мерикос, худой как велосипед, под два метра росту, в здоровой белой фуражке с золотым крабом, – и Лаврентич, вместе с сандалиями и желтой, в цветочек панаме мерикосу аккурат до бляхи на ремне.

Первым ожил мерикос и давай на Лаврентича мазафаки наваливать сверху. Ну а тот: яволь, ваше превосходительство, виноват, исправлюсь. Мирикос минут пять свои мазафаки орал и побежал очередную кляузу в Москву писать.

А Лаврентич на вертолётке с полчаса покемарил и по заведённой моде пошёл к пожарному гидранту ополоснуться морской водичкой для пользы организма. Идти метров десять. И пошёл он, естественно, босой, чтоб сандалеты свои солёной водой не портить. Не успел и полпути пройти –

хрясь, мерикос из-за угла.

Опять театральная пауза. У мерикоса глаза, как у рака, на выкате, губами, как рыба, воздух хлебает, мазафаки в горле застряли. А Лаврентич молча с ноги на ногу пританцовывает: палуба горячая што я не могу.

Мерикос из ступора вышел – и бегом емейлить в Москву, что этот мазафака Лаврентич демонстративно подрывает авторитет мерикосского капитана, цинично игнорирует его указания, правила и инструкции по безопасности мореплавания, и мазафака, и факамаза.

Короче, через неделю списали на берег. Не, ни Лаврентича. Мерикоса. Не знаю почему.

И приехал новый мерикос – не поверите! – маленький и толстый. Очевидно, у них только двух видов бывают. И не то чтоб уж очень толстый, но какой-то опухше-отёчный, шарового цвета. Ходит – задыхается, таблетки содовой запивает.

Через пару дней приходит он к судовому врачу, нашему, архангелогородцу, за таблетками-порошками. Док на него посмотрел и назначил курс лечения – в топку! В топку все его мерикосские фастфуды, гамбургеры и прочую генно-модифицированную пестицидно-гербицидную дрянь, которую он килограммами ежедневно пожирал.

И прописал ему борщ, окрошку, кашу, картошку в мундире с селёдкой. Короче, пересесть в столовой за наш стол к русскому повару. И без самолечения.

Ну, мерикосы дисциплинированные до одурения: раз док-

тор прописал – закон. А к концу рейса свеженький как огурчик мерикос, спустивши в унитаз все свои мерикосские пилюли, как муфлон. носился по утрам на ежедневной пробежке. И, уезжая с парохода, пошел к нашему повару и записал для своей мерикосской скво рецепт самого лучшего в мире украинского борща.

Между прочим, как утверждала моя прабабка, борщ – абсолютно вегетарианское блюдо. Во всяком случае, селянки с рек Рось и Тясмин по будням варили борщ без мяса. Только овощи и зажарка на растительном масле.

А вот уже на выходные в хатах варили мясное блюдо, чемто близкое к борщу, и называлось оно «капуста». «Капусту» готовили и при всяких коллективных мероприятиях, как то: замес самана, копание погреба или колодца – потому что после тяжёлой работы под эту самую «капусту» самогон шел на ура.

Хотя, конечно, самогон идет на ура подо что угодно, и даже сам по себе.

И, кстати, рыбачки, встреченные нами давеча у северного Сахалина, разносолов к своему самогону уж точно не готовили. Так, чисто символически, только занюхать. Да и о каких гастрономических изысках можно говорить, если всё провоняло рыбой, просто до одури, даже переморожeнная говядина 1961 года из закромов родины.

А мы после столь недружественной встречи с загулявшим сейнером решили рвануть в порт подлечить разболтавшуюся

нервную систему, да и пора было пополнить наши скудные запасы.

Мы уже мечтали о прелестях цивилизации, как из конторы сказали: «Нате-ка, выкусите. Заходите в ближайший порт. И никаких там чтоб. Вот».

Братва, хлопцы, товарищи!

Это ж, значит, прощай, знойный Магадан?

И где-то там, за проливом, накрылось медным тазом легендарное Ванино?

И что же нам, бедолагам, остаётся?

Москальво. Зараза, так попали! Это на самом северо-западе Сахалина небольшой газпромовский порт с причалом на несколько кораблей, но больше-то там ни фига нет. Ни кабаков, ни борделей, ни даже занюханного Дома культуры с кружком бальных танцев.

Нервная система, рассыпаясь, дзынькнула о палубу, и ошметки разметало кильватерной струёй.

Рано утром пароход входил в морские ворота северного Сахалина. Только стали к стенке, самые шебутные и особо любознательные рванули рабочим поездом в Оху.

«Оху ли не любить!» - таким благозвучным для русского уха лозунгом встречала северная столица приезжих (word рекомендует писать *Охули* слитно!).

Я к путешествиям и экскурсиям равнодушен, а потому на землю обетованную ступил только ближе к обеду. Вышел на пару с приятелем Юрой Слоником на поиски возможных

признаков цивилизации.

Несмотря на яркое солнце и теплую погоду, унылое зрелище предстало пред нашими очами.

Серые деревянные дома, иногда просто бараки, расположенные строго в беспорядке. Улиц как таковых просто не было. Растительности тоже почти никакой – все засыпано желтым песком. Прямо Средняя Азия какая-то, а не северный Сахалин.

Пропетляв минут десять, мы набрели в центре поселка на опять же деревянный домишко с вывеской. Замка не было.

В теремочке жила-была бабулька, хозяйка-распорядительница универсама на все случаи жизни. Ну, у нас случай был только один для начала.

На одной из полок этого небольшого, но уютного магазинчика теснилась целая толпа бутылок разного калибра, формы и цвета. Начиная с армянского коньяка и далее по ранжиру: водка, шампань, марочные вина, сухонькое, портвейн. Заканчивалась полочка, как и водится, вечно живым «Агдамом», не к ночи будь помянут.

Пока я в растерянности оглядывал это изобилие, Юра высмотрел что-то знакомое.

– Вот, – говорит, – чудное вино «Лидия». Я студентом в Крыму хорошо его попил.

– Ладно, – отвечаю, – вопросов нет. Давай знакомиться с барышней поближе.

Устроились за высоким столиком, что стоял у окна рядом

с входной дверью. Взяли для пробы пару бутылочек «Лидии», да ещё разорились по семь копеек на изящные гранёные стаканчики.

Вино и правда оказалось неплохим, тем более в такую жару. И оно действительно оказалось крымского разлива.

Слоник с разрешения хозяйки запалил свою неизменную беломорину. День заиграл новыми красками.

Юра Слоник, кстати, своим «Беломором» достал весь пароход.

Слоник он потому, что при своих габаритах – 180 см высоты, почти столько же ширины и далеко за сто кг – имел привычку беспрерывно топтаться на месте.

А достал, потому что четыре раза тушили его вместе с его «Беломором» прямо на шконке в каюте.

И закончилось всё довольно печально, согласно присказке «рождённый сгореть утонуть не может». Через несколько лет Юра уехал на Камчатку, где в полевой партии сгорел прямо в палатке. Минздрав предупреждал.

А пока мы со Слоником хлебаем легкое вино и строим планы на будущее.

– А что, – спрашиваю вежливо, – мамаша, невесты в вашем городе есть?

Она с классикой была явно не знакома:

– Какие невесты, что ты. У нас тут молодежи-то совсем нет.

– Да... Ну а одинокие солдатки, тоскующие по твердой

мужской руке, есть?

– Солдатки-то есть, – говорит, – да вот только тоску свою они сильно заливают самогонкой. Прямо спасу нет.

Ну мы все же выспросили адресок ближайшей Люды, взяли еще пару бутылочек, мишки на севере в кулёчке и двинули.

Через пару домов нашли домик, где резной палисад, вежливо постучали. Потом еще. Потом уже и невежливо. Потом дверь открыла Люда.

Мы оба-два сразу решили, что столько водки нам не выпить. И двинули обратно от Люды к Лиде.

Хозяйку магазина наше скорое возвращение не удивило. Мы опять расположились за столиком.

– Ладно, – говорю, – раз такой расклад выпал, скажите, мамаша, можем ли мы купить у вас ящичек вот этой самой доступной в вашей округе барышни с чудным именем «Лидия»?

– Конечно, – отвечает, – очень даже можно.

– А если два ящичка? – продолжаю беседу.

– Нет, – говорит, – два уже нельзя. Их всего два было. Вы первые покупатели этого вина за полгода, так что четырех бутылок уже не хватает.

– Вот и чудно! Возьмём всё, что осталось. С ящиками за отдельную плату.

Пока проходила коммерческая сделка, осмотрел полки магазина в поисках чего-нибудь интересного.

Есть! Среди дюжины винилового хлама не знаю как сюда попавшая Билли Холидей.

Я дурею – где Москальво и где Билли.

И еще среди пары десятков изрядно запылившихся книжек высмотрел «Марию Стюарт». Её сюда, наверное, этапом прямо из Тауэра доставили, не иначе. А то б какого ей здесь делать.

Вообще это отдельная тема – ассортимент товаров во всяких там сельпо, разбросанных по медвежьим углам наших просторов. Всё ведь не просто так: был ведь госплан, госснаб, госстат и прочая, и прочая, где всё считали, делили и распределяли.

Одно лето колесил я по калмыцким степям и барханам, между делом гоняя сайгаков и воруя арбузы на бахчах. И как-то вырулил на оазис в пять домиков в буйной зелени, который даже на двухкилометровой карте на имел названия.

А в центре этого мегаполиса обнаружил магазин, что поразительно – работающий. В сорокаградусную жару просто в тенёк зайти приятно, а тут ещё и приобщиться к плодам цивилизации можно.

Короче, купил я у калмычки ящик кофейного ликёра московского разлива и двадцатихренегознаетсколькотомник Ч. Диккенса.

Кто-то может подумать: на фига среди этих барханов и баранов Диккенс? А уж про кофейный ликёр я вообще молчу.

Я был, очевидно, первым и последним покупателем как

ликера, так и английского классика. Напиток, кстати, был неплохой, а Диккенс вон в шкафу парится.

А то ещё выпало мне как-то топать по печорским лесам в деревню к комякам за водкой.

Недалеко. За день должен обернуться.

Абрис мне на бумажке нарисовали, так что добрался благополучно.

И сразу же набрёл на магазин. Только на двери замок огромадный.

Пошел я по деревне искать продавца или там завмага.

Бляха-муха! Трезвыми в деревне были только собаки.

Путём длительного перекрёстного допроса граждан и ряда очных ставок через полчаса мне всё-таки удалось найти избу продавщицы. Только она бухая в дым, самогоном в нос шибает, что твой нашатырь.

В общем, идти на рабочее место она отказалась наотрез. Ничего себе! Сюда шел четыре часа, обратно пилить не меньше, а там ещё народ ожидает – они таких шуток не понимают.

Сошлись на том, что за её хлопоты я презентую ей бутылку водки. В магазине кое-как провели процедуру купли-продажи, она, зараза, ни деньги, ни водку посчитать не может, просто ужасть какая-то. Ладно.

Набил рюкзак водярой. Перед дорогой присел на скамейку в магазине, осмотрелся – ёпт?! Стоит коньяк со звёздами на полке, рядом «Плиска» золотая.

Какой чудак додумался в край угрюмого самогона завести такие изыски? Не удержался, хоть и тяжело будет тащить, купил бутылочку «Плиски».

И вдобавок надыбал двухтомник Маяковского, под весы подложенный. Его-то за каким сюда занесло? Не бросать же албанского первонаха на съедение мышам.

Зато устрою себе белой ночью у костра литературное кафе. Как он там: «звон свой спрятать в мягкое, женское…»

Хорошо! И в предвкушении встречи с прекрасным двинул обратно.

Ну и нам со Слоником пора было возвращаться на пароход. Так по песчаному бездорожью и маршируем всей толпой: мы с Юрой, «Лидия» в двух ящиках, Билли на виниле, ну и Мария, конечно, не бросать же горемычную в краю вечной каторги.

Вечер на пароходе был полон лирики и чувств. В кают-компании нас было четверо.

Мы с Юрой Слоником охаживали блондинку «Лидию», а шоколадка Билли Холидей что-то ворковала своим бархатным голосом, не чураясь даже исполнения на бис для двух корешей с далёкого острова.

Следующий день решили посвятить активному образу жизни: пойти на пляж. Лишнего решили не брать, только в авоське пляжные принадлежности – шесть бутылок.

Конечно, пить в такую жару лучше что-нибудь легкое и прохладное. Но в наших условиях не до эстетства, а вот на

своём юге частенько балуюсь всякими весёлыми штучками.

Можно, например, пару бутылок сухого красного вина смешать с лимонным тоником (пол-литра), добавить туда же нарезанные кружочками апельсин и лимон, а при желании и персик или яблоко. Если хотите, слегка подсластить.

И всё это на пару часов в холодильник. Ну а потом в стакан можно и пару кубиков льда добавить.

А пляж здесь, доложу я вам, просто сказочный. Такой чудный жёлтый песок, да ещё в таком количестве можно увидеть только где-нибудь на Барбадосе. И дно пологое, метров сорок спокойно можно пройти. Да только все эти прелести здесь никому не нужны.

И всё бы хорошо, да вот только солнце жарит вусмерть. А тут ни деревца, ни кустика, я уж не говорю о навесе или зонтике от солнца. Короче, пока мы со Слоником охаживали «Лидию», да ещё приснули немного, к вечеру пришёл нам каюк.

Сгорели в хлам. Ночью ни лечь, ни сесть. Выпросили у повара кефира и сметаны, вымазались как два идиота, да так стоя и провели всю ночь.

А на следующий день – прощай, Москальво, – пароход пошёл на работу. Ну и мы с Юрой, прямо папуасы, в набедренных повязках шарахаемся по пароходу, налаживаем своё электрическое барахло и выпускаем в море.

Пароход тем временем вышел из пролива и направился на юго-запад Охотского моря. И тут случился природный ката-

клизм, нередкий в этих северо-восточных краях.

Прямо по курсу – стена тумана. Ну нам-то что, туман и туман. Гудим в гудок и прём себе полным ходом.

И тут тебе – хрясь носом в лед со всей дури. Под туманом, оказывается, пригрелось целое поле льда, да причём хорошего.

Вот те на, только что вот рядом на солнце погорели, а тут льды, градусник к нулю пошёл, народ влез в телогрейки.

Пароходу-то нашему эти льды до фени, ледокол всё-таки. А вот аппаратуре, что за кормой тащилась, не до смеху.

Народ на корме суетится, из-подо льда концы вытаскивая. Только мы со Слоником прибалдели. В этой нежданной прохладе, почти холоде, наша покрытая волдырями и начинающая страшно чесаться кожа довела нас до состояния почти эротического экстаза.

Мужики матерятся, норовят в каюты смыться погреться, а мы, наоборот, готовы ночевать прямо на палубе.

Пароход тем временем выбрался на чистую воду.

В ожидании у моря погоды, а точнее ветра, способного угнать к чертям собачьим этот лёд из района наших работ, бросили якорь у Шантарских островов и засели за преферанс, долгий, как полярная ночь.

Но это уже другая история.

Карское море, 2008 г.

КРАСНАЯ РЕКА

Пошла нефть. Даже мы одурели. А аборигены и подавно. Раньше у них, кроме бананов и кокосов, ни хрена не было, и вдруг такой джекпот. Их главный, не веря своему счастью, захотел лично посмотреть, да только вопрос: на чём ехать? По такому случаю на пироге под парусом стрёмно, а что делать? Вот и сняли нас с нашего белого парохода дня на три пожить на берегу, пока экскурсия до буровой прокатится.

Понятное дело, нам на земле провести несколько дней только дай. Тем более по такому, без базара важному поводу селят нас в лучший отель города – «Красная река». У них, кстати, везде всё самое козырное именуют «Красная река», не знаю почему.

Разместились, осмотрелись – всё в масть. Кондишин дует, холодильник работает, кровать как вертолётная площадка на пароходе.

Метнулись первым делом в кабак, а там облом: во-первых, напитки только местные, а их пить, сука, только по приговору суда. Во-вторых, кабак хоть и большой, но открытый, в смысле днём жара, как в бане по-чёрному, –белому человеку водки не попить

В любом случае до вечера ещё далеко, надо чем-то заняться.

Разбрелись по ближайшим улочкам в поисках чего-ни-

будь годного для потребления.

Захожу в сувенирный магазинчик в соседнем отеле: солома всякая, ракушки – короче, сельпо. Гляжу: на зеркальной полочке за прилавком бутылка симпатичная. Присмотрелся: ё-моё! Водка то ли польская, то ли чешская, по рупь двадцать долларами. Достаю двадцатку – гулять так гулять! Но небольшой облом: девица притащила пузырей семь – больше нет. Сложил всё в купленную тут же корзину – и с добычей в отель.

По дороге встречаю знакомого, работает тут, на земле. Он увидел мою поклажу, пристал:

– Давай меняться. Тут по случаю бутылка вина сухого оказалась, но я ж с Урюпинска, пью только водку. Ты южный человек, любитель всякого брюта, махнем.

– Ладно, – говорю.

Зашли к нему, он достаёт бутылку Саперави – выдержанного красного грузинского. Поменялись. Я ещё заскочил в лавчонку по дороге, прикупил фруктов к водочке на десерт: лимончиков, маленьких, кругленьких, словно шарики пинг-понговские; желто-зеленое манго, что во рту просто тает (на мой вкус, лучший фрукт в мире), связку маленьких сладких и душистых бананчиков, не чета нашим а-ля минет. Теперь всё это вместе с водочкой заложить в холодильник и через час можно будет начинать застолье.

А пока все эти прелести вместе с водкой остывают от южного пекла, позвольте пару слов о вине. Я не эстет и не гур-

ман, просто живу на юге. И каждое лето просто дурею, глядя на толпы северян и прочих москвичей, приехавших за тысячи километров на юга тупо жрать водяру до потери пульса, словно у них там двенадцать месяцев в году засуха.

Граждане отдыхающие! Леди и джентльмены! На юге надо пить вино и заниматься любовью! И оба эти занятия как никакие другие на солнечном юге сочетаются и взаимно дополняются. А водка на фоне этих двух изысков просто ахтунг какой-то, бьёт разом и по башке, и по яйцам, лишая вас возможности ощутить тонкий аромат и терпкий вкус красного вина и розовой плоти.

А представьте себе свежее солнечное утро. Вы на веранде с видом на море или горы. На столе бутылочка «Мерло Мысхако» урожая 2005 года. Рядом на тарелочке крупными долями порезаны мясистые жёлтые или розовые кубанские помидоры, белые ломтики нежного осетинского сыра сулугуни, несколько веточек зелени.

Вы, в лёгком недосыпе, вместе со своей юной прелестницей прихлёбываете чудное красное вино, и после одного-двух бокалов целительной влаги её слегка припухшие губки и ваша слегка поцарапанная спина являются отличным предлогом задержаться ещё на часок на ещё не остывших простынях....

Или тёплым звёздным вечером лёгкий бриз обдувает только что откупоренную бутылочку Шато ле Гран Восток «Кюве Карсов» урожая всё того же 2005 года, стоящую на ва-

шем столике в окружении гронки свежесрезанного янтарного таманского винограда, нескольких пушистых геленджикских персиков, плитки строгого московского шоколада.

А алые губки дамы вашего сердца так свежи и манящи после пары глотков изысканного напитка! И озорные искорки, вспыхивая в искрящемся красном винном бокале и в её чёрных, как ночь, глазах, призывают вас быть посмелее. Ещё пару глотков – и лёгкая туфелька как бы случайно спадает с её загорелой ножки, и изящные пальчики в гламурном педикюре тянутся в вашу сторону...

Или на закате прямо на берегу моря зажарить незамысловатый шашлычок из порезанных кружочками синих баклажанов, красных помидоров и золотистого лука и вместе с бокалом тёмно-красного Каберне Совиньон «Крю Лермонт» предложить его синеокой русалке. И когда её остренькие зубки хищно вопьются в сочную, с дымком мякоть, не теряя времени подсекайте, и ваш улов в эту ночь сторицей компенсирует ваши хлопоты.

И будете вы вспоминать долгой полярной ночью этот жаркий юг, его сочные фрукты, его терпкие вина, его сочных и терпких женщин , потому что будете всё помнить и вам будет что вспоминать.

Я же меж тем в далёкой Юго-Восточной Азии, кишащей малярийными комарами, гонконгским триппером и прочими подобными прелестями, вынужден жрать водку, хорошо хоть европейского разлива.

Может, часа и не прошло, но чего ждать. Раскупорили мы с корешом бутылочку славянской и под папайю, что Малыш принёс, с лимончиком неспешно так размялись. И, не тормозя, и вторую.

С Малышом вообще затормозить сложно. У него два метра и за сто кг, к тому же из столицы. Ему одному эти два пузыря на завтрак, а тут ещё я. Ну хотя бы жажду утолили, и вроде как вечереет уже, можно выбираться на свежий воздух. В смысле пора в кабак. Прихватили с собой охлаждённую бутылочку – и вперёд.

Кабачок, надо сказать, выглядел симпатично: посредине большой фонтан с рыбами типа карпа, в которых тыкаешь пальцем и ждёшь, пока пожарят, а вокруг в два этажа столики, кстати уже почти все занятые, в основном аборигенами. Ну и лианы там всякие, пальмы-фикусы.

Расположились на балконе. Во-первых, ветерок обдувает, во-вторых, до номера поближе, пить-то своё будем, чтобы ближе ходить. Попытались разобраться в меню. Но, уже имея печальный опыт, когда заказанный «зелёный салат» – это просто веточка травы на тарелке, «русский салат» – это что-то типа оливье хрен знает из чего приготовленного, а порционный жареный цыплёнок оказывается огромной курицей килограмма на два на каждого, бросили это утомительное занятие.

Осмотрели столики внизу и приметили у нескольких посетителей оригинальное устройство типа самовар: две здоро-

вые жаровни одна над другой, а посередине труба, в которой угли или дрова, короче, дымит что-то. Что там парится-жарится, не видно, но красиво. Позвали халдея местного, тыкнули пальцем, мол, такой же агрегат с трубой и нам, название не выговоришь, тем более не запомнишь. Ну и tomato, и lemon-juice со льдом.

Пока саможар раскочегарили, мы накатили по соточке из нашей бутылки под ихний джус. А тут и заказ подоспел. Пахнет вроде прилично, стали пробовать.

На нижней жаровне всё понятно: рис вареный-пареный греется. А вот на верхней какое-то морское ассорти, сразу всё и не угадаешь. Ну креветки, кусочки кальмара и осьминога разобрать нетрудно, а вот об остальном можно только догадываться. Видно, что морепродукты, моллюски какие-то, но что конкретно – не понять.

Всё это жарено-тушеное со специями шкворчит и булькает на горячей жаровне. Короче говоря, под такую смачную закуску мы нашу бутылочку доужинали.

Сидим отдыхаем, джус потягиваем, размышляем, чем бы ещё заняться.

Тут как раз за соседний столик присаживаются три девахи европейской наружности. Прислушались: по-немецки балакают.

Пинаю Малыша:

– Ты, блин, у нас полиглот, с англичанкой спишь, в смысле учительницей английского, пошли налаживать междуна-

родные отношения. Я по-немецки только «гитлер капут» и «хенде хох» знаю; вторая фраза может и пригодиться, но не сразу. Так что давай, заводи.

Ну а Малыша долго уговаривать не надо: ему что поесть-попить, что до девок – только дай. Я за ним к фройляйн за соседний столик. Малыш молотит без перерыва не поймёшь на каком языке: английский, русский, немецкий – всё вперемежку. Но, главное, те вроде как понимают и даже, оказывается, по-русски немного говорят.

Пора идти на сближение, но не водкой же их поить. Тут вспомнил кстати подвернувшуюся бутылку сухого, слетал в номер за вином, прихватив из стратегических запасов ещё и шоколадку.

Девки смеются, вроде как и не против распить разгонную. Засылаем официанта за стаканами и, главное, за штопором, бутылка-то настоящей пробкой закупорена.

В ожидании засланца гретхен начинают кормиться шоколадом, Малыш соловьём заливается, полиглот-затейник, и тут наступает цугцванг.

Подсаживают три фрица. Фройляйн прыг к ним на колени. Наша бутылка у немцев. Вот-вот принесут штопор. А камасутрой сегодня, похоже, займутся другие.

Вот и штопор. И довольный ганс сейчас вспорет бутылку, как лоханку в гамбургском борделе.

Копать-не перекопать! Мои нервы не выдерживают такой наглости. Я выхватываю у фрица свой пузырь и со словами

что-то типа «хенде хох – получи, фашист, гранату» мечу его куда-то в направлении фонтана.

Штанга! Вот и оттянулись. У немцев немая сцена, а я волоку Малыша из этого вертепа.

Вышли из кабака, настроение, естественно, на нуле. Перекурили это дело и двинули к себе в холодильник.

И тут фортуна поворачивается к нам всем сразу: в холле гостиницы девок немерено, и все наши родные, отечественного, как говорится, производителя. Так мы же и есть эти самые производители. Настроение сразу поднялось, да и всё поднялось.

Подрулили к небольшой стайке, завязали разговор. Оказывается, это туристки из Орехово или Зуево, короче ткачихи. Почти неделю они уже путешествуют по стране и вот теперь добрались до моря.

Ну мы парочку телок от стада отбили и в бар: лимонад, кофе со льдом, сладости всякие восточные.

Барышни оказались компанейские, весело рассказывают о своих впечатлениях, и тут выясняется одна пикантная подробность. Денег у них с собой было не очень, конечно, быстро кончились. А всего хочется попробовать. И стали они на базаре распродавать кто что может. Повезло тем, кто брал с собой сигареты: они тут идут на ура. А остальные кто во что горазд.

Короче, распродали наши девки всю свою косметику, вплоть до мыла и шампуня, и мучения от этого у них и фи-

зические и моральные.

Ё-мое!

– Девчонки, – говорю, - у нас в номере этого добра завались! Всё мыло и шампунь, и даже одеколон с кремом для бритья, если кому надо, в вашем полном распоряжении!

Подхватили их под белы ручки – и к нам. Понятное дело, что дамский туалет – дело долгое, поэтому, прихватив бутылку из холодильника, мы с Малышом удалились, оставив номер в полном распоряжении ударниц лёгкой промышленности.

И пошли в ближайший номер проведать своих мужиков с парохода. Заходим: ба! знакомые всё лица! В гостях у наших всё та же компания фрицев со своими гретхенами, и разводят они наших на выпивку, хотя наши и сами разводятся, выпучив глаза на немецкие голые коленки.

А тут ещё нас с бутылкой угораздило. Мы на провокации не поддались и, послав всех, и наших и не наших, двинули было назад. Но тут стали невольными свидетелями последнего сражения Второй мировой войны.

В углу номера на соседних креслах сидели, нет – лежали, оба в дупель, наш предводитель и их партагеноссе. Очевидно, уже одуревшие от непарламентских дебатов по поводу международных отношений.

И тут к нашему на миг возвращается сознание, он хватает за грудки фрица и с криком: «Да мой батя вас под Смоленском!...» – начинает его трясти, как пионер яблоню ранетку.

Кино и немцы! У того конечности, как у куклы-марионетки, летают в разные стороны, башка мотыляется, как ботало у коровы на шее, но эмоций ноль.

Наконец у нашего всплеск закончился, и он падает опять в своё кресло, а немец тихо складывается в своё.

Гонг! Присудив предводителю победу по очкам, мы с Малышом двинули к себе.

Только вышли в коридор, подбегает абориген и, что-то взволновано лопоча, просит пойти за ним. Ладно.

Спускаемся вниз, он ведёт нас в массажный салон при гостинице. Заходим в приёмную: цирк уехал, а клоун остался.

Посреди зала стоит в дупель бухой наш кореш Юрок со спущенными штанами. В одной руке у него орущий «Гопстоп! Ты отказала в ласке мне» Sharp-555, кто помнит – ещё тот чемодан, в другой руке пачка баксов, а сексуальный террорист периодически орет лишь одно слово:

– Sausage! Sausage!

Юные массажистки в белых халатиках испугано прижались к стенкам: они бы с удовольствием заработали несколько долларов, но процесс-то требует некоторой интимности, а тут такой дуэт.

Ну мы быстренько штаны натянули, Sharp заткнули, любителя мягких игрушек под мышки – и к нему в номер.

Открыли свой пузырь водки и в несостоявшегося клиента массажного салона стакан залили – он и так был не очень, а через пару минут и совсем обмяк. Да и нам пора домой.

Открываем двери своего номера – ёпт!

Духмаааан в нос – кранты нашей косметике с парфюмерией.

Проходим дальше: картина маслом.

Кто видел «Одалиску» Кустодиева, так то копия. Подлинники лежали под нашими балдахинами.

На головах полотенца тюрбанами свиты, а на загорелые прелести простынки белые наброшены, но так, что не поймёшь, то ли прикрывают что-то, то ли открывают. Мы в ступоре.

Потом срабатывает автопилот, и, выпуская шасси на бреющем, идём на вынужденную посадку на свои аэродромы. Катапультироваться поздно.

До этого я плохо ориентировался в нашей лёгкой промышленности, но часа через три знакомства поближе с ткацко-прядильным делом твердо решаю завязывать с морями и переходить мастером-наладчиком станков на ткацкую фабрику. Да такие станки можно обслуживать и в две смены, и сверхурочно.

А наши мастерицы своими натренированными на шпульках-узелках пальчиками вытворяют такое, что организм в поисках дополнительных источников энергии выпитую водяру переработал до последнего миллиграмма: в голове стерильная чистота, а тело парит где-то в космической невесомости.

Кое-как удалось ударниц-многостаночниц уговорить пре-

рваться на ланч для полуночников. Сами добили водку, барышням фруктовый десерт.

Бл@дь! Как они ложечками едят манго, надо показывать в кабинетах по лечению импотенции. Кажется, встали даже бананы на столике.

Между тем я в поисках энергетического напитка спустился к кабаку, мимо кассы. Всё закрыто. В баре тоже.

Возвращаюсь, смотрю: в коридоре на стуле дремлет абориген, вроде дежурного на этаже.

Я к нему: достань чего-нибудь спиртного, лучше водки русской. Вроде понял. Я в номер, там ланч уже подходит к концу. Минут пять прошло – стук в дверь.

Открываю: абориген стоит с бутылкой, денег просит. Беру пузырь – блин горелый! Бутылка Саперави, что я давеча метнул в фонтан. Этикетка слегка подмокла, но в остальном всё нормально.

Как это я удачно не попал по писающему мальчику в центре фонтана! Пришлось за спасение, так сказать, утопающего дать ныряльщику в фонтаны денежек в виде призовых. Нам сейчас сухое, что вода из-под крана, ну да ладно.

И опять приземляюсь своей ткачихе под бочок ночь до утра скоротать.

Утром выбрался на балкон глотнуть свежего воздуха. Слышу: кто-то в свисток дует. Гляжу: внизу у входа стоит давешний партагеноссе и свистком, значит, своих кобыл в автобус созывает. И вид у него с чего-то серо-жёлто-помятый.

Я ему сверху:

– Гутен морген! Не хотите ли водочки принять для поправки здоровья?

Это я шучу так.

Его, беднягу, так перекосило, чуть ступени не облевал и шмыг в автобус. А наш предводитель сейчас, небось, стакан водяры засадил бы за милую душу. Да, может, уже и засадил.

Возвращаюсь в номер: наши ударницы собрались на пляж. Ну и правильно, у них же всё по расписанию. А мы с Малышом решили пока пройтись на набережную, там есть пивнушка со свежим разливным пивом местного производства. С бутылочным, конечно, не сравнить, но утром под вяленого кальмара пойдёт за милую душу.

Кстати, о пляже. У наших ночных бестий удивительно ровный загар по всему телу, ни одного белого пятнышка. Оказывается, по приезде сюда они на пляже встретили каких-то эмансипированных европеек, которые, естественно, по европейской моде загорали топлес.

Ну девахи быстро впитали в себя ростки западной культуры, причём по старинной русской традиции решили это дело довести до логического завершения и, отойдя чуть подальше, лёгким движением руки топлес превратился в полное ню.

Завидя такие ню-ни, толпы аборигенов собирались в отдалении от наших Афродит, пуская слюни и живо шурудя пальцами в карманах штанов.

Время меж тем перевалило за полдень. И мы пива попили, и девки наши с пляжа вернулись. У них там по плану какая-то экскурсия, но мы предложили им свою альтернативную по ближайшим к отелю окрестностям.

Это мы, конечно, погорячились, потому как из каждой мало-мальски приличной лавчонки их приходилось чуть ли не выкуривать. Накупили им ракушек, безделушек, бус, соломы, шляп – барахольщицы, просто *ржунимагу*.

Ну, конечно, посидели в нескольких кафушках: лапшу рисовую с курицей местной водкой запили, креветки жареные королевские и омара необъятных размеров под пиво пустили, кофе, сладости. Оттянулись по полной.

Вспоминая ночь прошедшую и думая о предстоящей, сделали соответствующие запасы выпивки и продовольствия.

Вернулись уже за полночь. Опять в ход пошёл наш шампунь и пошло-поехало. После этой пары ночей у меня ещё долго при упоминании о ткацкой фабрике или текстильной промышленности начинались эротические глюки со всякими там прялками и веретёнами.

Утром наши стахановки, сведя нашу косметику-парфюмерию к нулю, улетели домой, а мы двинули из Красной речки в порт на подошедший пароход. Там услышали весёлую историю о прошедшем круизе.

Взяли на борт министра этого с его челядью и охраной, и только вышли из порта – пошла небольшая зыбь. Нашим морякам параллельно, а этих сухопутных развезло: полный

аллес капут. Лежат пластом, только в гальюнах рыгочут.

Подошли к буровой. О высадке уже и речи нет. Просят хоть как-нибудь показать им их нефть. Ну на буровой репы почесали, выкатили на вертолётную площадку бочку солярки и подожгли. Вот, говорят по радио, ваша нефть горит. Министр на фоне чёрного дыма с буровой сфотографировался и скорее обратно в порт.

А морячки наши потом целый день брошенные охраной пистолеты-автоматы по пароходу собирали.

Такая вот история. А месторождение назвали Красная река.

Карибское море, 2008 г.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛЛАР

Вечером уходили домой. После трёх сумасшедших ночей в этом безумном городе перетряхнул карманы в поисках наличности. Ничего стоящего в результате, только горка мелких блестящих монеток, тянущая примерно на американский доллар. Дома от них толку никакого, да и в каюте всякого хлама за рейс набирается предостаточно.

Сгрёб железки в карман и двинул к трапу. Стояли прямо в городе, поэтому, особо не разбирая, через пять минут причалил в ближайшей забегаловке.

Забрался на табурет и высыпал на стойку перед барменом остатки своего золотовалютного запаса:

– Чего-нибудь выпить, пожалуйста.

Мужик в обычной для здешних питейных заведений униформе – цветная жилетка и бабочка в горошек – лишь бросив взгляд на мою россыпь далеко не золотых, выставил пару рюмашек и налил граммов по пятьдесят чего-то местного, если судить по цвету и запаху.

На раз опрокинув первый шкалик достал пачку сигарет и прикурил у молчаливого, но расторопного работника общепита.

Будто из окружающего знойного полуденного эфира на соседнем табурете материализовалась чудо-креолка убойной красоты.

Такое возможно только в двух местах – здесь и на острове Свободы.

Белое платье с золотой отделкой. Такая же лента в волосах. Глаза. Губы. Волосы. Кожа. Слов нет. Это надо видеть.

– У тебя есть пять долларов, морячок?

Подоплёка вопроса до меня дошла не сразу. Просто после вчерашнего я был немного не в форме.

– Прости, красотка. У меня нет пяти долларов.

Её длинные шоколадные пальчики, как банановые змейки, потянулись к моему второму, ещё не тронутому стаканчику.

– Может, у тебя есть три доллара, морячок?

Уловив наконец-то смысл происходящего, я, как истинный джентльмен удачи, должен бы был застрелиться, чтобы

избежать позора. Но в организме сил не было даже на это. Да и револьвера, честно говоря, у меня сроду не было.

Что такое пять баксов? Та, вчерашняя, была не лучше этой и обошлась мне не менее пятидесяти долларов. И расстался я с ними без сожаления – оно того стоило. И позавчера тоже ушло примерно столько же. А эта bella donna сейчас мне, может, и ни к чему, но не помочь такой девочке – просто свинство.

– Мне очень жаль, но у меня нет и трёх долларов.

Поиграв стаканчиком, она оставила его в покое, но потянулась за сигаретой. Немногословный бармен живо щёлкнул зажигалкой и снова превратился в скульптурное приложение барной стойки.

В другой раз при таком раскладе и такой девочке я бы, наверное, рванул на пароход, нарыл в чемодане пресс, в нём кредитку. Потом метался бы по набережной в поисках банкомата. Потом менял бы сотенные на ходовые помельче. Потом начал бы сорить деньгами. Потом… Потом заломило в висках от таких суматошных мыслей.

Соседка как-то не по-настоящему закурила, пыхнув дымом в мою сторону.

– А может, у тебя есть один доллар?

– Нет! – отрезал я и, осушив второй стаканчик, двинул к выходу.

И тут она схватила меня за руку и молча потянула на улицу.

Оказавшись на набережной, мы тут же нырнули в какую-то подворотню. Ещё пару минут петляли по лабиринту грязных серых стен и обшарпанных дверей, пока моя спутница не открыла одну из них. Мы втиснулись в маленькую комнату, стены которой были обильно увешаны цветными картинками из журналов. Окон не было, зато была деревянная кровать, вернее топчан, накрытый покрывалом с большими красными цветами.

***

Колдовские ритуалы Вуду и первобытные пляски охотников Амазонки, карнавальная самба-румба с заупокойным гаспелом, садо-мазо с изысканной нежностью востока. Кока без колы, виски без содовой, инь и ян в одном флаконе.

***

Как мартовский кот после недельного загула, вывалился я из подворотни, этой чёрной дыры экстаза, на приморскую мостовую.

Моя голова была почти так же пуста, как и мои карманы. И лишь одна мыслишка стучала в висок. Перебираясь на пароход, взывал я к Нептуну, Посейдону и прочим водяным авторитетам – уберечь меня от всякой заморской нечисти. Потому как случившийся эротический экспромт явно застал меня врасплох, и из всего многообразия резинотехнических изделий у меня при себе оказались только вьетнамские шлё-

панцы.

И я был услышан. Через несколько дней посреди океана-моря я обнаружил стайку заморских зверушек с затейливым русским названием. А после двух сеансов омовения чистейшим сепарированным соляром для судового дизеля я был готов к встрече с родным берегом и духовно, и физически.

Теперь, на склоне лет, когда тащусь в булочную и перебираю мелочь в кармане, я иногда вспоминаю тот последний доллар. Вот только, к сожалению, креолки и мулатки в нашу булочную что-то давно не заходят.

P.S. Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

P.P.S. Кроме мандовошек.

Атлантика, 2009 г.

Глава 2

ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ ТАЙГИ

С морем завязали. Пока. На время отпуска. И призадумались, как же провести эти два месяца сухопутной жизни. От тяжёлых дум полный подоконник пустых бутылок. Каждый год выезжаешь на материк, а что в сухом остатке?

Вот Саратов. Какая-то опера. Какой-то хоккей. А где гармонь? Где великая русская река? Где ещё две недели?

Или Одесса. Гамбринус, футбол, опять Гамбринус. И кто тут Дюк? И где тут Привоз? Это точно всё у них?

А Киев? Метро, Метро, опять Метро. Не подземка – кабак на Крещатике. Три этажа. Двадцать дней. Сало. Горилка. Где я, хлопцы?

И таких заездов – пальцев не хватит загибать.

Ну а сталица. Палитический, делавой и культурный центр. Каждый год часы, дни, недели в обществе каренных масквичей вроде Малыша и Никатина. Череда памоек, пустырей и стекляшек с пивными автаматами.

Всё-всё. Очевидно, урбанизм вредно действует на наши морские души. Едем на природу. Бабочки, цветочки. Флора, фауна. Нет, Вова, ни Лора и Фаина. Хотя... Да нет, нет. Никаких парикмахерш и продавщиц. Только мы и природа.

Несколько дней выбирали точку на карте. Выбирали бы, может, и дольше, но Вова залил атлас рижским бальзамом,

и тот слипся, как торт «Наполеон». А тянуть дальше было некуда. Надо было срочно менять климат: стеклотара на кухне уже не помещалась.

Рюкзаки на плечи. Аэропорт, ещё аэропорт, ещё чуть-чуть ж/д вокзал и мы тут, Печора.

От неожиданного визита мой родной дядюшка завис как неродной. Тётушку наша недельная непохмелённость и ещё то ambre привели в ступор. Но мы не стали рисковать их немолодыми организмами. Только по паре рюмок выдержанного Porto из дядюшкиного бара за их же здоровье.

– Нам бы, – говорю, – на природу. Охота там всякая, рыбалка. Можно даже совместить с работой. Мы как-никак геологоразведочный закончили. Когда-то.

От этих слов тётушка аж прослезилась. А дядюшка даже ещё по рюмахе налил. Жертвуя малым.

Привёл нас дядюшка скоренько к своему корешу.

– Вот, – говорит, – мастера на все руки. Захотели на природу. Зашли их, Петрович, к едрене-фене на месячишко, без церемоний.

– Легко, – говорит Петрович. – Хоть на берег Ледовитого океана.

Мы говорим:

– Нее-а. Океанов нам и так хватает. Нам бы лесок, ручеёк.

– Легче лёгкого, – отвечает Петрович. – Через неделю забрасываем полевую партию. Вы первые.

Тут дядюшка как-то засуетился:

– Ты что, Петрович, окстись! Неделя – это беспредел. Пара дней – максимум.

Тот говорит:

– Ладно, – и внимательно смотрит на дядюшку. – Сейчас идёте в наше общежитие, а послезавтра с утра – с вещами на выход.

Общага геологов и прочих буровиков – это отдельная тема. Которую ни пером описать, ни вслух произнесть. Потому что язык в пересохшем роте – словно разбухший тампакс. А шаловливыми ручонками только кубик рубика на время шерудить.

– Хорошо, Петрович – мужик бывалый – сам за нами поутру заехал.

– Ну и вид, – говорит. – Словно Тайсон на вас прямой правый отрабатывал.

Мы говорим:

– Нее-а. Это акклиматизация тяжело проходит.

По дороге пивком поправились и совсем оклемались, в смысле акклиматизировались. И, конечно, прикупили, как бывалые таёжники, ящик водки на двоих – НЗ на всякий случай.

Во дворе конторы уже стояли три ЗИЛа, заваленные всяким барахлом. Палатки, спальники, инструменты, продукты, даже печки-буржуйки. Тут выяснилось, что мы с Вовой и ещё два бича – передовой отряд геофизической партии, прям корчагинцы наших дней. Согласно выданному нам пла-

ну, должны соорудить летний лагерь человек на сорок: жилые палатки, кухня, столовая, баня и прочие неудобства.

Загрузились в кузов и вперед. Ехали долго. Сначала по асфальту, потом по гравийке, потом уже и не разобрать, где и по чём. Вообще я дорогу плохо запомнил, потому как меня на авто, в отличие от парохода, укачивает вусмерть. Так что по причине моего плохого самочувствия пришлось вскрыть НЗ.

До места добрались, что удивительно, засветло. Мы с Вовой решили, пока не стемнело, палатку поставить. А наши подельники с водилами сели обедать. Или ужинать. Короче – бухать. Борзота полная.

Мы им:

– Давайте, мол, пока не стемнело, обустраиваться на ночь.

А они ржут, как мерины:

– До ближайшей ночи, – говорят, – ещё месяца два.

Тут-то уже и мы с Вовой стопорнули. Это, выходит, мы за этой самой общаговской акклиматизацией даже белых ночей не заметили. А сейчас, выходит, не день, а четыре часа ночи. Или утра. С дороги голова и так гудела, а тут ещё такое потрясение. И, вежливо послав застольную компанию, завалились мы опять на палатки-спальники отсыпаться.

Солнышко не только светило, но и грело. Хоть и полярное, а всё-таки лето. Вокруг стеной стоял зелёный лес. Мимо пробегала небольшая речушка. А посредине серела плешь в несколько гектаров выжженного леса.

Это, выходит, несколько годков назад какой-то козёл поленился на костёр отлить. Или на бычок смачно харкануть. Падла. Я бы таких одной селёдкой кормил и не то что пива – воды не давал бы.

Вот на краю этого палева, у речки, согласно фортификационному плану и будет город заложён. Или заложен. Короче – природа будет здесь.

Пару слов об отцах, так сказать, основателях. Ну, про нас с Вовой всё ясно. Е@ланы. Нет, чтоб тихо-мирно кушать себе водочку в каком-нибудь Урюпинске. Выпендрились.

Но с нами ещё два кренделя живописной наружности. Первого я узнал сразу – Шура Балаганов. Да-да, тот самый. Правда, пока по полевым партиям скитался, фамилию переврали. То ли Калаганов, то ли Балабанов. Да и какая вообще фамилия может быть у партийного бича.

Пока он свой срок тянул, синдикат сыновей накрылся медным тазом. Вышел он из-за забора, а тут полный капут плюс электрификция всей страны. Тут же у ворот его партийные вербовщики и сманили заветными 6400 рублями. Но не сразу – частями. А что: одели, обули, поют, кормят. Что скажут – тащи, где скажут – копай. Пообтёрся, забурел. О глобальном потеплении рассуждает, журнал «Здоровье» почитывает. Но всё такой же дуболом. Только брюшко отрастил. Да чуб со временем поредел-поседел. Вот только с отпуском у него казус вышел.

Тут ведь летом, пока тундра да болота размёрзлись, все

на юга подаются. И Шура, деньжат за сезон накопив, тоже несколько раз выезжал в южном направлении. Но каждый раз доезжал только до ближайшей станции. Где его, бухого, побитого, с такими же бабами, но без бабок снимали с плацкарты. И послал он эти юга куда подальше. Себе дороже выходит.

А второй наш подельник – вылитый соловей-разбойник. Не в том смысле, что только что с дерева. Хотя спорить не буду. Невысокий, коренастый. Волосы чёрные. Сапоги колесом. И зуба впереди нет. И зовут Марат Хабибуллин.

Что мне нравится в этих уйгурах, так это уважительное отношение к старшим, к начальству. Это у них с молоком матери, наверное, впитывается. Но стоит разбавить его грамм на 250 водочкой – прямо орда.

Я даже первый раз, когда Хабибуллин за столом за нож схватился, чисто машинально ему табуретом в ухо заехал. Но потом попривыкли: не со зла он это, просто тяжёлое наследие прошлого.

У них тут на северах даже спорт своеобразный появился: в день получки деревня на деревню наезжать. В каждой партии ведь кучкуются односельчане, длинный рубль заколачивают. А как накатят водочки – на вездеход и в соседнюю партию. Но не до смерти, так – нос расквасить, зубы подправить или просто дрыном по радикулиту.

Вот, кстати, Орда. От фараонов вон пирамиды и сфинксы остались. От греков Троя и всякие акрополи. От римлян

Помпеи и прочие Колизеи. А от орды только нецензурщина и осталась. Ни тебе караван-сараев, ни прочей какой недвижимости.

Сдаётся мне, что историки и всякие там археологи вешают нам лапшу на уши. Славяне, как это у нас обычно бывает, устроили сами себе кузькину мать, а потом свалили всё на соседей. Да ещё приплели сюда каких-то монгол. Вы видели этих монголов – да они в речку по колена зайти бояться, а вы говорите – орда.

Между тем наш бич-квартет стал не спеша осваивать новые земли.

Шура, как и можно было предполагать, в работе жилы не рвал. И в силу этой своей непримиримой жизненной позиции лопату или там топор обходил стороной метра за два. Но при этом надо отдать ему должное: поболтать он любил и благодаря этой болтовне и большому сроку своей северной жизни (опыт не пропьёшь) дал много полезных советов по обустройству нашего лагеря.

Ему в противовес, Хабибуллин хватался за все дела сразу, толком ничего не умея и бросая всё на полпути. Так что под мудрым руководством члена полевой партии с 19… какого-то года Балаганова и несмотря на неподдельное усердие Марата, мы с Вовой потихоньку втянулись в работу. Поставили пару палаток для жилья и пару под склады для нашего барахла.

Утомившись от трудов праведных, сели отметить прибы-

тие и знакомство. Пока мостились на ящиках и расстилали скатерть-самобранку, Балаганов, оказавшись в родной стихии, взял на себя руководство застольем и ловко так набулькал четыре полных гранёных стакана. От одного только вида этого изобилия меня стало подташнивать. Вова тоже слегка сбледнул на лицо. Но ради поддержания авторитета инженерно-технических работников мы не стали возражать против экзекуции, предстоящей нашим пока ещё вполне пригодным к эксплуатации организмам.

Бабочки-цветочки! Да, водку пили мы и раньше, и помногу. Но вот разовая доза обычно была значительно интеллигентнее. Вове легче: он с младых ногтей с родителями по партиям, геофизик в каком-то там колене – насмотрелся всякого. А я в детстве лунатизмом страдал, а дед вообще состоял на учете в психоневрологическом диспансере. За раз опрокидывать гранёный стакан не приучен, и отхлёбывать воспитание не позволяет. Так в непрерывной борьбе с рвотными рефлексами я и приложился к стакану.

Это было круто. Последний раз я испытывал такое ощущение давным-давно ночью в горах, когда встреченный на узкой тропинке абрек приставил мне к животу дуло дробовика.

Слабеющей рукой я медленно ставил пустой стакан на ящик, а навстречу ему уже тянулась твёрдая и щедрая рука Балаганова с новой бутылкой водки. И пока я пытался нашарить хоть что-нибудь съедобное для своего мечущегося

в экстазе желудка, этот сукин сын успевал снова набулькать до краёв. И хоть бы один мускул дрогнул на его лоснящейся роже.

Не помню, нашёл ли я закусь. Помню только, как поднёс второй стакан и прямо с ящика улетел куда-то в Тартар.

Очнулся в палатке. На кровати. Без сапог. И тишина.

Конечно, потом мы с Вовой взяли власть в свои руки, в смысле разливали уже себе сами. Хотя наши коллективные посиделки в силу сословных различий и просто состояния здоровья организмов постепенно сошли на нет. Да и пополнять погреба было довольно проблематично: подвоза боеприпасов, сами понимаете, ожидать не приходилось.

Правда, Балаганов, как старожил печорского края, поведал нам о наличии по соседству деревни комяков с действующим сельпо. Но, естественно. самому ему идти было уже не по годам. С его слов набросали на бумажке абрис, решив положиться, как и тов. Бендер, на достоверность его информации.

Хабибулина, конечно же, посылать в такой вояж было рискованно: хорошо если просто напьётся, а то ещё заблудится, так потом ищи-свищи его по лесу. Поэтому выпала мне дальняя дорога, хлопоты немалые за винный интерес. Туда-обратно обернулся часов за девять, благо ночи-то белые. Повторяться про моё посещение пьяной деревни не буду, както уже про это рассказывал («О море more»). Через недельку по проторённой дорожке прошёлся и Вова. Но к тому вре-

мени наш лагерь стал потихоньку заполняться новыми жителями. А наш бич-квартет как-то незаметно, почти как The Beatles, распался.

Хотя припомнилось ещё одно своеобразное застолье. Хабибуллин, очевидно свято веривший в наше с Вовой высшее образование, пришёл как-то с просьбой вырвать ему больной зуб. И Вова, мастер-передвижник на все руки, без колебаний согласился срежиссировать эту мизансцену.

Для начала все действующие лица сообразили на троих грамм по сто для дезинфекции и анестезии, не забыв при этом сполоснуть в водке и слесарные пассатижи. Потом пациент открыл рот, я держал его сзади, а Вова взялся за инструмент. Клац-клац – и в дамки! Публика в шоке! Причём выдернул он не просто там какой-то зуб, а тот самый, больной.

И допив до конца поллитровку (пили только мы с Вовой, Хабибуллину досталась смоченная в водке вата) завершили это неожиданное застолье.

Дотошный читатель, наверное, скажет:

– Што за хрень! Опять всё про водку, а ведь обещали про природу, бабочки-цветочки. И будет неправ.

Всему свой черёд, а сейчас немного о природе. Наш полярный день проходил на свежем воздухе, приправленном дымком от костра, при умеренных физических нагрузках. Так что небольшое количество водочки совсем не мешало, а скорее, наоборот, обостряло чувство прекрасного в окружа-

ющем нас мире.

Особенно азартно мы пилили и кололи дрова для нашей буржуйки и коллективной бани, усердно стараясь при этом что-нибудь себе не отрубить или не отпилить. Это новое для нас занятие очень бодрило по утрам.

Из животного мира в первую очередь обращали на себя комары, особенно вечером у костра. Возьмёшь кружку с чаем, а там на два сантиметра этих тварей. Так что из бутилированных жидкостей Дета была у нас на втором месте по популярности после водки.

Ещё регулярно ходили рыбачить и по грибы. Последнее занятие было для нас, южных людей, вообще в диковинку. В грибах мы разбирались так же, как в китайской грамоте, поэтому следовали простому и мудрому совету: ядовитое червивым не бывает. А так как грибы были просто громадные, 4-5 штук на ведро, то мы смело отбирали слегка червивые, отламывали всю гадость и уже чистенький грибок на сковородку. Масло, лучок – и нет проблем.

Кроме того, несколько раз нос к носу сталкивались с лосями и медведями. Мы, городские жители, с детства ассоциирующие лес с ЦПКиО им. Павлика Морозова, даже и не подозревали, что эти зверушки бывают не только на качелях-каруселях.

Так что природа была. И даже слегка поднадоела с непривычки. И потому через месяц нашей лесной жизни мы отпросились на пару дней в город. Он хоть и маленький-ко-

рявенький, а всё-таки цивилизация.

Как обычно, начали с пивнушки. Вечером, естественно, в кабак. То ли «Север», то ли «Тайга». Стандартная стекляшка со стандартным набором. Ночью стандартно проснулся с девкой под боком. В общем, всё как обычно. Два дня на автопилоте набирались сил для нового заезда на природу.

Возвращаться в лагерь неожиданно пришлось целой колонной: на наш бивуак пожаловал отряд москвичей – пять машин и куча народу. Меня посадили в головной машине, и я несколько раз пытался свернуть на тропу Ивана Сусанина, но кривая вывезла.

Новый коллектив был весьма своеобразен. В принципе, им здесь делать было нечего: они обкатывали новую аппаратуру и вполне могли бы пить водку и играть в картишки у себя на Москве-реке. Но командировочные, полевые и районный коэффициент вынудили этих бедолаг тащиться за тысячу км.

Работяги были из Подмосковья, из какого-то то ли Яра, то ли Яма. А ИТР-овцы – коренные жители столицы: начальник – бывший баскетболист, гл. инженер – бывший боксёр, гл. мех. – бывший ватерполист, оператор – бывший футболист, девка-техник – вообще стрелок из чего-то огнестрельного. Прямо отдельная спортрота, заброшенная со спецзаданием в геофизический тыл.

К тому времени мы с Вовой приобрели в лагере статус, культурно выражаясь, свободных художников. Местное на-

чальство на нас забило, и мы сами искали себе занятие где-нибудь поближе к камбузу или бане.

Поэтому, как старожилы и просто творческие натуры, органично слились со вновь прибывшими представителями столичного бомонда, найдя много интересного во взаимном общении: вечерний раут под водочку и преферанс прежде всего.

Но особенно сблизила нас Вера, очень самостоятельная барышня лет тридцати, благодаря которой мы просто стали молочными братьями.

Из работяг как-то сразу приглянулся такой шукшинский чудик – мужичок-боровичок, прямо под стать Балаганову и Хабибуллину – три богатыря земли Русской.

Этот небритый колобок уже не в первый раз укатывал из дома с этой командой и был у них вроде талисмана.

Его профессиональные навыки никого не интересовали, да и работой его особо не загружали, а вот посидеть у костра вечером за кружкой чая с ним было очень интересно.

И на вопрос лисички-сестрички: «А ты кто такой?» – давал развёрнутый ответ о сущности бытия и мироздания, до которого он дошёл каким-то непонятным образом за сорок прожитых лет от своих семи классов образования.

Не раз, будучи с отрядом в далёких краях, Сибири или Средней Азии, этот чудак-человек, почувствовав то ли в себе, то ли в окружающем мире какой-то дискомфорт, молча собирался в дорогу. Брал только самое необходимое: нож,

спички и ещё какую-то мелочовку – и уходил домой. Уходил хоть из тайги, хоть из пустыни, даже не задумываясь о деньгах в кармане.

За эти его вояжи по просторам земли русской работяги, водилы с большим стажем и массой тёмных пятен в биографиях, относившиеся к нему с уважительной иронией, дали ему оригинальное прозвище Славик-луноход.

Начальник, привозивший из города зарплату, а по заявкам подчинённых доставлявший в честь получки кому водочку, кому коньячок, Славе-луноходу привозил сумку пузырьков настойки боярышника. Не ленясь при этом посетить несколько аптек и выслушать от продавщиц, не желающих отпускать эти пузырьки в большом количестве, много разных слов о своей гнилой интеллигентности.

Время потянулось неспешно и размеренно. Немного физической работы, небольшой моцион по окрестностям, вечерний преферанс, иногда с чем-нибудь погорячее.

И тут приехала она – та самая барышня из недавнего воскресного загула.

Меня ещё тогда немного смутило её имя – Фаина. Как говорил тов. Лукашин, красивое и, главное, редкое. Но ведь та, которую я только что оставил на своём острове, была тоже Фаина.

Прямо полоса какая-то, то ли чёрная, то ли белая. Во всяком случае, этот нежданный визит меня сильно напряг.

Мой родной дядюшка в редкие посиделки с ним за рюм-

кой портвейна, когда уже после работы и геополитики переходили к бабам, говорил с высоты прожитых лет:

– Милый мой, если хочешь в жизни чего-нибудь добиться, то гулять ты можешь с кем угодно, но жениться надо на еврейке.

После чего бывший руководитель среднего звена и профсоюзный лидер средней руки на пенсии искусно матерился и шумно вздыхал.

И вот она пришла за мной. Кровь с молоком, копна чёрных волос, характерная горбинка на носу. Её карие глазки словно пришпилили меня к стене плача. Так очковая кобра, наверное, выбирает себе очередного кролика.

<< Знойный южный город. Ближе к обеду двинулся из арендованной квартиры неподалёку от Греческой площади по направлению к Гамбринусу. У арки, что выводила со двора трёхэтажного колодца, сидела дама уже не бальзаковского возраста с мерзкой собачонкой на руках.

– Здравствуйте, Анатоль! – так она меня называла.

– Bonjuor, Роза Соломоновна!

– У вас прекрасный одеколон. И хороший вкус. Должна вам сказать, что брючный костюм, вышедший от вас сегодня утром, даже лучше того вчерашнего красного платья. Можете мне поверить. И. я вижу, вам, как и мне, не нравятся мини-юбки.

– Вы мне право льстите, Роза Соломоновна. Ну а мини-юбки особенно хороши по утрам, тогда они очень бодрят

ещё не отошедших от ночи кавалеров.

– Ха-ха-ха! Анатоль, вы прелесть.

Под чёрно-золотым кимоно всколыхнулся шикарный бюст, завёрнутый в кружевной пеньюар. Лет десять назад это, наверное, было нечто. Хотя, возможно, и сейчас по выходным какой-нибудь биндюжник не прочь подойти с кормы к этой шаланде.

– Вы такой элегантный кавалер. Жаль, что вы не еврей.

– Я сам огорчён, мадам.

– Может, вы сегодня вечером прогуляете мою племянницу Нору в филармонию, у неё как раз есть два билета?

– Боюсь огорчить вас, Роза Соломоновна, а вместе с вами Нору и всю филармонию, но у меня сегодня футбол.

– И вы, культурный человек во французском одеколоне, идёте смотреть на этих шаромыжников – чтоб они так жили, как они играют. Последним приличным человеком в этой банде был Лёня Буряк – хороший мальчик, хоть и не еврей.

– Ваше знание современного футбола меня поражает, Роза Соломоновна.

– Надеюсь, завтра утром от вас не выйдет какой-нибудь инсайд в фуфайке и трусах.

– Сейчас уже нет инсайдов, сейчас в моде тотальный футбол. И вы уже могли убедиться, Роза Соломоновна, что я приверженец классического стиля. Ценю ваше внимание, но вынужден откланяться.>>

Всё это весело одну-две недели отпуска у тёплого моря. Но жить в этом каждый день…

Фаина хороша, спору нет. Что-то смешивает в своей аптеке, вечером абонемент в бассейн, возможно, даже музицирует на фортепиано.

И дядюшка, наверное, прав. Но нужно ли мне всё это?

– Вова, – сказал я. – Ты мне друг или кто.

– А как? – спросил Вова.

– А как хочешь – сказал я. Взял спиннинг, фляжку с коньяком и ушёл в тайгу.

Костерок у речки, несколько свежевыловленных рыбёшек, 150 грамм коньяка во фляжке – как мало нужно, чтобы обломать мужику весь этот кайф.

Вернулся за полночь. В палатке Фаина змеёй свернулась на широкой Вовиной груди. Забрал свой спальник и пошёл в баню. Спать.

На следующий день коварная изменница, даже не бросив на меня прощального взгляда а-ля Медуза-горгона, уехала в город.

Через несколько дней нам с Вовой стало что-то грустно и захотелось домой. К тому же с неба закапал дождик со снегом, а у Вовы закапало с конца. Вот такая флора и фауна.

Сборы были недолги. На полчаса заскочили к дядюшке. Презентовали несколько балычков хариуса собственного приготовления и гирлянду сушённых под присмотром Балаганова грибов. Я допил Porto.

Такси. Вокзал. Аэропорт. Прощай, Печора.
Внизу под облаками скрылось зелёное море тайги.
Баренцево море, 2010 г.

Rendez-Vous.

Тупо уставившись на одуревший от дико падающего давления барометр, второй штурман смачно почесал задницу. При том, что раскалывалась на две половинки от климатических коллизий голова. Идущие один за другим шторма измотали в усмерть. Пора было уже залечь всем пароходом в какое-нибудь тихое местечко.

Астролябь! – шумно выдохнул он, вспомнив почему-то при этом припортовую шлюху Люсю. И твёрдой рукой прочертил на карте прямую, хотя и слегка прерывистую, линию курса на бухту с прозаическим именем Рыбачья. Именно туда по приказу кэпа и побежит наш изрядно умаявшийся за последние два месяца пароход.

Экипаж жаждал хлеба и зрелищ. На крайний случай свежей рыбки и пару-тройку бл@дей, пусть и не первой свежести. И по всем прикидкам таки это можно было там поиметь.

Собирай свои манатки - отправляйся на Камчатку – объявления вроде этого можно было прочесть по весне в газетах типа Труд или Гудок.Цыпочки старше восемнадцати и лоханки не старше пятидесяти приглашались на сезонные работы на рыбозаводы Охотского моря.Именно такой завод и располагался в бухте Рыбачьей, как уже наверно догадался

наш пытливый читатель. Именно там и бросил якорь через несколько часов наш чёрно-жёлтый красавец.

Сотня разномастных кобыл где-то на краю земли, десяток мужиков и тяжелейшая работа в рыборазделочном цехе – всё это заваривалось в такую кашу! Не зона конечно, но тоже круто – мама не горюй!

У нас на пароходе правда тоже не артель Напрасный труд. Скорее штрафной батальон. Тусуются в основном честные фраера, списанные с заграничных пароходов за нескучную жизнь. Но дело своё они таки знают на раз.

Ну и поутру второй штурман Юра, геофизик-оператор тоже кстати Юрец, и моторист на моботе пошли к заводскому причалу на предмет честного гешефта. Оставив маслёнкина на стрёме тёзки оба два скрылись из виду в тусклом пейзаже. В обед на горизонте они не появились, а к вечеру капитан по рации спрашивает вопрос – что у нас опять за здрасте? Но хлопчик на моботе понятное дело не в теме. По причине чего и оставлен был там куковать до рассвета.

На следующий день в дело вступает тяжелая артиллерия в лице старпома Егорыча. Хотя лицо – это сильно не в тему, скорее морда. Представьте английского бульдога, рыжего и лысоватого, да ещё с шикарными баками. Сопит и причмокивает. Это таки есть чифдог Егорыч, и флаг ему в руки.

Перед отъездом кэп минут пятнадцать шлифовал ему уши, раздухарившись как агицин паровоз. Но такому биндюжнику этот оральный секс что бы да, так нет. Он конечно

сделал бледный вид перед отъездом, но таки понимал, что это чисто формальный шмон.

На берегу Егорыч, даже ни разу не подумав, надыбал контору управляющего и сделал конкретную предъяву заседавшему там колобку. Пообещав самолично натянуть тому глаз на жопу. Но этот тухлый фраер оказался не в теме. И только вызванная для ответу приближенная полумадам не стала строить Клару Цеткин: - Хабалки из второй бригады уже вторые сутки имеют счастье, аж гай шумит. Там таки есть на что посмотреть.

Наш чифдог посетил указанную местность с целью провести небольшой шмонец. И там таки было на что взглянуть. В деревянном бараке было штук пятьдесят двухъярусных железных коек, по назначению правда использовались только нижние шконки. Вся зала была поделена развешанными байковыми одеялами на небольшие кубрики. Из дальнего угла доносились звуки, по которым даже не будучи Н.Н.Дроздовым легко можно было идентифицировать самку Homo sapiens в кульминационный момент эротических игрищ.Продефилировав на голос в нужном направлении, Егорыч узрел акробатический этюд в жанре кино и немцы. На дощатом столе стояло несколько бутылок с мутным шмурдяком, явно местного разлива. Несколько тарелок с разномастной рыбной продукцией. Литровая банка красной икры. У стола на табуретах сидели две цацы в ночных сорочках фривольного фасону с запалёнными цигарками. На кровати напро-

тив блондинистая амазонка самого что нинаесть детородного возраста и виду втрамбовывала в шконку лежавшего на спине второго помощника капитана. И по причине полной отключки последнего ей приходилось всё время самолично играть как говориться за обе команды, соизмеряя желание пришпорить ещё с возможностью при этом вывалиться из седла.

От созерцания этого натюрморта в постельных тонах чифдога отвлёк зычный рык самки с противоположного конца барака.Там картинка была практически симметричная, только старший геофизик всё же подавал какие-то признаки жизни. Хотя эти движения были скорее рефлекторными, мутный взгляд уходил куда-то в астрал.

Проявляя чудеса изысканной галантности выпускника навигацкой школы Егорыч невозмутимо присел на табурет у стола между двух полуобнаженных товарок и молча набулькал себе полную кружку зловонного пойла.Смачно приложившись поискал глазами чего-нибудь на закусь, но так и не остановившись на чём-то конкретном решил не портить себе послевкусие. И таки налил себе вторую.

Тем временем умаявшаяся амазонка еле сползла со старшего геофизика и на полусогнутых неспешно скрылась в одеяловых джунглях. Получив таким образом беспрепятственный доступ к телу Егорыч подошёл к шконке и резко тыркнул терпиле под дых.Организм правильно отреагировал на шоковую терапию, пройдя несколько стадий самоидентиф

фикации, вплоть до блевотины. - Предлагаю ша! – наконец подал голос старший помощник капитана.

Так как каких-либо мужских шмоток в ближайших окрестностях найти не удалось, Егорыч накинул на Юру байковое одеяло, и они двинули в другой конец бардельеро.

Там уже чифдог в силовой контакт вступать не стал по причине очевидной его малоэффективности, а просто вылил на секонда ведро воды, очень кстати оказавшееся рядом. И ввиду полного отсутствия мужского гардероба, позаимствовав байковое же одеяло и взвалив тело себе на плечо, двинул на выход.Что характерно, истерику по поводу их убытия никто мастырить не стал. Изрядно затянувшаяся вечеринка явно сошла на нет.

Доставив ловеласов-горемык на пароход, Егорыч конечно же вернулся навести шороху на этом лоходроме. И к вечеру был дома и с притыриными было шмотками, и с рыбой, и с икрой, и даже с несколькими пузырями самогона.На берег уже конечно никого не пустили. Да и шутить по поводу всего происшедшего записные пароходские остряки почему-то особо не стали. Бедный Йурик.

А через пару недель судьба занесла нас в самый что ни на есть медвежий угол Охотского моря. Где решено было слегка побраканьерив взять немного красной рыбки.

Десантировавшись с парохода весёлая мешпуха с удивлением обнаружила на берегу стойбище аборигенов. Вышедший на встречу чмошного вида предводитель приветство-

вал гостей традиционным Водка есть?.И хотя любитель огненной воды был дружно послан подальше, стоило напрячь мозг, что б этот хламидник не обломал выезд на свежий воздух.

И таки вопрос был решён весьма козырно ко всеобщему согласию, что б он был здоров. Оставшийся на пароходе вахтенный штурман с трёхлитровой банкой прошёлся по каютам и слил весь имеющийся в наличии лосьон-одеколон в одну посуду.

Вы таки не поверите, но этот северный олень ни разу не подумав сразу приложился к банке, как молокосос к титьке. Кино не для слабонервных. Наверное на запах из чума выползло нечто не поддающееся идентификации, впалый нос, гнилые зубы, слипшиеся волосы, про гардероб промолчим.На что обалдевший от коктейля Вася тут же предложил козырный гешефт – евонная подруга жизни, а это таки была самолично она, на ещё литр энтого пойла. Причём нахваливая её ходовые качества, выразил уверенность, что шестерых она выдержит запросто.

Все присутствующие дружно обратили взоры на Вову-Никотина, чья любимая присказка – Да я за миллион любую укатаю – как-то сразу пришлась к месту. Конечно, таких денег на пароходе не было, но на святое дело все согласились скинуться баксов по сто. Сбледнувший с лица Никотин стал обосновывать отмазки на предмет охраны дикой природы и видового многообразия живых организмов на Земле. Таки

Чарльз Дарвин, не дай бог конечно.

Между прочим, играющая на берегу куча разновозрастной ребятни наглядно демонстрировала, что рисковые фраера уже не раз добирались до этих мест.Конечно, отвергнутая Никотином чувырла наврятли имела к этому отношение. Но очевидно, что кочующие сейчас где-то в тундре мамаши этих киндер-сюрпризов встречали здесь и белых и чёрных, и голубоглазых и горбоносых. В нашу гавань заходили корабли, однако.

Вы таки не поверите, в эту тему мистическим образом вписывались, между прочим, целые развалы рогов вокруг стойбища. То ли оленей, то ли оленеводов. И там таки было на что взглянуть. Что характерно, на эту фуфель не позарился не один мореман. Тут вам не баня, нема ни голых, ни дурных.Скитальцы морей – люди суеверные и чтут свой неписаный устав. Вернулся домой с рогами – в рот им плюнуть за такие мансы. Но таки нашёлся один шлимазл. Лёха хоть и числился навигатором, был чисто примазавшийся к пароходу сухопутный геодезист. Молодец, как я не знаю. Мало что каждый день по полчаса висел на телефоне со своей цацей, так ещё регулярно распечатывал её фото в постельных тонах.

И чтоб ему пусто было! До конца рейса этот поц шлифовал свои рога, повергая в тихую ярость весь пароход. Его маму грубым образом! И даже покрыл их яхтовым лаком.

И что вы хотите. Когда в родном порту на причале жёны и прочие подруги в нетерпении срывали с себя бюстгальтеры,

встречая пароход, евонной хабалки среди них не оказалось. А когда Лёха с развесистыми рогами добрался до дому, там его ждали звонко пустая квартира и, как потом оказалось, стерильно чистая сберегательная книжка.

Только выпавший листок из любимого некогда романа одиноко желтел на полу пыльносерой спальни."Варвара, самка ты, тебя я презираю. К Птибурдукову ты уходишь от меня".

Море Лаптевых. 2012г.

Глава 3

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ.

Спешите видеть!
Проездом с Камчатки на Чукотку!
Один раз за навигацию!
Только неделю в нашем городе!
Агдам и Вдова Клико в одном флаконе!
Морская геофизическая партия 0 и иже с ней!

Чёрно-жёлтые плакаты, в цвет нашего парохода, не висели на афишных тумбах города, но зато кабаки и пивбары весело распахнули настежь свои двери в нетерпеливом ожидании длинных северных рублей. Любые фантазии за наши деньги!

***

Почти три месяца моря позади, примерно столько же впереди, а посередине неделя шикарного сахалинского лета с шампанским, женщинами и полными карманами ассигнаций.

По приходе на причале нас ждал автобус, в автобусе нас ждал Михал Ефграфыч, в руках у Михал Ефграфыча нас ждал пухлый кожаный портфель, и уже в портфеле нас ждали толстые пачки разноцветных бумажек с водяными знаками и россыпь звёздочек на бутылках армянского коньяка ереванского разлива.

Михал Ефгравыч был легендой нашей конторы.

МГП 0 была её головной болью.

Suum cuique. Всё определялось в сущности пустяком, стечением обстоятельств.

Все морские геофизические партии в конторе имели свои, конторские же геофизические пароходы, а МГП 0 – нет.

И поэтому по весне, когда открывалась навигация в Охотском море, контора арендовала у пароходства запарившийся за зиму в Татарском проливе ледокол, на который и грузилась МГП 0 Двадцать мужиков, куча механики-электроники и даже компрессор высокого давления на сто двадцать атмосфер.

Но расстройство нервной системы и пищеварительного тракта у конторы начиналось как раз по осени, когда эта гопкомпания с ледокола выгружалась обратно.

Видеть, а тем более слышать одичавшую за полгода в северо-восточных морях ватагу инженерно-технических работников конторские белые воротнички не желали.

В результате на весь межрейсовый зимний период МГП 0 запихивали в полуподвальное помещение в сто квадратных метров в диаметрально противоположном от конторы конце города.

Подвал. Именно так именовалась в народе эта явочная квартира.

Именно там имел свой офис с кожаным диваном и красным телефоном заместитель начальника МГП 0 по хозяй-

ственным вопросам Михал Ефграфыч.

В нашем нынешнем кинематографе режиссёры и сценаристы, ютуберы и тиктокеры, мало знакомые с реальной земной жизнью, исказили и абсолютно переврали такое важное для российского мужика понятие, как штрафбат – штрафной батальон времён Великой Отечественной войны. Не путать со штрафной ротой.

В штрафбате не было уголовников, насильников и убийц. Только товарищи офицеры, лишённые временно званий и наград за проступки, не требующие жёсткого уголовного наказания.

Напился не там и не с теми, морду набил кому надо и кому не надо, амурные дела всякие с разборками до соплей с дамами, не дамами, и их папиками. Вот такой вот коленкор.

И если повезёт в бою, то через три-четыре недели снова в строй под звёздными погонами.

Михал Ефграфыч, семидесятилетний ветеран, освобождавший в сорок пятом Сахалин от всяких там ниндзя и самураев, конечно, все эти расклады знал. Поэтому за стаканом любимого отечественного портвейна изысканно матерился в три этажа, давая точную и ёмкую характеристику своему нынешнему месту работы – штрафбат.

Кабаки и медвытрезвитель, мордобой и изолятор временного содержания, развод и алименты, заявления от жён и подруг в профком и партком, отгулы, загулы, прогулы, и т.д. и т.п.

Товарищи морские геофизики были собраны из других подразделений на работу в МГП 0 после временного или постоянного лишения визы (права работать за границей) по результатам вышеперечисленных событий. Штрафбат.

В усиление, правда, ещё придавалась пара-тройка молодых спецов, нарабатывающих стаж после институтов для получения всё той же загранвизы.

Но самое смешное в этой истории было в том, что экипаж того самого арендуемого ледокола был таким же штрафбатом пароходства – каботажниками из легендарного Ванино.

Ну а, как известно из учебника математики за пятый класс, минус на минус даёт плюс.

Поэтому за пару летних навигаций эта полусотня крепко спитых морских бродяг превратилась в такую бронебойную боевую единицу, что даже министр из столицы приезжал на пароход лично пожать их обветренные руки, не знающие маникюра.

Это когда они неожиданно для всех почти дошли до Северного полюса, распугав своим перегаром белых медведей с острова Врангеля. И, кстати, может быть, и дошли бы, но спирт кончился.

***

Почти три месяца моря позади, примерно столько же впереди, а посредине неделя шикарного сахалинского лета с шампанским, женщинами и полными карманами ассигнаций.

Городские кабаки набросились на нас, как сумасшедшие.

Михал Ефграфыч своим пятизвёздочным армянским задал такой градус, что простой пивнушке уже не угнаться. Как бочонки на ритуальных четках сквозь пальцы, перевалились страждущие организмы один за другим по предприятиям общественного питания высшего разряда. Не замечая потерь, не вспоминая отставших.

***

Когда душа и тело наконец пришли к консенсусу, а вышедший из автономного режима мозг активировал утраченные было опции «зрение» и «слух», я сидел в кабаке за столиком.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Ресторанные лабухи чётким ритмом непереводимого на русский заклинания разогнали нейроны в моей голове до предельной скорости, и взрыв серого вещества вернул меня на планету Земля.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Прямо передо мной за ресторанным столиком сидела моя мечта. Ещё сегодня утром я и понятия не имел, что она у меня есть. А тем более – что она такая. Но это точно она.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Белое воздушное платье в горошек било меня под дых так,

что я не то что говорить – дышать не мог.

Оказавшиеся рядом пароходские бродяги что-то балаболили и даже, кажется, знакомили. Я ничего не понимал и не слышал, кроме

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Моя мечта озорно смеялась, огонь в её глазах, как свет ночного маяка в шторм, манил и давал надежду.

Вынырнув из этого омута, я рванул из кабака за глотком кислорода.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Летняя ночь не остудила, но после пары десятков шагов немного отпустило.

На притулившемся неподалёку цветочном базарчике, не считая и не торгуясь, купил охапку красных роз, сколько мог унести.

Вернулся в кабак и вывалил перед нею на стол.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Квартира кореша. Сам где-то отстал, жена с детьми на материке. Лето в разгаре, вся кухня и ванная завалены ягодами. Может, брусника, может, морошка – хрен её разберёт. Я знаю только клюкву в шоколаде.

И тут я с розами и шампанским. Такой вот винно-ягодный натюрморт.

Зато моя мечта была со мной.

Через пару лет на видеомагнитофонах вся страна крутила «Девять с половиной недель». Дама там, конечно, козырная, но в жизни бывали расклады и покруче.

Лёгкий утренний бриз, махнув на прощанье белым в горошек подолом, оставил мне на подушке только дурманящий аромат Poison и несколько розовых лепестков. Обещала звонить.

***

Почти три месяца моря позади, примерно столько же впереди, а посредине неделя шикарного сахалинского лета с шампанским, женщинами и полными карманами ассигнаций.

Сухопутная жизнь товарищам, морским геофизикам, давалась как-то с напрягом, особенно мучила жажда рано утром и до одиннадцати часов, пока не открывались винно-водочные отделы магазинов и кабаки.

И хотя отгулов никому не давали, к своему месту работы типа Подвал основной контингент подтягивался часам к десяти – одиннадцати. Где после поверки всех прибывших Михал Ефграфыч вносил в список ещё живых, а фамилии отсутствующих помечал знаком вопроса. Медвытрезвитель? Травмпункт? Далее по экспоненте.

***

Лично мне в приватной беседе довёл информацию о недавнем телефонном звонке молодой, судя по голосу, дамы,

которая не представилась, но обещала перезвонить.

«*i just call to say i love you*»

В отличие от остальных, ветеран был в полном порядке. Впрочем, как всегда последние семьдесят лет.

Среднего роста, сухой, с бритой головой. Всегда в слегка приталенном костюме, при галстуке и шляпе.

Его популярность в окрестных кабаках, лабазах и цирюльнях просто зашкаливала. Официантки, продавщицы и парикмахерши, в дочки ему по возрасту годящиеся, просто млели от его мужской харизмы.

И Михал Ефграфыч легко и щедро нёс себя в массы, потягивая портвейн и весело матерясь при этом.

Иногда по выходным компания записных преферансистов, собравшихся у Подвала, обнаруживала закрытую изнутри входную дверь. А присев по соседству на лавочку, через какое-то время лицезрела очередную цыпочку, под присмотром Михал Ефграфыча выпорхнувшую из Подвала. Не стареют душой ветераны.

Ну а пересчитанные товарищи, разделившись согласно весовым категориям и самочувствию на две компании, лёгкую и не очень, расходились на обед (как раз время пришло) в пивбары и рестораны.

Расположенная в пяти минутах ходьбы от Подвала в лесопарковой зоне пивная веранда уже одним своим видом настраивала на мажорный лад. Стоя за стойкой с парой пива и корюшкой, было легко и ненапряжно окинуть просветлён-

ным взглядом зелень окрестных сопок, городского парка и самой веранды.

Сейчас же пришедшие сюда из Подвала своими тяжёлыми и блуждающими взглядами упёрлись в диссонирующую с окружающим миром красную рожу Юры Слоника, лежащего под стойкой на краю веранды.

Агрегатное состояние уклонившегося от утренней поверки морского геофизика не представляло возможным определить временной интервал данного явления природы: залёг ли он здесь ещё с вечера, или этот результат достигнут уже сегодня поутру.

Этот в прошлом краснокнижный выпускник МГУ, вот уже несколько лет занимаясь чисто прикладной физикой, пытался опровергнуть фундаментальные законы бытия.

Товарищи по партии, неспешно разместившись на веранде, оттягивались свежим пивом, краем глаза приглядывая за Слоником.

Это у древнего Архимеда тело, погружаясь в жидкость, её вытесняло. У Слоника жидкость погружалась в тело и, посылая на хер всякую метафизику, вытесняла сознание.

Это древний Архимед искал точку опоры, чтобы перевернуть землю. Найти точку опоры, чтобы поднять центнер Слоника, не представлялось возможным. И сопромат был бессилен.

Проведя пару часов в такой неспешной беседе о философии с элементами физхимии коллоидных растворов, члены

МГП 0 всё же смогли привести выпавшего было в осадок неюного натуралиста в нужное для транспортировки в Подвал агрегатное состояние.

Михал Ефграфыч, покрывши для порядка Юру Слоника трёхэтажным набором русских народных слов, занёс естествоиспытателя в список ныне живых.

***

Лично мне в приватной беседе довёл информацию о недавнем телефонном звонке молодой, судя по голосу, дамы, которая не представилась, но обещала перезвонить.

«*i just call to say i love you*»

Очередной рабочий день законопослушно подошёл к концу. Вечерний город манил и зазывал в свои райские кущи.

***

Когда душа и тело наконец пришли к консенсусу, а вышедший из автономного режима мозг активировал утраченные было опции «зрение» и «слух», я сидел в кабаке за столиком.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Ресторанные лабухи четким ритмом непереводимого на русский заклинания разогнали нейроны в моей голове до предельной скорости, и взрыв серого вещества вернул меня на планету Земля.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Прямо передо мной за ресторанным столиком сидела немечта.

Да я и сам не подарок. Но в ней что-то было.

Мне ночевать где-то надо, не переться же на пароход.

Ей ночевать с кем-то надо, не мёрзнуть же одной.

«*У неё всё своё, и бельё и жильё*».

В доме печь. В букетах сухоцветов и расшитых рушниках. Летом, конечно, не топится, но прикольно.

За полночь на лежанке, где постель разложила, обернулась она ведьмой сладострастной и всю ночь мытарила меня, будто беса хвостатого, зелье пьяное подливая и очей сомкнуть не давая. А с рассветом, опалив горько-пряным дыханием, улетела через печную трубу.

***

Почти три месяца моря позади, примерно столько же впереди, а посредине неделя шикарного сахалинского лета с шампанским, женщинами и полными карманами ассигнаций.

Стою перед Подвалом, пытаюсь осознать, где был и как сюда попал.

Навстречу Михал Ефграфыч, цветёт и пахнет.

В идиоматических выражениях высказался на тему моего происхождения и сути моего же бытия в подотчётный период.

Ведь может же, аксакал! Так бы слушал и слушал.

***

Лично мне в приватной беседе довёл информацию о недавнем телефонном звонке молодой, судя по голосу, дамы, которая не представилась, но обещала перезвонить.

«*i just call to say i love you*»

Уже в Подвале некстати подвернувшийся начальник МГП 0 ёмко и красочно дополнил речь своего зама фразеологизмами и речевыми штампами, не входящими в энциклопедический словарь русского языка.

Резюмируя всё кратко: телефон рабочий, ваши бл@ди достали.

Ещё не отойдя от давешней ночной вакханалии, с трудом переварил полученную информацию. Сидеть у телефона моё здоровье не позволяет. Её телефона не знаю. И чё?

В литературной форме, тщательно фильтруя базар, довёл до стоящих ниже меня на социально-иерархической лестнице пацанов, чтобы взяли у названивающей сюда чувихи её телефон. И флаг им в руки.

Время обеда. Я сюда и так на ободах добрался. А тут ещё все эти филологические навороты на мою голову.

Пора не пора, выхожу со двора. И, прихватив для компании коллегу по цеху, двинул в «Алые паруса». На мой извращённый вкус это самое козырное место в городе.

Одноэтажное деревянное кафе на два зала. Хорошее пиво с ресторанной наценкой и обязательной тарелкой рыбного или мясного ассорти. Недёшево, но сердито.

Я почти всё своё свободное от амурных и картёжных ин-

тересов время проводил в «Алых парусах», почитывая спортивную прессу.

И если дамы это заведение посещали нечасто, то партнёров на преферанс здесь всегда можно было найти.

Кстати, и мой нынешний спутник Иваныч, любитель пива и мастер преферанса, был тоже завсегдатаем этого заведения

Между прочим, именно Иваныч, возможно лучший игрок всей конторы, выиграв у меня в рейсе месячную зарплату, параллельно поднял мою игру на очень приличный уровень.

Потратив пару часов на восстановительные процедуры, двинули обратно. В Подвале картёжники из низшей лиги расписывали пулю под присмотром Михал Ефграфыча. Сам он не играл, но болел шумно и азартно.

***

Лично мне в приватной беседе довёл информацию о недавнем телефонном звонке молодой, судя по голосу, дамы, которая не представилась, но обещала перезвонить.

«*i just call to say i love you*»

Оставленные мною на стрёме пацаны поставили меня лицом к стенке, на которой Малыш нацарапал в рядок несколько цифр в пару дюймов высотой.

Я подошёл к телефону, подвал замер в ожидании, начальник нервно затянулся своим Marlboro. На другом конце телефонной линии сказали: «Аллё, не туда попали».

Похоже, как раз-то я и попал. Мастер настенной живописи Малыш где-то бродит. Начальство демонстративно курит. Я

пытаюсь соображать.

Варианта два: или Малыш с бодуна не то расслышал, или коряво не то нацарапал. Тройка – пятёрка, единица – семёрка, семь – восемь...

Второй звонок, третий, десятый... Её там не стояло.

Как говорил Михаил Пуговкин: бац-бац и мимо!

Хорошо хоть до ближайшего кабака пять минут ходу. А до следующего десять. А потом категории времени и расстояния утратили всякий смысл.

***

Когда душа и тело наконец пришли к консенсусу, а вышедший из автономного режима мозг активировал утраченные было опции «зрение» и «слух», я сидел в кабаке за столиком.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Ресторанные лабухи чётким ритмом непереводимого на русский заклинания разогнали нейроны в моей голове до предельной скорости, и взрыв серого вещества вернул меня на планету Земля.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Прямо передо мной за ресторанным столиком сидели две Барби, чёрная и белая, *Black & White*. Хотя пил-то я только наш коньяк.

Барби хлещут шампанское с птичьим молоком, пляшут

ламбаду-макарену, им весело, а мне что-то грустно. Нет вдохновения, это явно не моя грядка.

Дело к закрытию, музыка кончилась, ну и Барби засобирались. Говорят, пудрим носики и ждём тебя на выходе. И упорхнули.

Ладно. Только не надо пудрить мне мозги. Пока допил, расплатился, выхожу: дупль пусто-пусто.

Перекурил со швейцаром. Да и хрен с ними, всё сразу было понятно. Пусть думают, что лоха развели. Даже немного повеселел. И обратно в кабак.

А там дело идёт к финишу, халдеи заказы уже не берут, но бар ещё работает.

За стойкой на табурете одинокая мадам. И всё в цвет, как будто доставка на заказ. По пятьдесят коньяку для знакомства.

– Кинули тебя твои девки?

– Не мои, сразу было видно, что из общества «Динамо».

– У меня «Трудовые резервы».

– А я из бродяг морских, неприкаянных.

На том и сошлись.

Как говорил товарищ О. Бендер, знойная женщина – мечта поэта.

Белая ванна, махровый халат, широкий диван и тёплая ароматная мадам, легко и непринуждённо разогнавшая нашу короткую летнюю ночь.

В семь я был разбужен запахом чёрного натурального ко-

фе, в восемь она меня высадила из авто прямо у двери Подвала.

***

Почти три месяца моря позади, примерно столько же впереди, а посредине неделя шикарного сахалинского лета с шампанским, женщинами и полными карманами ассигнаций.

В такую рань я встаю только по общесудовой тревоге. Пожар или человек за бортом. Вроде меня и не бортанули, но душа горит.

Подвал ещё пуст, в холодильнике у Михал Ефграфыча вместо минералки только полбутылки портвейна и плитка шоколада «Алёнка».

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка – не пей портвейн поутру, козлёночком станешь.

Телефонный звонок спустил меня с розовых облаков в серое подземелье подвала.

«*i just call to say i love you*»

Ещё сказала, что ждёт меня через пятнадцать минут у гостиницы. Тут всё рядом, напрямик между пивной верандой и рестораном «Спорт» дошёл минут за двенадцать.

Летний сарафан с алыми цветами, соломенная шляпка, плетённые сандалии – глаз не оторвать! Моя мечта была со мной!

И в тон красный автобус впридачу. Везёт туристов на взморье Анивского залива. Шустрые прибалты едут смот-

реть на океан.

Мне заняла место в последнем ряду для поцелуев.

Ехать около часа. Минут пятнадцать рассказывала неугомонным чухонцам про каторжан времён Чехова, про полное харакири самураям в сорок пятом, про недавний тайфун на острове везения.

Весёлое место этот Сахалин.

Потом присела рядом и своими нежными ручками с кучей браслетиков-колечек устроила экскурсию по памятным местам. А по приезде, выгнав всех путешественников на песчаный берег, затащила на диван в конце автобуса.

Отдышавшись, решили всё же искупаться, лето ведь в самом разгаре.

Правда, курортный сервис здесь не очень. Кабинки, зонтики и лежаки, а с ними лодочные станции, вышки спасателей и пункты проката, а также кафе с мороженым, пивом и чебуреками недавний климатический катаклизм, согласно данным комиссии по ликвидации последствий, смыл в океан к едрёне фене. Зуб дают. Смета с кучей нолей где-то прилагается.

Отошли подальше по берегу и предались на брудершафт водным процедурам, начисто игнорируя светские приличия.

Кстати, с этими морскими купаниями у меня как-то сразу не заладилось. По доброй воле и в почти трезвой памяти за двадцать лет морских странствий искупался только три раза: Москальво на севере и вот Анива на юге Сахалина, и ещё в

устье речки Ола под Магаданом.

Ежедневные водные гигиенические процедуры на островах Южно-Китайского моря не в счёт.

А всякие там гоа, канары, карибы и прочие купальни, на которые меня забрасывала судьба, желания зайти хотя бы по колена в море у меня почему-то не вызвали.

Вермут с содовой и кофе со льдом – вот и все тропические радости.

Да и сейчас хожу на море только из-за любителя совместных водных кроссов эрделя Енисея.

К вечеру экскурсия закончилась всё у той же гостиницы. Мой чудный гид побежала заканчивать свои дела, а меня отправила скоротать время в пригостиничный кабак, который в списке моих приоритетов был на последнем месте.

Наудачу здесь же оказался однопартиец Лёха, с которым и зависли, ожидая третьего нелишнего. Как и все мореманы, он, уходя летом в рейс, отправил семью на материк, поэтому на заходе заливал тоску-печаль водкой по самое не могу. Так что рванули мы с ним на перекладных в даль светлую, он со своей водкою, а я с коньяком. Нас не догонишь.

***

Когда душа и тело наконец пришли к консенсусу, а вышедший из автономного режима мозг активировал утраченные было опции зрение и слух, я сидел в кабаке за столиком.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Ресторанные лабухи чётким ритмом непереводимого на русский заклинания разогнали нейроны в моей голове до предельной скорости, и взрыв серого вещества вернул меня на планету Земля.

Abra-abra-cadabra

Abracadabra

Прямо передо мной за ресторанным столиком сидела моя мечта.

Она, в синем джинсовом костюме, и я, в своей знаменитой белой джинсе, словно Бонни и Клайд в салуне где-то на очень диком западе. Хотя у нас-то тут как раз восток, но тоже слегка диковатый.

Между прочим, как потом оказалось, это был практически последний публичный показ моего почти эксклюзивного итальянского белого джинсового костюма в его первозданном виде. Буквально через месяц в эпической драке на Чукотке джинсы получили пару хороших пробоин ниже ватерлинии, а рукава от куртки вообще были вырваны с мясом. В те времена моды на дырявые джинсы ещё не было, и за появление в таком виде запросто можно было угодить в околоток. Поэтому со временем костюм был по возможности приведён в целостный вид, но целкость-то свою, конечно, потерял навсегда.

Самое удивительное, что уже сейчас события могли пойти по вышеописанному сценарию, но, видимо, время ещё не пришло. Ещё задолго до закрытия кабака нам пришлось

спешно ретироваться. Этот манёвр оказался для меня абсолютно неожиданным и непонятным.

А в ответ на мои вопросы (что, где, когда?) она схватила меня за целый пока ещё рукав и потащила из зала. Мимо эстрады с музыкантами, через кухню с официантами и поварами, какими-то складскими и техническими помещениями ресторана и гостиницы мы выбрались на берег местной речки. Лёха прицепом тащился сзади.

Тут наконец она сообщила, что в вестибюле её бывший со своими корешами хотел устроить нам аутодафе по всем правилам средневековой инквизиции.

«*Их восемь – нас двое. Расклад перед боем не наш...*»

Количество принятого сегодня на грудь сильно сказывалось на работе мыслительного аппарата и опорно-двигательной системы, поэтому всё произошедшее надо было принять как данность.

В темпе пьяного богомола выбрались на проезжий тракт и на попутке двинулись домой к Лёхе. По прибытии на месте употребили по случаю захваченный коньяк и разбрелись по каютам. Ответственный квартиросъёмщик отбыл в царство Морфея.

Я же в силу сложившихся обстоятельств, как истинный бродяга, должен был поддержать даму в её стремлении поставить в конце сегодняшнего дня жирную запоминающуюся точку. Или многоточие.

Утром на центральной городской площади Бонни и Клайд

простились, предварительно наметив зачётный салун для очередного вечернего налёта. Лёгкий поцелуй был печатью договора.

***

Почти три месяца моря позади, примерно столько же впереди, а посредине неделя шикарного сахалинского лета с шампанским, женщинами и полными карманами ассигнаций.

Моё появление в Подвале не осталось незамеченным. Более того, как оказалось, и моё непоявление вчера тоже не осталось незамеченным.

Начальник МГП 0, пуская в потолок идеально ровные кольца дыма от своего Marlboro, выразился в том смысле, что моё отношение к трудовой дисциплине и к нему, начальнику МГП 0, лично его слегка удивляет. Обложил, короче, конкретно и ёмко.

И сообщил, что на завтра намечен отход. Но чтоб жизнь мне мёдом не казалась, мои гастроли заканчиваются уже сегодня. Еду на пароход, настраиваю аппаратуру и записываю все тесты. А так как на это потребуется не менее восьми часов, то отбываю в порт прямо сейчас.

– Я сказал! – это он сказал. И всё это, перемежая длинным рядом звучных, но непечатных слов.

На такси заскочил в гостиницу, но мой личный гид уже отбыла с очередной партией заморских туристов на другой берег Анивского залива. О, Бонни!

«*i just call to say i love you*»

P.S. Ты мне изменяешь? – когда женщина задаёт этот вопрос, что она хочет услышать в ответ?

Каждый нормальный мужик может дать только отрицательный ответ. Правда или нет – неважно. В положительном ответе нет никакого смысла вообще.

И женщина сама точно знает, что ответ будет только отрицательный при любом фактическом раскладе.

Тогда зачем вообще весь этот ритуальный хоровод?

P.P.S. Вернувшемуся через пару месяцев из рейса Лёхе жена бросила в лицо найденное под диваном в гостиной женское бельё.

За бутылкой коньяка он принял мои извинения.

А через несколько дней застрелился.

Чёрное море, 2022 г.

СЕНИНА, 11.

Это было весной, когда мы уходили из дома.
Времена, когда мы навсегда уходили из дома.
Калинов Мост

На третий год моих хождений по морям и океанам пришлись сразу два знаковых события. Меня назначили начальником и дали однокомнатную квартиру. К слову, если бы остался где-то рядом с мамой-папой, этих событий пришлось бы ждать лет пять-десять. А здесь, на задворках им-

перии, всё происходит на порядок быстрее. Ну и, конечно, должность, зарплата и квартира, как вспышка сверхновой, выбросили меня в межгалактическое пространство с футуристическими красками и космическими скоростями. И если при вступлении в должность я просто переехал из каюты на главной палубе в люкс на средней, то новоселье откладывалось на три месяца до возвращения из рейса.

Правда, по приходе в порт пришлось ещё немного задержаться на пароходе. Вся гоп-компания с встречающими жёнами-подругами вечером укатила по домам, а я остался сдавать наработанные за три месяца материалы, хотя и у меня дом уже был.

Но сидеть вечером в порту на пароходе – это моветон. И с парой оставшихся со мной пацанов двинули в город. Добрели до ближайшего кабака, кафушки без особых претензий, где и бросили якорь.

Пока изучали винную карту, вино-водка-коньяк, выяснилось, что у нас на троих нет и трёх копеек. Есть чеки ВТБ для «Берёзки», есть боны для «Альбатроса», есть даже доллары, а рублей-то и нет. Пришлось, предваряя заказ, договариваться с халдеем о курсе обмена всего этого на рубли.

Дальше я просто налёг на коньяк, обмывая карьерный рост и жилплощадь, а мои компаньоны по обычной пацанской привычке активно пытались найти приключение на свой зад. И мы все преуспели в своём порыве. К закрытию я был на хорошей кочерге, а за столиком приютились две де-

вахи 18+.

Тащиться одному ночью на пароход мне не хотелось, и я прицепом за квартетом страждущих двинул на явочную квартиру. Там без лишних церемоний занял одну из двух комнат и на кстати разложенном и застеленном диване отошёл ко сну.

Посреди ночи, как мне казалось, проснулся от шебуршания под моим одеялом. Одна из девчонок явно пыталась пристроиться ко мне своей упругой голой попкой. Ну я ж не иезуит какой-нибудь: здравствуй, тело молодое, незнакомое! Хорошо, что успел немного покемарить, чтоб вернулись дикция и чувство ритма. И только-только умаявшаяся соседка затихла у меня под боком, как к другому стала мастыриться подружка.

Слегка опешив от навалившихся на меня нежданно-негаданно посреди ночи хлопот, интересуюсь сутью вопроса. «Да козлы они занудные!». Ну да, что есть, то есть. Юра-Шура институтов не кончали, в филармонию не ходят, Бродский и Тарковский не про них. И, предчувствуя глубокое удовлетворение, запустил полуночную перебежчицу под другой бок.

Утром, игнорируя хмурые рожи своих подчинённых – или клопы были злые, или водка была палёная – взбодрился чашкой растворимого кофе. Как говорил один друг, бочкового. Я его на дух не переношу, но не всё же коту масленица. Любезные хозяйки ссудили нам по пять копеек каждому на ав-

тобус.

Ближе к вечеру, покончив с пароходскими делами, добрался наконец до дома. В восемьдесят однушек и двадцать двушек набилась мишпуха моряков, геологов, геофизиков и пр., и пр. Дом гудел, как улей диких пчёл после посещения Винни Пуха. Я был практически последним ступившим на борт этого брандера.

Посреди моей пустой квартиры стояло потрёпанное кресло-кровать с цельной бутылкой водки. Так закладываются вековые традиции бродяг земли русской. По негласной традиции, буквально с первого дня жизни Сенина,11 уходящие в рейс или улетающие в отпуск-отгулы мужики оставляли ключи от квартир друзьям или соседям. Прошедшие сами через мытарства по этому каторжанскому острову, без лишних слов и заморочек протягивали руку помощи иногда даже совсем незнакомым соплеменникам.

Как-то на пароходе спустя лет 25 после описываемых событий разговорился с коллегой по вахте. И выяснилось, что много лет назад он, будучи ещё студентом на практике, две недели жил в моей квартире. Как в пещере Али-Бабы. В 80-е полный набор японской видео- и аудиотехники, бар валютной выпивки и велюровый диван. И два метровых керамических слона для колорита. Офигевший бурсак потом даже хотел в дипломе спецвопросом описать жизнь морского геофизика в межрейсовый период. Ха-ха!

Божился, что, уезжая, поллитровку оставил.

Пойду-ка я приму 50 ностальгических грамм коньяку по такому случаю.

Кстати, справа от меня обосновался мой забойный кореш Петёр Герасимович, а слева – тёзка с другого парохода. Сам хозяин уже успел уйти в новый рейс, и банкетом в его квартире по поводу прибытия нашего парохода и меня, дорогого, лично руководил другой кореш – навигатор Славка из макаровки. Sharp-777 орал во все свои 2X40 ватт голосами Bony M и C.C.Catch. Несколько початых ящиков с коньяком и сухариком томились на кухне в углу. Душа просила праздника.

Градус нарастал. Количество морских геофизиков на квадратный метр жилплощади уже приближалось к критическому.

И тут пришла она. Женщина с нижнего этажа. Дверь, говорит, захлопнулась. Не могли бы мы спуститься по балкону сверху? Мадам, базара нет! Рассчитались на первый-второй. Твой балкон, мне говорят, ты и лезь. Дак я ещё даже дверь на балкон не открывал!

Ну пошел, посмотрел. Хоть я уже и на кочерге, но технику безопасности блюдю свято. Так там же есть соседний балкон. Спустился на этаж, звоню в дверь. Открывает знакомец, Миша Шпильман, в труселях. Извини, говорю, я на твой балкон. Он, бедолага, даже пикнуть не успел. А я уже, пожелав блондинке под его одеялом приятного вечера, прошел через балконную дверь. Дальше дело техники.

Потерпевшая рассыпается в благодарностях. Я её под ло-

коток и к нам на банкет успокоить нервы. Вино, коньяк, Bahama Mama, чувствую, силы на исходе. Даму под ручки и к себе на кресло-кровать. Спасибо незнакомому другу. Ну и зажгли в новой квартире всеми цветами радуги. Окропили, так сказать, целину. Вот такое новоселье.

На отгулах рванул на материк прикупить мебеля и прочие хозтовары. Набил всё в контейнер – и домой. Но это я такой любитель комфорта. Пит вон по соседству несколько лет обходился диваном и холодильником. Ну ещё телек. А поначалу вообще в ванной спал.

Хорошо, диван собирать не надо. А со стенкой прямо квест какой-то. Шкаф собрал. А сервант не выходит, детали от него пошли на шкаф. Всё разобрал. Собрал сервант и шкаф. На секретер деталей не хватает. Всё разобрал, блок-схему почитал и по новой. И так почти неделя. А там и Пит пришёл на помощь. Не с шуруповёртом – с бутылкой. Так вечера и коротали. Я кручу, верчу, Пит разливает.

Магнитола орёт, шуруповёрт визжит, Пит булькает на кухне – а может, ну его, этот гарнитур генеральши Поповой? Через пару вечеров на звук дрели и Duran Duran народ стал подтягиваться Питу для компании. Я собираю-разбираю, они наливают-пьют. Но и меня не забывают. Хорошо всё-таки иметь свою жилплощадь.

В пятницу даже ритуальный поход в кабак пропустили. За полночь по полной программе музон, бухло, шуруповёрт. Звонок в дверь.

– А я к тебе на вечеринку!

Плащ скинула и через болты и шурупы с туфельками прямо на диван. А я с пассатижами и разводным ключом. Что-то мычит Duran Duran, что-то туплю-туплю я.

Мы знакомы, конечно, но не более. Её муж третий месяц за границей, иногда вместе работали и выпивали. Время к часу ночи. Туплю-туплю.

– Мне бокал вина!

Duran Duran. На кухню. Пит разливает водку по стаканам.

Нашёл чистый бокал. Открыл бутылку Токайского.

– И сигарету!

Duran Duran. На кухню. Пит с водкой исчез. Бл@дь! Вопрос только кто.

Нашел пачку Salem с ментолом. Зажигалку.

– Потанцуем!

Duran Duran. И верхний свет потушила. И диван-то собирать не надо.

Никогда не был в фитнес-зале. Тренажёры, подходы, движения.

В ритмах Duran Duran. О чем говорить. Тренажёры, подходы, движения.

Токайское, Salem с ментолом. Тренажёры, подходы, движения.

С первыми петухами, подхватив плащ, исчезла в тающем сумраке.

Я с шуруповёртом и пассатижами. Тренажёры, подходы,

движения.

Duran Duran: «All She Wants Is». Всё Чего Она Хотела Это…

Постепенно жизнь нашего клуба по интересам отстроилась и пошла по накатанной дорожке. Работу, конечно, никто не отменял. Вся гоп-компания вместе собиралась только в межсезонье. Несколько забойных кабацких недель перемежались неделями затишья с маленькими житейскими радостями.

Особо следует отметить два момента. Во-первых, я купил одним из первых японский видеомагнитофон. Во-вторых, толстые литературные журналы просто вывалили на страну горы новой и залежавшей старой литературы и публицистики.

Видик, конечно, на время стал примой всех посиделок, вечеринок и загулов. Маршруты его дрейфа по квартирам нашего дома были столь причудливы и витиеваты, что контролировать их я перестал очень быстро. В любое время суток порой абсолютно незнакомые люди со ссылкой на знакомых могли его забрать или вернуть обратно. И шёпотом просили или предлагали порно, которое поначалу вызывало особое любопытство. По прошествии времени с удивлением должен заметить, что подобные кассеты ни одного раза так и не появились в моей квартире.

Зато у нас образовался узкий круг любителей кино, в центре которого была Лерка, жена одного кореша. Иногда на се-

ансах в нашем элитарном клубе были только мы вдвоём. Под бокал Саперави или Каберне мы открывали для себя скрытый до поры мир советского и не только кино. Марлен Хуциев и Андрей Тарковский. Милош Форман и Федерико Феллини. Это всё надо было не только посмотреть, но и обсудить и осмыслить. Лерка оказалась прекрасно воспитанной и образованной чувихой, и наши разговоры были просто в кайф.

То же самое было и с литературой. Все умеющие читать по-русски набросились на журналы. Почтовые ящики просто ломились. Лично я выписывал почти десяток журналов, начиная с «Нового мира» и «Иностранной литературы» и заканчивая «Юностью» и «Огоньком». Здесь, конечно, единоверцев было больше, но Лерка опять выгодно отличалась. Василий Аксёнов и Иосиф Бродский, Франц Кафка и Марио Пьюзо. От корки до корки несколько сотен журналов. И где больше кайфа: в чтении или обсуждении на кухне за кофе с коньяком – не знаю.

Пятница, вечер, я дома. Вкусная сигарета, ароматный коньяк, толстый журнал. Луи Армстронг «What A Wonderful World». Кабаки и пивнушки отдыхают. Даже вечерний преферанс временно заброшен по причине некомплектности состава. Дом затих под уютным пледом в кофейном аромате.

Звонок как автоматная очередь. Кто бродит, свои все дома сидят? На пороге две дамы в вечерних туалетах. И, что характерно, дверью ведь не ошиблись. Одна здесь уже бывала и не раз. Подружку тоже видел.

Как там у «Примуса» – «Марина или Лена. Мне упирается в живот её колено».

Пришла маета – открывай ворота. Во время посещения вам будут предложены горячие напитки и холодные закуски, а также видео зарубежных авторов. А что делать. Оставил посетительниц в обществе Клинтона Иствуда, а сам на поиски подельника, надо же подружку куда-то пристроить.

У соседа не заперто. Сам Петёр Герасимович в горизонтальном положении на диване. На полу пиво в стеклотаре и десяток журналов.

– Бросай, – говорю, – Пит, свою «Технику молодёжи». У меня там пара чувих из Playboy под парами томятся, включайся в процесс.

Ноль эмоций, ноль движений. Всё ясно: не та полоса, не взлётная. Из этой научно-технической трясины его даже стриптизом не вытянуть. Штанга.

Пошел по этажам. Шура, конечно, не Бельмондо, без изысков, но заводной пацан. Дома, один, трезвый, в трениках. Решает контрольные по математике. Сука, заочник хренов. И тоже в отказ. Давай, говорю, я тебе её сюда приведу, она, кажется, бухгалтер. Возьмет тебя за интеграл, заодно и задачки порешает. Сибиряк упёртый. Колба, колба.

Иду дальше. Джонни, кореш по бурсе, натура тонкая и до баб охоч. Берёт у меня джазовые диски, слушает The Who и Rolling Stones. Но сегодня я уже опоздал. Духман как в персидском караван-сарае. Пара раскумаренных беломорен вы-

били бойца из седла. И тут уже хоть «Playboy», хоть «Работница». Его тут не стояло.

Лёха, москвич, своей фатеры в доме не имел, поэтому дрейфовал во времени и пространстве. Нонешнюю явку я знал, но пошёл туда без всякой надежды, просто по дороге. Лёха, он, конечно, ходок ещё тот, азартный парамоша, но со своими тараканами. Мы с ним предпринимали совместные набеги на городские кабаки, но вскоре разошлись по идейным, если так можно сказать, соображениям. Попав несколько раз на молодых девок из общества «Динамо», я решил не портить себе нервы и прочее здоровье и перешёл в другую весовую категорию. Кому за 30. Нет, денег не жалко, жалко времени и не хочется выглядеть лохом обыкновенным. Хотя, конечно, варианты возможны.

А Лёха бомбил молодёжные кабаки с завидным упорством и успехом. В текущий момент времени он квадратно-гнездовым порядком пропускал через себя местное медучилище. Причем иногда для поддержки привлекал и меня, безотказного. Так что я был глубоко погружен в эту тему на факультативных началах.

Один, с последним номером «Иностранной литературы», кореш принял меня как родного. Но узнав о тактико-технических характеристиках предлагаемого для эксплуатации объекта, отказался наотрез. Все мои рассуждения о взаимозачетах и бутылке Jack Daniels для разгону ожидаемо были тщетны.

Тенденция, однако. Бродить дальше по этажам смысла не было. Смешно. Сказать дамам, что мужики все трезвые и поэтому не хотят, я не посмел. Сказал, что все пьяные и поэтому не могут.

Дома Клинт Иствуд на разогреве палил из нагана как сумасшедший, дамы оттягивались кофе с ликёром в предвкушении встречи с прекрасным. Время недетское, «метро закрыто, в такси не содют».

Откупорил Jack Daniels, закурил Dunhill. Чего теперь-то здоровье беречь. Сменил Иствуда на Adriano Celentano, вечного и всепогодного Amico. И разложил диван.

Подружки, закатив глаза, дружно заохали. И пока я вышел на балкон за последним глотком бодрящего кислорода, так же дружно скрылись под моим одеялом. На правах ответственного квартиросъёмщика вышел на средину фарватера. И бросил якорь.

«Марина или Лена. Мне упирается в живот её колено».

«Susanna! Susanna!» – пытался запутать и сбить с ритма Adriano Celentano.

Якорная стоянка то бурлила и фонтанировала камчатским гейзером, то затихала полуночным омутом, где ведьмы водятся.

Jack Daniels & Adriano Celentano держали меня на плаву до самого рассвета. Картина маслом. Петров-Водкин. В ночном.

Утренним прибоем смыло все следы. «What A Wonderful

World».

В отличие от литературы и кино с музыкой было всё сложнее. Достать и послушать можно было практически всё. Мой навороченный Sharp-800 и вертушка к нему, по-моему, сами тащились от этих звуков. Сотни виниловых дисков и кассет заполняли пространство. Музыка практически не умолкала даже ночью.

А вот поделиться впечатлением об услышанном было трудно. Народ тащился от попсы и шансона. Ну а подо что ещё бухать водяру и шампусик.

На моей первой сознательно записанной кассете за 10 руб. в студии звукозаписи были Deep Purple «In Rock» и Uriah Heep «Return to Fantasy».

Время шло, и к року плавно присоединился джаз. Charly Parker и Miles Davis.

Ну а потом уже George Gershwin и Сергей Рахманинов.

И вся эта гремучая смесь в моей голове. А желающих присоединиться так и не нашлось. И на концерты я попадал почти всегда один. Только на джаз, но зато как весело всё выходило.

Оркестр Олега Лундстрема в Южно-Сахалинске.

«Аллегро» Николая Левиновского в Магадане.

«Каданс» Германа Лукьянова в Грозном.

Ансамбль Давида Голощекина в Киеве.

«Арсенал» Алексея Козлова в Саратове.

Ансамбль Игоря Бриля в Москве.

Летний день. Банальная суббота. Позавчера пришли в порт. Послезавтра уходим в новый рейс. Заварил кофе, Рахманинов лабает на рояле Второй концерт, разбираю накопившуюся почту и кучу новых журналов.

Звонок. Юлька. Терапевт из соседнего дома. С кастрюлей. Шла, говорит, к подружке с котлетами, а той дома нету.

Ладно, говорю, котлет не хочу, а кофе попьём. Кастрюлю на кухню, турку на огонь, Юльку на диван. На неё, кажется, Шурик глаз положил, он её и ввёл в нашу компанию. Молодая врачиха, с подругой живут по соседству.

Поставил у дивана столик, притащил кофе, ананасы в банках кстати из рейса привез. Ну и, чтоб время скоротать, ей рюмку ликёра, а себе коньяку любимого, чеченского «Илли». Просто сказка, редкая вещь. Кстати, я его сам только и пил, корешам такие изыски пофиг.

Юлька на диване что-то про работу, больницу, предстоящий отпуск. А я, напротив, на полу на ковре присел. И в пустые рюмки подливаю не спеша. Симпатичная она девчонка, и неглупая вроде, и котлеты вон делает. И халатик у неё прикольный, красное-чёрное, цветочки-листочки. Смотрю я, смотрю – и вдруг как пелена с глаз: то ли её голос, то ли мой коньяк. Под халатиком-то пусто! И с каждым её движением мне открываются всё новые и новые горизонты!

Котлеты, говоришь. А Сергей Васильич на Третий концерт заходит. И только я руку к халатику протянул, как он сразу ко мне в ладонь и заструился, а за ним на ковёр и вра-

чиха. Так всё неожиданно и чудо как хорошо! И пальцы как по черно-белым клавишам побежали вверх-вниз.

Alla breve!

Потом перебрались на диван. И начались симфонические танцы.

Andante con moto!

Потом время затихло и совсем остановилось.

Lento assai…

Под вечер, взмахнув своим невесомым халатиком, легко и просто упорхнула из моего вертепа в свои Сады Семирамиды. Котлеты по-киевски.

Кастрюльку вечером я Лерке передал. А вернувшись через пару месяцев из рейса, от неё же узнал, что Юлька уехала на материк. Какой-то врач-однокашник позвал.

– Муд@ки вы яйцеголовые, такую девчонку упустили.

– Дак я ж думал, что Шурик?

– Вот-вот. И ты, и Шурик.

– Что-то не так с яйцами?

– С головами. Мозги у вас всмятку.

Вот такая кулинария.

С Леркой, кстати, потом долго шли по жизни параллельными курсами, пересекаясь по самым неожиданным поводам.

Но сначала я познакомился с её мужем. Ванёк приехал на дипломную практику, попал ко мне на пароход и умудрился за это получить медаль. Так-то он пацан тихий. Перед пьян-

кой бегал на камбуз за водой спирт разводить, опосля бренчал на гитаре «Как здорово, что все мы тут сегодня собрались».

А нам как раз в рейс дали экспериментальную железяку, новый прибор в каком-то НИИ сделали. Ну и типа внедрение в производство. Через год приходит разнарядка. Прибор на ВДНХ медаль получил, в списке лауреатов должен быть кто-то с производства. А из наших кандидатов один побывал в вытрезвителе, на другого жена подала на алименты, третьего просто уволили за прогулы. Остался только Ваня – студент, медалист.

Не помню точно, в тот же год или на следующий я этого раздолбая спас, но мне медальку не дали, только выговор за технику безопасности. В шторм работали на корме и зашла хорошая волна. Ну пацаны опытные кто за что похватались, а Ваня медалью прощёлкал. Его волной на палубе с ног и сбило и потащило обратно за борт. Пришлось прыгать и ловить.

Так и завязались отношения и с Леркой и с её родителями. С папой даже выпивал пару раз.

К слову, за время морских странствий я таких Ваней нормально наловил. Как-то встретились в море два наших парохода. Один только из порта вышел в рейс, а другой, отработав пару месяцев, домой идёт. У одних выпивка ещё осталась, у других жажда поднакопилась. Ну и пришвартовались на траверзе острова Монерон. Кому интересно, как раз над где-то через пару лет сбитым корейским Боингом.

Трап перебросили, ну и разошлись по корешам туда-сюда. Через пару часов кое-кто уже тёпленький и весёленький. Вышел у себя на корму покурить. Летний вечер, остров на горизонте. Гляжу, Игорёха-сейсмик на трапе между пароходами толчется, а потом раз – и нету его. Я к трапу. А между пароходами зазор около метра

– Есть кто живой? – ору вниз.

– Есть! – отзывается.

Объявили тревогу. А его, сердешного, течением между пароходов уносит. Побежал на корму и бросил ему круг. Но линь оказался уже короток, и пришлось отпустить. Он бухой-бухой, но сообразил в круг влезть.

А на мостиках решают, кому мотобот опускать. Чей бедолага выпал, тот пусть и опускает. Окей!

А я гляжу: Игорёха тихо-мирно дрейфует от кормы в море. А уже темнеет! Хорошо, сигнальная лампочка на круге загорелась.

Тут выясняется, что мобот опустить не могут, потому что этим бортом пришвартованы.

А огонек уже в бинокль еле видно.

Наконец на другом пароходе мобот опустили и за болезным. Привезли. Хоть и лето, а замёрз. Пришлось ещё налить.

Кстати, не утонувший в проливе Лаперуза через год помер от водяры один в пустой квартире. И скорая не успела. И круг было бросить некому.

А Лерка между тем, несмотря на всё своё воспитание, об-

разование и прочую культур-мультур, стала тихо-мирно выносить мне мозг, проявляя свою бабскую натуру. На материке у неё осталась закадычная подружка, за одной партой сидели и незамужняя ещё. И начался ненавязчивый и сразу незаметный, но методичный прессинг.

Я ей про Параджанова, краски и пластику, она мне про подружку. Я ей про Вознесенского, лексику и ритмику, она мне про подружку. Я ей про Диззи Гиллеспи, импровизацию и гармонию, она мне про подружку.

Шьёт, печёт, машину водит, у папы на даче винный подвал! И фотку мне в сервант поставила!

В конце концов однажды после затянувшейся зимней спячки на Сенина,11 случилось у меня весеннее обострение.

Сел в самолёт – и к подружке на день рождения.

Через сутки она согласилась.

Через двое улетели вдвоем обратно.

Через трое расписались.

Три дня бродяги в смокингах с расфуфыренными подружками гудели по кабакам пчелиным роем.

На четвертый я бросил пить, курить и бриться. Клянусь своей седой бородой.

А через пару лет, в начале 90-х, фирма, как, впрочем, и вся страна, затрещала по швам. Бродяги с Сенина,11, распродав свои апартаменты местным обывателям, рванули в разные стороны света. Бухта Спасения, бухта Провидения, мыс Доброй Надежды. А вслед за ними и тутошний Шеври-

кука, любитель Dunhill, Jack Daniels и вяленной корюшки, покинул этот некогда благословенный Богом уголок.

Черное море, 2021 г.

Глава 4

ТРУБА-ДЕЛО

На день рождения вина бутылку?...
Когда мне стукнет sixty-four?
Paul McC

Дыр-дыр. Тыр-пыр.

Масло брызжет из всех дыр.

На первом же километре загородного шоссе наш пепелац модификации «буханка» встал враскоряку, как старый козёл в школьном спортивном зале, пустив под себя жирную чёрную лужу.

Тут поможет только звонок другу.

Через час прибыл завгар, и нас на усах утащили обратно в гараж.

Через сутки.

Дыр-дыр. Тыр-пыр.

Дым клубами из всех дыр.

Практически в том же месте наш perpetuum mobile, испустив зловонный дух, встал у осины и дал дуба.

Активировали опцию «звонок другу».

Завгар, буксир, гараж.

Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!

Ещё через сутки. Те же и там же.

С криками: «накося! выкуси!» – под переливы клаксона миновали это гиблое место.

Горланя песню юных пионеров «*Взвейтесь кострами, синие ночи*», вырвались на простор местного автобана и получили камнем по лобовому стеклу из-под встречного авто. Хрусь - и пополам.

Словно пробитое боевое знамя, заколыхалось оно на ветру, покрытое мельчайшей сеткой трещин.

Согласно выписанному документу, шёл уже третий день командировки нашего полевого геофизического отряда.

– Да и хрен с ним, со стеклом, – сказал водила, когда выбросили эту лишившуюся своих потребительских качеств часть автомобиля.

– Да и хрен с тобой, – согласились остальные, перекурив это дело и одевая ветрозащитные очки.

Ударим разгильдяйством по подорожью и бездорожью!

Я не верю в гороскопы и прочую восточную астрологию, но у меня лично вся эта хиромантия каким-то лженаучным образом проявилась, опровергая теорию вероятности и постановления партии и правительства о борьбе с генетикой и космополитизмом.

Рак в водной стихии десятилетия проходил в морях. И даже несколько лет работы на суше неизменно приходилось проводить на морском побережье Черноморья.

Да и сейчас в ночное окно доносится шум прибоя.

Вот и нынешнее многодневное путешествие предполагает финиш на морском берегу, если, конечно, наш холстомер осилит эти несколько сот километров.

Нефтяная труба от Каспия до Чёрного ещё в проекте, а нам предстоит проехать по трассе и выполнить кучу инженерно-геофизических изысканий.

Тополиный пух, жара, июль. Ночи такие...пьяные.

И вот наш не первой свежести уазик с дыркой в башке рванул по шоссе на восток, на край земли. А там – найти точку рестарта в обратном направлении, и уже без дорог, но по карте двинуть к финишу с шампанским в Абрау, а может, даже в Дюрсо.

Хотя у нас в трюме имелась масса необходимых для путешественников вещей, включая палатку, спальники и даже котелок на треноге для костра, закончить марш-бросок первого дня хотелось в каком-нибудь мотеле с горячей водой и буфетом.

Уже затемно наш экипаж въехал в крайний на нашем маршруте станичный городок. Пышногрудая Мисс Плодородие 90-60-90 с караваем и сводный духовой оркестр ветеранов культпросвета нас так и не дождались. Ну хоть тусклый красный фонарь на гостиничном крыльце – и на том спасибо.

Мотель звёзд с неба не хватал, но у нас с собой было – по три звёздочки местного разлива на каждого.

Правда, намечавшийся вечерний раут по поводу первого ходового дня неожиданно оказался под угрозой.

В номерах имелось только две свободные плацкарты, то есть кому-то придётся ночевать в авто.

Этот казус моих коллег по цеху совсем не смутил, так как дежурная селянка забальзаковского возраста согласилась принять участие в нашем *grand party* и распахнула для гостей свои служебные апартаменты.

Уже за полночь, когда звёзды весело брызнули по стаканам, радушная хозяйка, растекаясь по нашим плечам своей кустодиевской сдобой, предложила для совместного использования и казённый дежурный диван.

– Мальчики! Мальчики!

Неужели в этих проходных дворах ещё есть девочки?

В очередь, сукины дети, в очередь!

Этой всеобщей коллективизации я не принимаю и поэтому, хлебнув на посошок, отбыл на выделенную мне коммунальную жилплощадь.

Кстати, очередь для меня настолько сложносочинённая вещь в себе, что каждый нерв моего организма при приближении к этому явлению природы начинает бунтовать и выносить мне мозг.

Как-то раз даже в армию не пошёл, потому как в очереди стоять сил не было.

Вызвали повесткой: пора, говорят, тебе в армию сходить за новой звёздочкой, только медкомиссию пройди сначала.

Военкомат, как улей, гудит, допризывники в труселях по коридорам снуют из кабинета в кабинет, под каждой дверью человек двадцать.

Даю полный назад. Предлагаю дежурному капитану отложить мой поход на недельку, пока этот вавилон в коридорах не рассосётся. Ну тот взял моё дело и убрал куда подальше. Не быть мне майором.

После первой ночёвки выехали за околицу, и прощай, асфальт, – встречай, пылюка!

На пароходе хорошо: вырулил из порта, задал координаты,

включил автопилот и кури бамбук, пока уши не опухнут. И пока вахтенный штурман подбивает бабки и харчи в судовой артелке, матрос-рулевой вообще где-нибудь на баке на палубе старую краску отбивает. Ни тебе гаишников, ни ямочного ремонта на дороге – тишь да гладь.

А тут выдали карту с прямыми линиями с небольшими изломами от моря до моря, типа давайте, рулите посуху аки по морю.

Но поперёк маршрута чего только не напихано: реки и каналы, б*а*лки и курганы, виноградники и непроходимые заросли держидерева.

И, главное, бескрайние поля амброзии, основной агротехнической культуры времён перестройки. Если бы её экспортировать, мы бы завалили всю планету этой заразой от полюса до полюса.

Хотя в предгорье в кавказских лесах, что на армейском сленге называются зелёнкой, тоже встречались поля с буйной растительностью. Были они намного меньше, да и трава там была другая. Но в советские времена наказывали и за ту, и за другую.

Короче, там, где по карте от точки до точки десять километров, нам с объездами-переездами все двадцать. А то и во-

обще не подъехать – пешком со своими железяками на горбу.

Жара, пылюка, амброзия!

Нахера я слез с парохода – кондишин, ватерклозет, дежурный холодильник на камбузе!

Но! Но воля и простор!

Оно того стоило, честное пионерское! (*pionnier* – первопроходец).

Нонешние менеджеры и всякие там мерчандайзеры в стеклянных офисах, как девки на улице красных фонарей, этим чувствам не подвержены.

...по аллеям тенистого парка
с пионэром гуляла вдова,
пионэра вдове стало жалко,
и вдова пионэру дала...

Мне повезло. С первых же дней работы после бурсы попал в лихую ватагу бродяг от геофизики, что бороздили просторы наших северо-восточных морей, закрывая белые пятна на тектонических картах.

Рейсовое задание часто звучало весьма своеобразно: «Прох*о*дите Берингов пролив – и на север, сколько сможете», или «Проливом между Кунаширом и Итурупом – и ты-

сячу миль на восток».

Отсутствие дорог – это шанс проложить свою.

Но об этом как-нибудь в следующий раз.

Сейчас же мы колесим по равнине, истоптанной когда-то вдоль и поперёк резвыми лошадками казаков-черкассов и татар Золотой орды. Где скоро с вершины древнего кургана можно будет увидеть современный новодел промышленных дизайнеров – железяку от горизонта до горизонта.

Черкассы с Терека, кстати, сходили на Днепр, заложили там запорожскую Сечь и вернулись на Кубань.

Русоволосые, сероглазые, говорящие на славянском прикаспийские татары после исхода волжских булгар с венграми поднялись вверх по Волге и, приняв ислам, понастроили в Казани мечетей.

А вот монголов ни в мелкоскоп, ни в дальнозоркую трубу как не было, так и нет. Они сами там в своей пустыне Гоби ржут, как кони, над этим историческим анекдотом.

Вообще-то, когда заходит речь о нашей истории, надо всегда помнить, что по крайне мере три раза она была радикально порезана и почищена с безвозвратным уничтожением первоисточников.

Сначала монастырская братия в попытке доказать, что только с приходом христианства на Руси появились письменность, культура и государственность, переписала в своей редакции все древние летописи. Первоисточников нет. И библиотека Ивана Грозного подозрительно куда-то пропала.

Затем через окно, что прорубил Пётр Первый, со щепой и стружкой набилась целая академия папских засланцев и европейских прохиндеев с безапелляционным утверждением, что вся культура, наука и ремесло в Россию пришли от них.

Научные труды, книги и исторические документы с иной точкой зрения просто уничтожались.

Ну и, наконец, большевики из немецкого пломбированного вагона, вошедшие в раж в своём атеизме и борьбе с царским наследием, порушили и уничтожили то немногое, что ещё оставалось. Весь мир насилья мы разрушим до основанья.

Вот такая у нас история покоцанная.

А Батый и Чингисхан – это Прогрессоры под прикрытием: так Всеволод Большое Гнездо и внук его Александр Невский сколачивали славян в единое царство-государство!

Я так считаю. «*И, если я неправильно считаю, пусть*

старшие товарищи меня поправят».

Хотя «*к науке, которую я в данный момент представляю, это не имеет никакого отношения*».

Прямо какой-то цитатник Мао получается, а не ироническая проза.

Теперь немного физики.

Батарею Василий Алибабаевич на ногу уронил – действует сила тяжести. Чем тяжелее батарея и чем выше её подняли, тем больше пальцев на ноге пришивать хирургу-травматологу.

Шурик своей машиной времени весь дом обесточил – короткое замыкание в анодно-катодной цепи. Чем выше сила тока, тем, согласно закону Джоуля-Ленца, сильнее обуглятся тапочки на ногах естествоиспытателя.

Инженер-геофизик с дояркой за колхозным амбаром – смычка города с деревней с применением резинотехнических изделий при действии силы трения-скольжения. Величина которой зависит от азарта участников и качества смазочных материалов.

Движуха в природе постоянная и повсеместная. И всё можно пустить на пользу, если только с умом.

Наш передвижной дырявый балаганчик тоже битком забит всякой физикой, только уже сугубо прикладной.

Ведь, чтобы небоскрёб в центре города не превратился в Пизанскую башню, а горный отель не съехал вслед за сноубордистами вниз по склону, надо всего лишь вовремя и правильно изучить место будущего рукоприкладства.

Тут как нельзя кстати инженерная геофизика с её прибамбасами и заморочками, а если глянуть в глубь веков – штука мутная, но весьма полезная.

Вот попов работник, повар, конюх и плотник, кошмарил чертей в море, закинув им туда какую-то хрень – ясен пень, это морская геофизика.

Кидаешь в воду провода, пускаешь электричество и замеряешь напряжение то тут, то там. Песок, глина или гранит в толще морского дна сопротивляются по-разному – на этом и строится принцип электроразведки и на море, и на суше.

Молодой специалист колледжей не кончал и с электричеством слегка переборщил. Поэтому вылезли не только черти, но и водолазы. И за баловство с электроприборами надавали

ему по балде. С тех пор и прозывался он работник Балда.

Илья Муромец и Соловей-разбойник геофизиками, кажется, не были и уравнений Джеймса Максвелла в глаза не видели. Но волновую теорию распространения всего и везде применяли на практике.

Записной свистун, меняя частоту и длину волны при звукоизвлечении, резонировал с округой, наводя ужас на слабонервных. Пока ему кляпом громкоговоритель не заткнули.
Это почти акустический каротаж.

Молчун Илюха, напротив, чуть какой шухер – ухом к земле. С какой стороны гул по земле идёт, оттуда, стало быть, и Идолище поганое топает.

Это сейсморазведка. Упругие колебания земли, как волны на воде, передаются на огромные расстояния. Всё зависит от силы топота и чувствительности уха. И, понятное дело, от твёрдости горных пород: песка, глины, гранита.

А потом своей палицей молодецкой вгоняет супостата то по колена, то по пояс, а то и по самую тюбетейку в землю. Вызывая тем упругие колебания различной длины волны, расходящиеся по округе, чтоб поганцы чужестранные чуяли, как земля у них из-под ног уходит.

Ну а Баба-Яга на своей ступе – это вообще перелёт на экраноплане из позабытого прошлого в непознанное будущее.

Принцип её передвижения явно основан на использовании гравитационного поля земли.

Секрет производства материалов, экранирующих силу притяжения земли – тайна на конце иглы в яйце в кованом сундуке, то есть нано- и биотехнологии плюс металлургия.

Скорее всего, Баба Яга – это мужик, мудрец и йог, производивший аэрогравиметрическую съёмку набортным гравиметром.

Вот и мы, как три дервиша в поисках философского камня, то загоняем под земную кору постоянный ток, то, расставив по округе электромагнитные уши, колотим по ней пудовой кувалдой, то перемежаем всё это чачей и каберне.

Избавляя себя от скуки и хандры этими ритуальными танцами и бодрящими снадобьями, брели мы в сторону моря с мечтами о прохладном бризе на ночном пляже с синеокой Ундиной в придачу.

Пыльная дневная жара и занудные ночные комары провоцировали при каждом удобном случае менять ночное звёздное небо и костёр у реки на ночлежку с горячим душем и

сосисками в микроволновке.

Правда, и в этих *хилтонах* для колхозников и сельской интеллигенции часто отсутствовали то свет, то вода, то всё сразу. Особый облом был получить такой расклад поздно вечером после длинного перехода.

Как-то раз, уткнувшись в темноте в такую навозную кучу посреди степного *миниполиса*, вспомнили о придорожной харчевне-ночлежке, мимо которой проехали полчаса назад.

На деле это вполне тянуло на казачью засеку Стеньки где-нибудь в южных степях или Ермака в вековой тайге.

П-образная череда построек с железными воротами только что не была обнесена бревенчатым частоколом, так что в ней вполне можно было отбиться от налёта ирокезов на западе или хунхузов на востоке.

Кстати, вспомнился эпизод из моих морских геофизических шатаний по окраинам земли русской.

Шла на нерест горбуша, ну мы и решили прервать свою работу и слегка пополнить судовую артелку морепродуктами.

Окинув взором пустынные окрестности, нашли ближайшую речку и сыграли учебную шлюпочную тревогу, чтоб было что записать в вахтенном журнале.

Рыбалкой это называть нельзя. Промысел. Рыба пёрла вверх по течению так, что просто мешками начерпали за десять минут потребное количество.

Зато потом, когда разошлись побродить по морскому берегу, увидели удивительные вещи.

Пара сотен метров морского берега от устья реки была буквально завалена останками. Кораблей и китов.

Кораблики небольшие, старые, ржавые, развалившиеся на куски. Между ними попадалось много деревянных баркасов, сгнивших зачастую до самого остова.

Эти останки человеческой цивилизации густо перемежались скелетами китообразных, также сильно разрушенных стихиями и временем. Особенно удивили небольшие чурбаки, валявшиеся по берегу, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении китовыми позвонками.

Самая поразительная находка ждала нас в метрах тридцати от береговой линии.

Деревянный столб с прибитой к нему железной табличкой.

Дословно не помню: сорок лет прошло, но суть такова: «В этом месте в 1639 году казак Иван Москвитин с товарищами первым из русских людей вышел к Охотскому морю».

Найти следы казачьей засеки спустя триста пятьдесят лет в краю тайфунов и ураганов было нереально.

Речка, кстати, называется Улья.

Вот такой вот пикник на обочине.

В нашей жаркой южной ночи под звёздным июльским небом затихарившийся на перекрёстке степных дорог полумрачный мотель наводил на мысли о марсианских хрониках Рэя Брэдбери.

Когда марсоход заполз вовнутрь подковы постоялого двора, включились дополнительные фонари и показались его обитатели.

Расположившиеся полукругом ночлежка, харчевня, баня, каретный сарай с мойкой, очевидно, желали взять в охапку заглянувших сюда путников и держать их как можно дольше.

Станционный смотритель средних лет, явно разбойник с большой дороги, ознакомил с прейскурантом и показал спальные места.

Аппетитного вида стряпуха приняла нашу заявку на ужин для полуночников: главное, чтобы погорячее.

Первым делом рванули в баню.

Когда, смыв дорожную пыль, вернулись в харчевню, то даже слегка опешили от представшего перед нами изобилия. На длинном деревянном столе дымили тарелки с аппетитным ужином, посредине блестела явно из ледника бутылка водки.

На скамейке за столом сидели две почти марсианки в кожаной униформе, едва справляющейся с шикарными полусферами и недвусмысленно говорящей об их роде занятий.

Не тормози – сникерсни!

Я поклонником такого *heavy metaller* никогда не был. Предпочитаю *цветастосарафанный folk-rock* или *jazz* маленького красного коктейльного платья.

И в ночное не собирался. Пары рюмок водки под жаренную на сале картошку мне вполне хватило. Бюджетный вариант.

Коллеги по цеху после ревизии своих лопатников решили это дело усугубить и вернулись в баню, прихватив с собой бутылку и эту пару придворовых цыпочек для прожарки.

Мой личный редактор, «*my sleeping dictionary*», сея доброе и вечное в своей телеграмме, вывалила на меня сентенцию, что «жареная картошка» можно писать и с одной, и с двумя «н» в зависимости от того, как она пожарена!

Вечный русский вопрос: а какой же картошкой я, дурень, закусывал со сковороды всю свою сознательную жизнь – с одной «н» или с двумя? (t.me/wordmyword – если кому интересно)

(– Это любовь?
– Ничего личного, просто реклама)

Выделенные мне апартаменты своим неброским дизайном в стиле минимализма вызвали у меня ностальгические воспоминания о временах бурной молодости, когда шарахался я по морям и океанам вокруг нашего шарика по девять месяцев в году.

Тот же деревянный топчан вместо кровати, та же дерюжная подстилка вместо матраса и железный крюк на стене из будуара маркиза де Сада вместо гардероба.

Густо пряные припортовые кварталы Бомбея, звенящие искрящие набережные Карибов, зелёный полтинник, как лепесток цветика-семицветика, исполняющий все желания.

Утром проснулся с чувством зубной боли.
Это со двора доносилась удалённая мной со всех плейлистов
«*Welcome to the Hotel California*».

Южное солнце и лента степной дороги звали нас вслед за собой на запад к самому синему морю.

Неспешный ритм от забора до обеда между тем позволил

нам перевалить за середину маршрутного задания. Масса накопившихся полевых материалов требовала заезда в контору для сдачи рабочих журналов в камеральную обработку.

Но мы, как марафонцы на дистанции, всё никак не могли сойти с дорожки, ждали какого-нибудь знака свыше.

И дождались. Только сниже.

Какой русский не любит быстрой езды. По встречной полосе.

На левом повороте при движении по двухполосному шоссе из пункта А в пункт Б наш серенький козлик получил под зад от бурого мерина, который, игнорируя сплошную разделительную, летел в том же направлении: в пункт Б из пункта А.

Секундный калейдоскоп перед глазами, и я выползаю из авто через разбитое окно на асфальт.

«*Ты помнишь, как всё начиналось!*»

Наш многострадальный терпила, сделав пару кульбитов, лежал посреди дороги пузом в небо.

Мерс влип носом в бетонные столбики на повороте.

Народ отделался лёгким испугом. У немца, как и положе-

но, сработала подушка безопасности. В уазике, как водится, сработала иконка на панели у водителя.

Пока наша железяка на колёсиках вертелась по шоссе, как барабан лохотрона, нам в окошко выкатился призовой шар.

Ведь, кроме трёх членов экипажа, в этом акробатическом аттракционе внутри ещё кувыркались:

- кувалда шестнадцатикилограммовая
- кувалда десятикилограммовая
- наковальня шестикилограммовая
- лом обыкновенный
- кирка геологическая
- лопата штыковая
- лопата совковая
- батарея аккумуляторная сборная сорокакилограммовая
- батарея аккумуляторная двенадцатикилограммовая
- станция сейсмическая портативная, дюралий-люминий
- ящики вьючные с железной окантовкой три штуки
- ящик инструментальный слесарный
- куча всякой хрени, провода и железяки, короче, барахлам.

По какой-то теории невероятности в броуновском движении весь этот металлолом чудным образом разминулся с нашими черепками, более того, даже царапины никто не получил.

«Ну ни хрена себе аксель в три оборота...» – присев в кювете, закурил наш водила.

«Это флип в каскаде с тулупом», – примостившись рядом, мы тоже потянулись за цигарками.

Выбравшийся из мерса Гамлет Серёжевич, с выпирающей из-под рубашки персональной подушкой безопасности, орал, как боров на кастрации.

Напоровшись на наше холодное «фэ», распалённый *источник* звука направил свою энергию в сотовый, с каждым новым звонком набирая обороты, словно Антон Семёнович Шпак.

Мы активировали опцию «звонок завгару».

Пока ждали автоинспекцию, на обочине сгрудилась целая толпа вызванных нашим оппонентом брюнетов, превративших место ДТП в филиал Гайд-парка.

– Кто свидетель?
– Я свидетель! А что случилось?

Прибывший через полчаса старший лейтенант, с трудом пробившись сквозь всё увеличивающуюся толпу свидетелей, взглянул на километровый тормозной путь мерседеса и, не

вступая в дискуссию, закрылся в своём авто.

Пока составили протокол, пока поставили на колёса наш скособоченный уазик, подъехал завгар на таком же, только абсолютно новом.

– Ну и что тут у нас за здрасте? – сказал Михаил Соломонович, и все поняли, что ихние тут не пляшут.

Гамлет Серёжевич потащился на автосервис со своим мерсом и нашим уазом, обещая вернуть его через пару недель в наилучшем виде.

Мы загрузились в новый авто и двинули на базу.

Если Вас всё это *улыбнуло*, я только рад.
Ну а нет, так нет.
Я не писатель. Я притворяюсь. Я *бытоописатель*.
Акын южных степей и северных морей.
Что вижу, то и пою.
Слегка разукрасив, смешав во времени и пространстве.
Конечно же, я славянофил. Но своими считаю всех русскоговорящих, живущих от моря до моря, от Чёрного до Берингова, от Белого до Каспийского.
Я вырос в городе, заложенном по приказу фельдмаршала Суворова и бурно разросшемся в девятнадцатом веке после

открытия там нефтяных промыслов.

Город рабочих и работающих.

В соседях русские, казаки, украинцы, евреи, армяне, татары, чеченцы, ингуши.

Заводчане и промысловики, портные и сапожники, зубные техники и торговки семечками – все при деле, большом или маленьком.

Новый год, Пасха, Ураза, свадьбы, похороны – всей улицей, все вместе.

Родная Индюшка. Соседние Бароновка и Башировка. Трек и Зеленстрой.

Как-нибудь соберусь с силами и напишу эту историю: город, которого нет.

Из памяти не стереть: сосед дядя Яша, в потёртом брезентовом плаще с капюшоном, на телеге, запряжённой смирной гнедой лошадкой. На его утренний свисток высыпает ребятня со всех подворотен нашей улицы.

Меняем старые газеты, бутылки, всякое тряпьё на глиняные свистульки, переводные картинки, ленточки пистонов. Закончив свой гешефт, немногословный дядя Яша неспешно скрывается за поворотом на своей поскрипывающей колымаге под мерный цокот подков.

Где-то это уже было. Туман. Ёжик. Лошадка.

Следующие два дня провели в конторе.

Шофёр получал новую машину в гараже, я сдавал полевые материалы в камеральную обработку, электронщик под ритмичное мерцание осциллографа изводил олово с канифолью.

Мы получаем деньги не за труд, а за трудности, с которыми их получаем.

И снова на запад.

Никаких дыр-дыр.

Новый зелёненький авто, больше ста тридцати лошадей под капотом, на корме багажный отсек.

На горизонте северо-западные отроги Большого Кавказского хребта, а за ними точно будет море.

Всё больше виноградников на холмах, будто полосатые тельняшки на фигуристых бабёнках *plus-size*.

Опять эти беспорядочные ночёвки где придётся.

Подтрибунное помещение небольшого стадиончика. Слесарный цех полевой машинно-тракторной станции. Хата тётки самогонщицы, или, как говорили у нас в студенчестве, на фонтане.

Этимология этого выражения уходит в глубины институтской жизни, в которой пять лет все сентябри были посвяще-

ны сбору винограда на винсовхозных полях.

Но самый смак был вечером, после работы, когда гонцы шли в станицу на фонтаны – дворы, где хозяева продавали на розлив вино. Когда авторское, а когда с винзавода.

Определить точную причину употребления этого слова в данном контексте не могу, так как оно досталось нам от старшекурсников.

Возможно, оно пришло из знаменитой песенки про чижика-пыжика, который на Фонтанке водку пил. Тем более что чижик-пыжик – это не птичка, как многие думают, а студент какого-то училища, носивший зелёный мундир с жёлтыми петлицами.

Может быть, эти винные дворы-фонтаны ассоциируются с популярными в то время в парках отдыха питьевыми фонтанчиками, где можно было утолить жажду без применения стакана или кружки.

Хотя, пожалуй, это всё фонтаны чувств и эмоций, ниспадающих на почитателей Бахуса после посещения этих благодатных мест.

Точно сказать могу лишь одно.

Групповой катарсис приходил утром на виноградниках у остывших за ночь бочек с холодной питьевой водой. Которую поглощали в огромных количествах вечерние почитатели фонтанов.

Хочу заметить, что между испитием в огромных количествах холодной воды по утрам и вина и спирта вечерами успевали собирать по сотне вёдер винограда в день.

В первый свой сентябрь в середине семидесятых я умудрился заработать сто двадцать рублей, на которые купил у фарцовщика свои первые *Wrangler* с какой-то крутой плотностью материала, чуть ли не двадцать унций.

Теперь, двигаясь между виноградниками по своему маршруту, по мере приближения к берегам Чёрного и Азовского морей мы встречали фонтаны всё солидней и богаче.

Иногда в этих турлучных времянках и шлакоблочных гаражах можно было обнаружить до двух десятков огромных стеклянных бутылей с вином на любой вкус. От традиционных рислинга и совиньона до каких-нибудь навороченных чёрных глаз и чёрного лекаря.

Конечно, везде бонусом шёл виноградный самогон – чача. Но я, не будучи почитателем этого химического соединения, не возьмусь давать ему территориальную классификацию.

Физическую химию проходил, но не Д. И. Менделеев.

Хотя на кухне в буфете и сейчас стоит графинчик с чачей последнего урожая, презентованный мне соседом для дегустации.

А вот вкусного вина довелось откушать всласть. А как же иначе, если на протяжении нескольких лет приходилось работать по нескольку месяцев в году в окрестностях Абрау и Тамани.

Магистральные трубопроводы, нефтехимические предприятия, береговые портовые сооружения и ещё много чего по мелочи практически посреди виноградников.

Обжигающая летняя жара, запредельный зимний норд-ост, убогие постоялые дворы. Всё прошло, но послевкусие осталось только от шикарного каберне, бутылка которого скрашивала практически каждый вечер трудового дня.

Сенной и Тамань, Саук-Дере и Абрау-Дюрсо.

Каберне, Каберне, чуть-чуть Саперави и снова Каберне.

Фанат, каюсь.

Вот и сейчас наш дружный коллектив на новом автомобиле слегка проскочил по маршруту вперёд, желая заночевать в Абрау. И привлекали нас не пейзаж и, уж, конечно, не гостиница, а в первую очередь небольшой базарчик у винзавода.

Именно там у местных торговок мы и приобретали на вечер свои любимые напитки.

Часть предлагаемого товара продавалась почти официально, как полученная работниками винзавода в счёт зарплаты. Из-под прилавка продавали то, что выносили через проходную нелегально.

Нас, как завсегдатаев, уже привечали и потому предлагали товар только высшего качества. Тем более что мы за ценой не стояли.

До сих пор помню вкус каберне, купленного по случаю на этом рынке, из партии, по словам торговки, отправляемой из запасников чуть ли не в Португалию. Выкупив у неё все имеющиеся в наличии двадцать литров этого нектара, я недели две по вечерам общался с самим Бахусом без переводчиков.

Каким-то мистическим образом у меня из колонок в музыкальном потоке сейчас зазвучала «*A Hard Day's Night*».

А ведь вечера в гостинице в Абрау – это была та ещё жесть.

Если кто не знает, ведь именно на ступенях её лестницы снимались эпизоды из первой советской комедии «Весёлые ребята».

Это сейчас её привели в первозданный вид и даже памятник Леониду Утёсову поставили.

Мы застали там полную разруху и убожество.

Покрытая плесенью и осыпающаяся штукатурка в номерах. Ржавые трубы отопления и батареи. Холод. Хлипкая электропроводка вечно замыкала, не позволяя использовать для обогрева калориферы.

По коридору вечерами бродили дамы неопределяемого

возраста и состояния с бутылками местного шампанского за полцены. То ли шампанское, то ли дамы – как сторгуешься.

Я под каберне читаю Виктора Шкловского. Остальное – это заблуждение.

Коллеги жрут портвейн под Вилли Токарева. Этим валетам дамы с шампанским как раз в масть.

Но долго париться под таким соусом вряд ли возможно. Одно дело – по два-три дня наездами. А ведь бывали командировки по месяцу безвылазно на одном месте. Да если ещё в расширенном составе. Когда к геофизикам добавляются геологи и буровики. Водка – и никаких политесов.

Тогда тонкая душевная организация заставляет искать выход из этого потерявшего комфорт и равновесие бытия, и ты делаешь шаг налево.

Практическая сторона этого действия, я думаю, ясна всякому.

Теоретическую же подоплёку этого выражения недавно пыталась разъяснить своим почитателям мой редактор. Я, конечно, в меру сил поучаствовал в этой дискуссии, но моя практика и её теория не сразу нашли точки соприкосновения. *Cognac* и кофе с лимоном и *Baileys* и кофе с молоком примирили только глубокая ночь и тёплое одеяло.

На деле всё весьма незатейливо. Озираешь округу и дела-

ешь заявление. Как в старой песенке: «*...но лично я для рандеву ищу весёлую вдову семнадцати годов!*»

Конечно, семнадцать – это фантазия поэта, уголовный кодекс надо чтить, но в целом посыл правильный.

Приватная беседа с администратором отеля о страждущей тепла и покоя душе, мечущейся в этом вертепе страстей и соблазнов, – и вот уже череда её подружек, возможно даже не вдов, проплывает в полумраке вестибюля.

Кто-то направо, но всегда найдётся и кто-то налево.

Но сейчас не тот случай. Покрутились несколько дней по окрестностям, и можно отваливать домой.

Отходную решили всё-таки устроить на морском берегу, зря, что ли, ехали, поэтому перебрались из отеля в Абрау на воздух в Дюрсо.

Свежий южный моряк сбивал дневную жару.

Пока расположились, пока колдовали над шашлыками, стемнело.

Что может быть лучше: жёлтая луна и синее море, красное вино и белый сыр, сочное мясо и постная водка.

И приятная усталость после хорошо сделанной работы.

После пары бутылок потянуло заспивать чего-нибудь долгое, скребучее, и вспомнили про баб.

Истинные бродяги земли русской, раздолбаи и матершинники, в тельниках и кирзачах, лысые и бородатые, хоть на море, хоть в тайге всегда доходят до той черты, когда в отблесках костра или топовых огней молчаливый взгляд устремляется по Млечному Пути в звёздное небо, а вслед за ним и думы непроговорённые.

И оттуда непременно заметят, оценят и пошлют весточку. «*Мне отмщение и Аз воздам*».

В лунно-звёздной темноте к берегу подкатил автобус, из которого со смехом и задорными станичными припевками вывалился разнаряженный девичий хоровод.

Звонкая балачка разогнала уютную тишину.

Наше трио изыскателей: казак, русак и хохол – конечно, водку с шампанским не мешали, но пляску с коленцами ноги ещё помнят.

Мечта в начале рейса о прохладном бризе на ночном пляже с синеокой Ундиной в придачу почти сбылась.

Только она оказалась кареглазой, а мощный накат не давал возможности разнообразить гулянку ночным морским купанием. За которым, кстати, и приехала сюда эта разудалая компания после своего концерта где-то неподалёку.

Дошедший уже до нужной кондиции Василич взялся решить этот вопрос и попёрся к морю на разборки.

Стоя у кромки воды с раскинутыми в стороны руками, практик от геофизики погружался своим воспалённым разумом в пучины метафизики.

Словно Крис Кельвин в океан Соляриса.

Морские волны можно потрогать руками.

Но вокруг бушует ещё столько штормов.

Волны магнитные и гравитационные, сейсмические и электрические, волны звука и света и волны времени.

Скорее всего, есть ещё какие-нибудь, пока человеком не обнаруженные.

А посредине этих штормов наш мозг. В котором тоже штормит.

Вполне вероятно, что в какой-то момент этот индивидуальный шторм, один из восьми миллиардов, попадает в резонанс с этими внешними. И происходит что-то сказочное или фантастическое.

В древние времена, когда информационное поле ещё так не замусорило планету, такие совпадения случались намного чаще и воспринимались как само собой разумеющееся.

Наши древнерусские дохристианские волхвы, наверное, и были сталкерами в этих слабо осязаемых человеком морях

и океанах.

Возможно, прогресс земной цивилизации на самом деле является регрессом человека как частицы мироздания, всё отдаляя и отдаляя его от первоисточника.

Вот и мечутся вокруг нас такие чудики, в которых природой были заложены какие-то конденсаторы и катушки для связи с этим большим всемирным океаном. Но цивилизационные скрепы не дают им вырваться из нашего информационного пузыря.

Всё пробито и закорочено.

Доводилось мне несколько раз пить водку с контактёром по прозвищу Мудрый. Тихий человек, с высшим техническим образованием и каким-то неуловимым взглядом. Утверждал, что неоднократно вступал в контакты с инопланетянами. Даже вёл вахтенный журнал посещений. Мог встать из-за стола и пропасть на сутки. Вернувшись, накатить стакан и сделать отметку в своей тетрадке.

У нашего Василича, конечно, всё в более лёгкой форме. И даже научную базу при желании можно подвести. Но самое смешное, что с рассветом море затихло. Как, впрочем, и хорошо перебравший естествоиспытатель.

С первыми лучами перевалившего через прибрежные

горы солнца, махнув на прощание расписными подолами, смуглянки-хуторянки оставили нас в сухом остатке.

Докемарив до обеда, наш летучий отряд мальчишей-кибальчишей по дороге домой заехал на фонтан восполнить утраченные минувшей ночью горюче-смазочные материалы для наших пересохших организмов внутреннего сгорания.

Ночь продержались, ещё бы день простоять.

Контрольный созвон с конторой принёс хорошие новости.

Сдаём наработанные нынче материалы, а там нас уже ждёт – не дождётся новая труба на юг. Железный поток.

Чёрное море, 2022 г.

КОРАБЕЛЬНОЕ БЕСПРИСТАНИЩЕ

У большого чужого, ветром
режущего губы моря кончалась
наша молодость.
Виктор Шкловский

Походу, купе.
Верхняя полка.
Форма одежды – ноль-ноль.
Все члены в этих предложениях не главные. Да и мои ли

это члены...

И стук колёс в висок не бьёт железом...

Магнитное склонение плюсует не по-детски...

Сссссссуууууууука!

Так это ж пароход!

Мой первый рейс! Вчера был отход!

Или уже не вчера... Так или-или...

Всё-всё! Стоп машина! Стоп!!!

Начнём с начала, с далёкого начала, с «жил да был» начала.

Когда пошёл подавать документы на высшее образования, всё было абсолютно индифферентно.

Медицина? До сих пор боюсь уколов и всё лечу йодом.

Педагогический? Всех на берёзовую кашу под хоровое пение «*Орлята учатся летать!*».

Увлекался историей, были мысли про универ. Но я трезво оценивал свои силы. Выиграть конкурс у таких, как мой одноклассник с фамилией Чапаев, который на экзамене не смог назвать дату Октябрьской революции семнадцатого года, было невозможно. Ведь его папа, владелец сети городских пивнушек и ещё много чего, бадяжа пиво не по-детски, реально-конкретно хотел сделать из сына партийно-хозяйственного руководителя. А у них без исторического материализма никуда.

Как широко шагнуло за пятьдесят лет наше образование – прямо мотня в раздрызг!

В прошлом году мой редактор готовила к ЕГЭ девчонку, которая, не прочитав ни одной книжки из школьной программы, поступила-таки в университет на журналистику – *ржунимагу*!

В слове «ещё» – четыре ошибки!

Я пошёл на геолога, но и там почти облом. По причине плохого зрения документы приняли только на геофизику, о существовании которой я услышал впервые в жизни только здесь, от девочки на приёмке.

Брюки-клёш из гардины с вышитыми цветочками и «Deep Purple», шевелюра до пояса и портвейн «Кавказ», сотня девчонок из гидрогеологии и «Uriah Heep», беломорина по кругу и «Led Zeppelin».

Пять лет беспечной жизни, три-четыре раза стоял на вылет, из тридцати человек доучились пятнадцать (первого отчислили уже через неделю после поступления, восьмого сентября).

Где-то совсем рядом прогрохотали теоретическая механика, теория поля и научный коммунизм.

На выпускном распределении откуда-то сверху вывалились шесть мест в морскую геофизику.

Вот представьте, Вы изучали матчасть «Запорожца», а попали за руль «Highlander». Хотя ведь и то, и другое есть средство передвижения.

Пока куролесил напоследок, остался только остров Сахалин.

Я был на первом курсе, когда Давид Тухманов выпустил в свет свой хит:

Вот стою, держу весло –
Через миг отчалю,
Сердце бедное свело
Скорбью и печалью.
Тихо плещется вода –
Голубая лента...
Вспоминайте иногда
Вашего студента…

Провидение весело лепило из меня перехожего человека, посылая на край, а может даже и за.

***

Итак, купе. Какое купе? Каюта.

Итак, каюта явно не моя. Хотя, как выглядит моя каюта, представления не имею.

Но здесь цветочки, платочки, дурман каких-то духов.

На диване стопкой мой, как оказалось, скудный гардероб. Рубашка и джинсы. Нет носков, ну и хрен с ними. Но где ещё одна очень важная часть моего гардероба? Ладно, не до изысков. Осторожнее с молнией!!!

Как говорил Лёлик, «*меняем точку, пора рвать когти!*»

Голени обеих ног сбиты в кровь. Как выяснилось потом,

об комингсы – высокие пороги герметичных дверей в водонепроницаемых переборках парохода.

Чисто интуитивные перемещения по главной палубе вывели меня на свою каюту.

Соседи на жилплощади и коллеги по гравимагнитометрическому отряду пластом на своих шконках, согласно штатному расписанию. Мой расхристанный диван манил к себе, словно альков принцессы Будур. Спать.

Море уходит вспять.

Море уходит спать.

***

Пока со свеженьким дипломом добирался до Сахалина, морские геофизики, завершив навигацию, кончили пароходствовать и разошлись по отгулам.

Меня до полевого (читай – морского) сезона тиснули в камеральную геофизическую партию.

Эти три месяца определили мою судьбу на всю оставшуюся жизнь:

Гарун бежал быстрее лани!

Чай пили два раза до обеда и два после.

На перекуры уходила пачка сигарет в день.

На обед возили автобусом в ресторан.

За чаем мерили за шкапом гэдээровские колготки, польские бюстгальтеры и самовязаные шапочки для зим.

На лестницах, в местах для курения, обсуждали ход ко-

рюшки на вставших заливах и ручные комбайны для летнего сбора морошки.

Обеденной рюмкой перемежали споры об органическом происхождении углеводородов и качестве местного поронайского пива.

Выданное мне задание по интерпретации результатов вертикального сейсмического зондирования разведочной скважины я исполнил за один рабочий день.

Главный геофизик со словами: «Эта работа на неделю», – выкинул мой отчёт в мусорную корзину, даже не глядя.

Я запил. Не до соплей, но как-то *душемуторно*.

На работу добирался к обеду, на обед – автобусом в ресторан, после обеда в контору часто и не возвращался.

Начальник камеральной партии, столкнувшись со мной в коридоре и взглянув в мои ясные серые глаза, тяжело вздохнул и, махнув рукой, молча повернул в обратную сторону.

Даже семейное общежитие, где меня приютили озабоченные моим вульгарным одиночеством бессемейные и малосемейные дамы, сделало меня стараниями местного бомонда заезженным до самых ободов сукиным сыном. Не вышло из меня сына полка.

Моё появление там изначально было спровоцировано девахой, сидевшей в конторе за соседним столом и уходящей на пару месяцев в тропический рейс. На предложение пожить в её комнате я, конечно же, дал своё согласие. Трое суток два встречных потока: её отъезд и мой заезд – бурлили

в лихом водовороте на скрипучей тахте.

Так сложилось, что больше мы с ней и не увиделись, но шикарные, почти классические формы и раздолбанная тахта стали первой вехой моего бесшабашного хождения за край.

И только я собрался провести тихий домашний вечер с бутылкой бренди и томиком «Ста лет одиночества», как в дверь постучали.

Коллега и она же соседка, дама самого что ни на есть бальзаковского возраста, пышущая здоровьем и пыхающая длинной сигаретой, на правах старшего товарища решила, что в этот вечер мы будем читать что-нибудь из «Камасутры».

И, словно на презентации искусства фламандского барокко, широко распахнула свой цветастый пеньюар.

Мой неуместный вопрос о муже в соседней комнате был запит рюмкой «MATRA» за его диссертацию о фазовом переходе продольных и поперечных сейсмических волн.

Через несколько дней диссертанту потребовались услуги домашней машинистки, которая, не желая оставлять меня в столетнем одиночестве, запустила ко мне на полежалки молодуху со второго этажа, выпускницу кулинарного техникума.

С этой карамелькой книг вечерами не читали. Только весёлые картинки.

Входит и выходит, замечательно выходит. Эклеры, кофе со сливками, птичье молоко.

Знойное барокко и лёгкое сладострастие. Замесили зелье

прилипучее, приворотное.

«*You shock me, baby!*» (Led Zeppelin 1969).

Будто буревестник революции, я рвался на волю из этой шоколадной клетки.

У лет на мосту на презренье, на смех,
земной любви искупителем значась,
должен стоять, стою за всех,
за всех расплачусь, за всех расплачусь.

А где-то рядом большой, не согретый даже солнцем океан качался между Азией и Америкой.

***

Лёжа с закрытыми глазами и словно зажатой тисками головой, вслушивался в странное, будто собачее сопение и чавканье где-то рядом. Откуда здесь такой большой пёс? Или я опять не в своей каюте? Помойка или собачий приют?

Или это из совсем раннего детства, когда мама ненадолго оставляла меня, двухгодовалого, во дворе под присмотром нашего Дозора, большого лохматого рыжеватого пса, и не менее умной и грозной козы Зойки со звёздочкой на лбу?

Открыл глаза.

Рядом на табурете сидел здоровый мужик, лысоватый, рыжий, с пышными баками.

Молчал, вдыхал, сопел и причмокивал.

Первый помощник капитана, по-морскому «chief», – Его-

рыч.

Честно говоря, старшие офицеры на пароходах, как правило, с командой не пьют.

Но, во-первых, мы здесь считались научными сотрудниками, во-вторых, Егорыч свято верил в советскую науку, особенно в морскую геофизику. В том смысле, что у членов партии, по его мнению, спирт должен быть всегда.

И почти неделю после выхода в море эта лженаучная теория толкала его на тихие посиделки по каютам геофизиков в надежде получить соточку-другую.

Детская наивность. Всё выпивалось настойчиво и беспощадно в первые трое суток похода.

Некстати припомнился ещё один персонаж, исключение, подтверждающее правило.

На волне антиалкогольной компании в стране занесло к нам на белый пароход нового капитана из какого-то рыболовецкого колхоза «Красное Удило». Этот пропахший насквозь рыбной мукой баклан первым делом вступил в конторское общество трезвости, а затем, пытаясь сделать себе карьеру, рьяно начал чистку на судне, поломав своими доносами судьбу не одному моряку.

И что вы думаете, через пару месяцев это земноводное млекопитающее ушло прямо в рейсе в такой запой, что любо-дорого посмотреть. Пока моряки стояли вахту, он с ключом-вездеходом ходил по каютам и пил одеколон.

Списали конечно гада с волчьим билетом, но осадок, сами

понимаете, остался.

Сейчас у нас капитан классический, за первый месяц с мостика на главную палубу так и не спустился.

Во всяком случае, я его ни разу не видел – вообще.

Начальники партии тоже бывают с вывихом мозгов, но сейчас у нашего с капитаном идеально спитый кабаре-дует, хлещут у себя на верху свою мадеру с нашим спиртом, чтоб они были здоровы.

На четвёртый день похода спирт и прочая мишура были сведены к нулю, а наш пароход по свежему морю вышел на траверз северных Курильских островов.

Идти нам неделю, так что на восстановление утерянного было здоровья время предостаточно.

Четвёртый день – это чайно-кофейная институция. По главной палубе из кают, ещё недавно чадящих крепким алкоголем, стелется терпкий дух свежесваренного кофе и тонкий аромат свежезаваренного чая.

Четвёртый день – это горячий душ и санитарная приборка по каютам.

На четвёртый день кругленькая рыжая повариха весело и звонко вернула мне утраченную было близкую моему телу часть гардероба.

По прошествии почти двадцати лет моей пароходской жизни должен заметить, что этим и закончилось моё первое и оно же последнее появление в каюте у морячки.

Практически я очень быстро нашёл свою модель поведе-

ния и свои принципы жизни в сложносочинённом судовом экипаже.

В четвёртый, чайно-кофейный день в каютах морских геофизиков на десерт были неспешные разговоры за жизнь. Тяжёлые желеобразные мозги потихоньку остывали и затихали, давая возможность осмыслить недавнее прошедшее и подумать о недалёком будущем.

Окончательно и бесповоротно всех отрезвила общесудовая тревога «Человек за бортом»!

В двадцать один ноль-ноль по судовому времени на ходовой мостик по внутренней связи позвонил с кормы матрос-рулевой Андрюха и сообщил о человеке за бортом.

На вопрос вахтенного штурмана: «Кто за бортом?» – ответил: «Я!»

Что за хрень? Он только что чаёвничал с нами в каюте, сидел рядом со мной и слушал наши морские побасенки. Даже не заметили, когда и вышел.

Объявили общесудовой аврал и бросились по заведованиям осматривать все судовые помещения в надежде, что это тупая шутка выходящего с бодуна матроса.

Да и моряком то он ещё стать и не успел: бывший таксист, всего месяц в море.

А море показано не всякому, у некоторых крышу сносит конкретно.

Прошерстили пароход от румпельной до клотика – нету.

Походили кругами до утра, а что толку. Темно, волна на

три-четыре балла, вода чуть в плюсе. Шансов – ноль.

И пошли в ближайший порт на Курилах писать объяснительные записки.

Мартин Иден как зеркало морской геофизики.

А у меня на всю жизнь осталась в памяти гримаса улыбки смотрящего в каюту через открытый иллюминатор прямо на меня в прошлом таксиста, в настоящем несостоявшегося рулевого матроса.

Словно из книги Виктора Гюго «Человек, который смеётся».

Было ли это, померещилось или это моё сумеречное воображение – сомневаюсь до сих пор.

Похмелье. Вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Существует целый ряд теорий и практик по этому поводу.

В гравимагнитометрическом отряде нашей морской геофизической партии, членом которого совершенно неожиданно стал и я, хотя собирался в сейсморазведку, была своя теория и устоявшийся практикум в этой области человековедения.

Записной преферансист, он же начальник, Савелий Иваныч и бывший радист на рыбаках Дымбович были апологетами учения о том, что чем тяжелее похмелье, тем мерзопакостнее должно быть опохмеляющее средство.

Поэтому моё становление моремана и геологоразведчика проходило где-то у мусорных баков Александровска-Саха-

линского и за ржавыми гаражами порта Корсакова в попытках допить до донышка стакан какого-нибудь чумового красного вермута производства Мосгорсовнархоза или Российского союза потребительских обществ.

Между прочим, это был первый, но далеко не последний попрыгунчик за борт на моей памяти.

Крыша в море едет по-всякому.

Кто-то тихо снимает у леера тапочки и прыгает за борт на глазах всего честного люда, а кто-то лезет в драку с мордобоем с надоевшими до скрежета зубов коллегами по вахте.

Дамы-морячки на судне с рухнувшими романтическими отношениями – головная боль не только горе-полюбовников, но и всего экипажа. Чтобы прекратить скандалы и истерики, приходилось срочно заходить в ближайший порт и списывать экзальтированных дам на берег, «не дожидаясь перитонита».

Буквально пару дней назад на юбилее баба Люба подняла бокал за человека с железным характером. Он один из всего многочисленного садового товарищества здоровается с гражданином Мерзяевым, отставным прапорщиком, которого даже бездомные собаки обходят по соседней улице.

В силу этого самого характера мне приходилось неоднократно по просьбе товарищей в рейсе брать к себе на вахту таких Enfant terrible, дабы предотвратить мордобой и прочие неуставные излишества.

Прошло немало лет, и я совершенно случайно узнал, что

пароходские кореша за глаза меня называли Леопольдом. Надеюсь, что не только за пышные усы.

***

Да, про берег и порт. В Северо-Курильск заходить не собирались и не зашли – капитан с рейда отвёз все бумаги на утопленника, и пошли дальше.

На юге Камчатки хотели зайти в бухту Русскую – и зашли, затарились в прибрежных зарослях полутораметровой черемши горной питьевой водой под завязку.

В Петропавловск-Камчатский, может, и хотели бы зайти, да не смогли.

В Усть-Камчатске с внешнего рейда капитан опять дублировал эти злосчастные объяснительные записки.

Вот такое *корабельное беспристанище*.

Удивительное дело. Когда ещё только садился за эти чистые страницы, откуда-то пришло это созвучие. Понятное дело, что-то читал, что-то вспоминал, о чём-то думал.

Где-то зацепило слово – *пристанище*. *Корабельное пристанище* – порт по-старинному.

Молодые годы на пароходах, в морях почти безвылазно. Нет своего угла, пристанища. *Беспристанище*, корабельное.

Эйнштейн говорил, что мысли бессловесны и именно поэтому творец удивляется, получив разгадку какой-то тайны неизвестно откуда.

Но как-то само собой вырулил на натуральное корабельное *беспристанище*, не виртуальное и не умозрительное.

Наш чёрно-жёлтый трудяга ледокол, протолкавшись всю зиму в Татарском проливе и его окрестностях, пошёл на эту летнюю халтуру с морскими геофизиками с просроченным регистром.

Переводя на сухопутный язык – кончился техосмотр.

Благо, в море пока гаишники с жезлами за островами не прячутся, но при заходе в порт на борт сразу приходят портовые власти для проверки документов и, если что-то не так, разрешения на выход не дадут.

Так, что нам теперь все чукотско-камчатские порты как *беспристанище*, только бросить якорь на внешнем рейде и вызвать таксомотор, pardon me, рейдовый катер.

Вот и проскочили мы полным ходом Петропавловск на Камчатке курсом на север, согласно выданному техническому заданию.

Это наше задание на полевой сезон как гадание на полевой ромашке.

Начнёте у восточной Камчатки, где-нибудь южнее, как сможете, а закончите где-нибудь севернее за Беринговым проливом, как получится.

Но, как говорится, хватит гулять, на работу пора.

Притормозили в милях десяти от берега с видом на сопки и начали неспешно выпускать своё забортное оборудование.

Только тут по радио на ходовом мостике на рейдовой ча-

стоте получаем хорошо поставленным голосом вопрос: «Кто такие и чего тут надо?»

А на вопрос: «Кто разрешил?» – мы даём соответствующий ответ: «А ни у кого и не спрашивали».

На берегу от наших речей, очевидно, слегка опешили, а потом на отборном, чисто русском языке объяснили, что если через полчаса мы не скроемся за линией горизонта, то от нашего корыта даже спасательного плотика не останется.

Мы скоренько свою физику прибрали на борт – и самый полный.

Потому как личный контакт с соответствующей службой мог выйти нам таким боком, что мама не горюй.

Не знаю, что там у них за запретная зона, но наше сейсмическое оборудование чует шум корабельных винтов иногда за десятки километров, а похожие системы применяются в том числе и для обнаружения подводных лодок.

Так что, пока нам ласты тут не скрутили, гребём на норд-ост в ритме «яблочко, куда ты котишься».

Умаявшись в своём противолодочном зигзаге и помолившись всем морским авторитетам, всё же сбросили свой концевой сигнальный буй за корму и начали неспешно распахивать древнюю тектоническую целину.

Наша контора была практически единственной на весь советский тихоокеанский северо-восток организацией, изучающей морской шельф на предмет поиска нефтегазовых месторождений.

И вот после успехов в прибрежной зоне Сахалина нас запустили в свободный поиск на легендарные русские Севера.

***

Следует отметить, что на нас практически заканчивались легендарные времена грубых романтиков и эстетствующих инженеров. С приходом капитализма и спутниковой навигации моряки и геологоразведчики превратились в поднадзорных клерков с интернетовскими путами на ногах.

Это те капитаны и начальники рейсов могли подойти к необитаемому острову или зайти в затихарившуюся бухту. Теперь – непрерывные отчёты, и остановка на полчаса вызывает приступы истерики у надзирающих служб и в море, и на берегу.

Так удивительно совпало.

Триста тридцать три года тому назад вдоль русских северов из Ледовитого океана проливом между Азией и Америкой сюда прошёл казак Семён Дежнёв.

Потом через сто лет Алексей Чириков и Витус Беринг проложили маршрут между Камчаткой, Чукоткой и Аляской.

А ещё через сто лет здесь прошёл в своём кругосветном путешествии Фёдор Литке, именем которого назван наш ледокол.

Теперь этим маршрутом идём и мы, и цели наши практически не изменились за эти триста с небольшим лет.

Проливом Литке по Берингову морю мимо мыса Дежнёва.

Как и наши великие предшественники, заглядывая за угол неизвестности, в поисках *Terra Incognita*.

Только теперь это геологические структуры в глубинах морского шельфа с залежами углеводородов.

Сегодня, оглядываясь на десятки лет назад, должен заметить, что это был один из самых насыщенных годов моей жизни, полный открытий, наложивших отпечаток на всю мою повесть временных лет.

Абсолютно неожиданный улётный кайф от работы:

– во-первых, в компании с крутыми мужиками, как будто из рассказов Джека Лондона;

– во-вторых, в таких частях света, что просто мурашки по спине от восторга, как будто из рассказов Джека Лондона;

– в-третьих, количество зарабатываемых при этом денег как у самых удачливых парней из рассказов Джека Лондона.

***

Когда работа заладилась и погода наладилась, вахты мелькают, как серые штакетины забора у дороги, неразличимы и бессчётны, до тошноты.

Наша участь – бесконечность схожих происшествий.

А чтоб не сорвало крышку у котелка, надо срочно найти себе занятие на время между работой и сном. Спать по двенадцать часов в сутки – не вариант.

И тут уже кто на что учился. Кто плетёт мочалки из канат-

ного пропилена, кто учит приёмы каратэ по замусоленной копии самоучителя, кто точит из нержавейки самопальные блесны на рыбалку, кто конспектирует «Метафизику» Аристотеля. Главное – процесс.

На нашем пароходе основным отхожим промыслом был преферанс. Играли практически все, разбившись по лигам соответственно мастерству и увлечённости.

Я со своим, как мне казалось, неплохим студенческим опытом, оказался очень средним игроком и за первый месяц проиграл свой месячный оклад.

Но зато стараниями моего непосредственного начальника и, возможно, лучшего преферансиста всей нашей конторы я по-настоящему открыл для себя преферанс во всей его красе.

Разборы полётов после каждой партии кардинально изменили мои взгляды на игру. Эти публичные семинары слушали многие, но оказался не в коня корм, в плюс они пошли только мне. Уже в следующем рейсе, когда самого сенсея не было, я на пароходе обыграл всех, с лихвой вернув проигранные в прошлом деньги. Но на наличные играли не для наживы, а чтоб дисциплинировать игроков, ну и придать при этом игре немного азарта.

Пришло осознание не просто стратегии и тактики игры, но и её философии.

Лучший в игре не тот, кто выигрывает, а тот, кто не проигрывает.

Да и с хорошей картой выиграть немудрено, а вот не проиграть с плохой картой – это уже надо суметь.

Стал понятен подлинный смысл, казалось бы, всем известных картёжных присказок, вроде «хода нет, ходи с бубей». А с чего ходить то, если бубей нет?

Вообще в те докомпьютерные времена послевахтовая пароходская жизнь бурлила, не то что теперь: все сидят по каютам, уткнувшись в мониторы. (Монитор, между прочим, на морском языке – это небольшой бронированный корабль с мощной артиллерией).

Мы даже делали неформальную рукописную партийную стенгазету с фельетонами и карикатурами, имевшую бешеную популярность не только на пароходе, но и на берегу, в конторе.

Кроме преферанса, я успел побывать в разное время в чемпионах парохода по забиванию козла, шиш-бешу и быстрым шахматам.

А ещё суперпопулярная самопальная игра с кубиками и фишками, рождённая где-то в недрах машинного отделения, с милым для русского уха названием «мандавошка».

И сейчас кое-кто из домочадцев подтрунивает надо мной, глядя, как я всерьёз режусь с внуками-школярами в карты или домино. Всё пропьём, но флот не опозорим.

Пройдя маршрутом вдоль Камчатки и по периметру Анадырского залива, немного задержались в акватории Берингова моря, плетя паутину вдоль и поперёк из геофизических

профилей.

Было прикольно, пересекая линию смены дат, ощущать себя то в прошедшем, то в будущем дне. Любители фэнтэзи могут сами пофантазировать на эту тему.

Я же, каюсь, не поленился подняться в полночь на верхнюю палубу под грот-мачту, чтобы ощутить себя, может быть, самым первым человеком на Земле (ну ещё вахтенный штурман на мосту), встретившим новый день.

***

Между делом пролетел месяц похода на Севера.

Организмы просили праздника или хотя бы водки, а судовой дизель – свежего машинного масла и солярки.

Крайним на всём северо-востоке и ближайшим к нам портом была бухта на юге Чукотского полуострова. Туда мы и рванули из последних сил с крейсерской скоростью двенадцать узлов, если верить судовому лагу.

Так как *беспристанище* было нашей кармой по этой жизни, то, бросив якорь на внутреннем рейде бухты, заказали танкер с соляркой для ледокола и рейдовый катер для страждущих организмов.

Ближе к обеду упёрлись наконец ногами в твёрдую землю.

На берегу залива, окружённого хороводом сопок, стояло полтора десятка трёх-пятиэтажных домов вперемешку с какими-то ангарами. Деревьев не было совсем.

И если траву и мох перекрасить в красно-жёлтые цвета,

этот пейзаж вполне подошёл бы для каких-нибудь марсианских хроник или похождений сталкеров.

От северного минимализма и полупустых улиц, которых, в сущности, и не было, от кислородного коктейля внутри огромной зелёной чаши с голубым дном, в которой мы оказались после месячной бортовой качки и грохота компрессора на корме, даже слегка повело.

Мы, конечно, не конкистадоры и увидеть здесь золотые копи Маракайбо не ожидали (не путать с Бодайбо), но как исконно русские бродяги на лабаз с трактиром надежду имели.

Пишу обычно под свободно льющийся музыкальный поток, там всё перемешано: классика, джаз, рок. И, как это часто необъяснимо случается, напечатанная строчка сливается с музыкальной.

Вот и сейчас: знаменитая «Riders on the Storm» в версии Apollinare Rossi.

Именно под эти звуки в прозрачном эфире мои герои бродили по этому крайнему на земле осколку цивилизации.

Как говорил наш начальник в немецких ботинках: «Я своей саламандрою чувствую, что идём не туда».

Но мы дошли. Туда.

ПиПеЦ – Пиво, Пельмени, Цельных три поселянки городского типа с положительной грудью в белых передниках. Именно на этих трёх составных частях материализма держалась точка общественного питания, обнаруженная нами по-

чти по центру.

Небольшой зал с барной стойкой и длинный деревянный стол со скамьями по бокам. Старая продавленная тахта в подсобке и купленная в соседнем магазине водка закрывали последние вопросы.

С табличкой «Обед. Санитарный час» закрылась и входная дверь, отрезав пути к отступлению ватаге страждущих морских геофизиков.

Вот только мы с Иванычем остались по эту сторону. Наши экзальтированные забубённые души жаждали пару марьяжей в прикупе в обстановке камерного уюта в стиле блюзз.

Затарившись в находящемся тут же гастрономе парой бутылок коньяка, венгерским вином и сладостями на десерт, двинули на повторный обход окрестностей.

И тут совершенно неожиданная встреча.

Ленин в заливе: «*Верной дорогой идёте, товарищи!*»

То ли сквер, то ли пустырь, а на двухметровом постаменте стоит вождь мирового пролетариата – метр с кепкой.

Глядя на Ильича, только здесь я осознал подлинный смысл этого выражения. Высота скульптуры на постаменте «в полный рост» вместе с кепкой была не больше метра. Полный сюр.

Замыкая круг, вернулись к гастроному, пивная-пельменная подозрительно затихарилась, а нам навстречу провидение послало аборигена в кирзачах и телогрейке, которого мы

и взяли в оборот.

Предъявив в качестве пароля бутылки с коньяком, предложили ему свести нас на явочную квартиру с радисткой Кэт, а лучше двумя.

Тот, сразу распознав в нас своих, без лишних вопросов повёл в соседний дом, хотя, конечно, здесь все дома были соседними.

Открыла блондинка в кудрях и рюшечках, пампушка-хохотушка с ярко красными коготками.

Пока хозяйка сервировала стол, абориген накатил стакан коньяку и убыл, куда шёл.

После первой за знакомство и второй за присутствующих и пока ещё нет дам, хозяйка привела соседку. Брюнетка в кожанке-косухе с шикарными ягодными местами, завёрнутыми в джинсу, активно поддержала наше культурное мероприятие.

Шарманка скрипела, бутылка вертелась, я что-то бренчал на гитаре.

Мы играем в городской роман
С белокурою лахудрой.

Потом хозяйка пошла с сенсеем показать ему свой диван.

Потом соседка и меня потащила по этому экскурсионному маршруту.

Ещё раз сходил в гастроном. Стирал пальцы о струны.

Звенели хрустальные бокалы. Скрипели диванные пружины.

За час до полночи последним рейсом рейдовый катер закинул нас на борт ледокола.

Затаренный, как и мы, по ватерлинию водой и солярой, наш кормилец был готов к северам.

Утром с тяжёлой головой, но с лёгкою душою рванули на норд-ост в Берингов пролив.

***

Пока огибали мысом Дежнёва с востока Чукотку в поисках кромки северных льдов, была возможность уделить больше внимания своей второй страсти, которая захватила меня в рейсе с головой, помимо карт.

Всё свободное от работы и преферанса время я проводил в амбулатории.

Я почти заболел. Хронически и, как оказалось, неизлечимо.

Виноват был студент-медик, которого взяли врачом на рейс

Точнее, его бобинный магнитофон и три десятка катушек магнитофонной ленты к нему.

Есть мазь Вишневского, микстура Павлова, капли Зеленина.

Но заговор от Владимира Высоцкого оказался куда забористее и гуще.

Я впервые услышал его концертные записи, и они крепко зацепили и душу, и мозги на всю оставшуюся жизнь.

Должен честно признаться, что до этой встречи в судовой амбулатории творчество Высоцкого проходило как-то мимо меня. Да, были песни из фильма «Вертикаль», была пара пластинок. Но hard-rock задвинул это всё куда-то на третий план.

Хотя Высоцкий был рядом.

На первом появившемся на нашей улице почти портативном магнитофоне была песня про Тау-Кита: «*…то явятся, то растворятся*». Оказывается, это Высоцкий.

Одна из первых разученных мной на гитаре песен была «Звезда»: «*С неба упала шальная звезда прямо под сердце*». Пацаны пели во дворе, оказывается, это тоже Высоцкий.

Высоцкий даже физически был рядом.

Когда я учился на третьем курсе института, он был несколько дней в нашем городе, дал кучу концертов, в том числе и на стадионе, сделал знаменитую теперь запись на городской телестудии. Как потом выяснилось, мой родной дядька, работая таксистом, на своей Волге целый день возил Высоцкого по городу.

А я в это время прогуливал лекции, хлебал портвейн, тискал девок, тащился от «Return To Fantasy» и «Come Taste The Band».

Конечно, такому мощному воздействию на меня стихов Высоцкого способствовала окружающая обстановка: холодный свинцовый океан, зелёные сопки и серые вулканы, проходящие мимо красавцы пароходы, наш чёрно-жёлтый тру-

дяга ледокол.

И в первую очередь живущие и работающие вокруг люди.

Фактически всё это и был непридуманный мир Владимира Высоцкого. У него – в стихах на магнитных плёнках, у меня –перед глазами и в душе.

От границы мы Землю вертели назад –
Было дело сначала.
Но обратно её закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.
Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Мой дед двадцать второго июня, ровно в четыре часа, в чине политрука и должности командира гарнизона крепости встретил войну на границе…

А в сорок пятом решением чрезвычайной тройки по пятьдесят восьмой пошёл этапом через Ванино и Магадан на десятку на Сусуман.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто бредёт за мной.
Мы не успели, не успели, не успели оглянуться –
А сыновья, а сыновья уходят в бой!

Мой тёзка, двоюродный дед, за плацдарм на правом берегу Волги в Сталинграде получил «Славу», а его сын в девяностые на берегах Сунжи получил «Героя».

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили: «Зачем?» – он в ответ:
Мол, коридоры кончаются стенкой,
А тоннели выводят на свет!

Мой отец пацаном прятал раненых красноармейцев в погребе, видел подожжённую фашистами родительскую хату, а потом, с шестнадцати годов, закурив беломорину, встал к токарному станку. Его железное рукопожатие и в семьдесят лет мало кто мог выдержать.

Куда б ни бросило тебя, где б ни исчез,
Припомни вальс: как был ты бел – и улыбнёшься.
Век будут ждать тебя – и с моря, и с небес –
И пригласят на белый вальс, когда вернёшься.

Мои бабки, запорожские казачки с Тясмина, пережили войну и тот самый голодомор, сберегли своих детей и дождались любимых мужчин.

Иван да Марья пережили разлуку почти в пятнадцать лет.

Так уж вышло, что записанные тогда в судовой амбулатории магнитные ленты с концертами Владимира Высоцкого через десяток лет трагически погибли.

Но с того северного рейса Высоцкий всегда где-то рядом.

Вот и сейчас, когда пишу эти строки, три десятка виниловых дисков с его стихами и песнями в шкафу прикрывают мне спину.

Корабли постоят и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоду...
Не пройдёт и полгода - и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
Чтобы снова уйти на полгода.

***

Прошли между Азией и Америкой в Чукотское море.

На полученной карте ледовой обстановки чистая вода клином уходила на северо-запад.

Три замеса в преферанс – и носом уткнулись в ледяное поле.

Согласно плану работ, должны были развернуться и направлением на Берингов пролив потянуть геофизический профиль.

Отцы-командиры решили не пороть горячку и дождаться утра по судовому времени, хотя вокруг стоял полярный день.

А начальник партии, спустившись в лабораторию и подсев к записным картёжникам, затянул удивительные, мне абсолютно неизвестные, куплеты.

Здравствуй, лагерь Шмидта,
Здравствуй и прощай.
Вы зашухерили пароход «Челюскин»,
А теперь награды получай.
Если бы не Мишка, Мишка Водопьянов,
Не видать бы вам Москвы.
Сидели б вы на льдине, словно на перине,

И кричали: «Мама, помоги!»

Потом выясняется такая вещь.

Эти, так сказать, сатирические куплеты были озвучены не просто так, а по поводу.

А повод наши предводители нашли, когда на капитанском мостике обозрели окрестности и обнаружили, что на прямой видимости милях в двадцати на северо-запад показался остров Врангеля – заполярный заповедник и круглогодичная полярная станция.

Факт такого неожиданно близкого соседства вкупе с многочисленными историко-географическими аналогиями вспенили кровь у начальников, адреналин ударил в темечко, и эти оба два, как водится на Руси, бродяги-авантюриста решились на десантную операцию. Которая, само собой, не предусматривалась проектом морских геофизических работ, и необходимости в которой, естественно, не было.

Захотелось.

И вот здесь-то пароход «Челюскин» очень даже при чём.

На Руси испокон веков так. Кого надо бы посадить за разгильдяйство и самоуправство, того награждают и прославляют, чтоб не выносить сор из избы и прикрыть свою задницу.

А того, кто чётко придерживается уставов и инструкций, наоборот, обвиняют в отсутствии патриотизма и революционного порыва.

Товарищ Шмидт (возможно, глава тайного синдиката детей лейтенанта Шмидта?) в угоду своим амбициям перво-

проходца на волне всемирного коммунистического энтузиазма, набив полный пароход женщинами и детьми, попёрся через Северный Ледовитый океан на восток.

И ладно бы на ледоколе или хотя бы пароходе усиленного ледового класса – так нет. Мало того, когда вмёрзший во льды «Челюскин» всё-таки вынесло в конце концов через Берингов пролив в Тихий океан, товарищ Шмидт отказался от помощи пришедшего на подмогу ледореза «Фёдор Литке» (предтече нашего ледокола).

Офигевшие от такой комиссарской наглости морские начальники Нептун, Посейдон и примкнувший к ним Водяной повернули море вспять, и льдину с вмёрзшим в неё «Челюскиным» снова утащило на север, где тот и затонул, получив пробоину в борту.

Представьте первый полёт на Марс.

Космонавт берёт с собой в ракету беременную жену, детей, тёщу с мопсом и двух корешей по гаражу для компании.

От перегруза космолёт дотягивает только до обратной стороны Луны и шлёпается в кратер.

Дежурными луноходами ульяновского завода, приписанными к местному отделению, экспедицию вертают взад, где, целуя взасос, всех участников награждают медалями за спасение мимо пролетающих. Бред.

К слову, лейтенант Шмидт, личность психически неуравновешенная, меняя флота и моря, то увольняясь, то возвращаясь на морскую службу, только раз получив под своё ко-

мандование пароход, тут же посадил его на мель.

Лейтенант Шмидт, товарищ Шмидт, Шура Балаганов, Паниковский…

– А Козлевич?

– Кто такой Козлевич? Я не знаю никакого Козлевича!

Между прочим, через год после гибели «Челюскина» ледорез «Фёдор Литке» без лишней помпы в рабочем порядке прошёл за одну навигацию северным морским путём с востока на запад от Владивостока до Мурманска.

И одну из первых советских экспедиций на остров Врангеля забрасывал всё тот же «Фёдор Литке».

Так что можно понять азарт моряков и геофизиков, оказавшихся в нескольких милях от острова Врангеля на борту ледокола «Фёдор Литке». Это как два туза в прикупе!

Корабельное *беспристанище* – наша судьба, но, подминая тупым чёрным носом белые ледяные поля, дрожа всем корпусом от запредельного напряжения, адмирал Фёдор Литке шёл на рандеву с адмиралом Фердинандом Врангелем.

Меня терзают смутные сомненья: а знала ли наша контора и сам Севморпуть о нашем ледовом походе?

Разогнав бродящих по окрестностям белых медведей, мы всё-таки пробились до чистой воды у самого берега и, бросив якорь, спустили мобот.

По существующей у них традиции островитяне разреша-

ли первому за навигацию пароходу высадку на берег.

Так что мы тут подсуетились как нельзя кстати.

Десантировавшуюся толпу геофизиков и примкнувших к ним моряков полярники встретили весьма радушно: презентовали брошюрки по истории острова и разрешили отовариться в местном лабазе – по бутылке водки и шампанского на каждого.

Естественно, завершая дружеский визит, мы расположились на берегу у памятного знака – флагштока в честь первооткрывателей, где и употребили всё недавно закупленное под тосты в память о русских первопроходцах, известных и забытых, и за здоровье их потомков, бродяг безбашенных и неприкаянных. За неустанные поиски пристанища.

Ну а потом, сменяв нашу свинину на их оленину, погудев на прощание в белом арктическом безмолвии, двинули обратно под удивлёнными взглядами белых медведей: а чё приходили-то?

Пробившись до чистой воды, приступили наконец к той исторической миссии, ради которой всё и затевалось.

Первые километры региональных геофизических профилей в восточной части русской Арктики.

Неспешно, со скоростью не более десяти километров в час, дошли до мыса Дежнёва, а затем проливом опять в Беринго море нарезать профилями целинный шельф

Как в дальнейшем оказалось, я умудрился этими самыми

геофизическими профилями опутать всю Россию, успев поработать на всех тринадцати морях, омывающих её берега.

Причём так совпало, что начинал я с востока, дойдя до Чукотского моря, а заканчивал с запада – до Восточно-Сибирского. Круг замкнулся.

Даже если бы жизнь не случилась,
Всё равно был бы здесь.

***

Перед неизбежным возвращением в родной порт снова зашли на Чукотку. Визит в бухту теперь уже не вызывал былого ажиотажа. Основная масса трудящихся чётким шагом по трое в ряд промаршировала до винно-водочного отдела гастронома и, завершив там подготовку к недельному переходу домой, в таком же омерзительно трезвом состоянии вернулась на пароход. Сбивают со следа!

На берегу выяснилась удивительная вещь. Оказалось, что по субботам, вечерами, местная рабочая столовая прикидывается цивильным заведением: под аккомпанемент магнитофона «Ростов-102» за столиком под нехитрую закуску можно прикупить спиртосодержащее в ассортименте.

А сегодня как раз суббота. Black Sabbath. Heaven And Hell.

Тот, кто любит жизнь – не грешник.

Конечно, мы с Юркой Слоником оставить без внимания сей вопиющий факт суровой высокоширотной действитель-

ности не могли. И, прихватив для комплекта ещё одного инженерно-технического работника, Вову Никотина, двинули приобщиться к культуре праздников народов севера в отдельно взятом питейном заведении.

Вечер в стиле минимализма. Выбеленные стены. Четыре-пять столиков, не обременённых скатертью. Зато есть официант с меню и винной картой в устной форме.

На магнитофонной катушке чёткий и неспешный текила-драйв.

Creedence Clearwater Revival. Oh, Susie Q!

На второй бутылке коньяка пришло второе дыхание. Обозревая окрестности, с удивлением обнаружил, что за соседними столиками скучают слабо охваченные вечерней программой барышни, разномастные и разнокалиберные.

У нас с корешами сегодня чисто мальчишник, но воспитание не позволяет смотреть на это безобразие без сострадания. Заказал на все столики по бутылке шампанского. Без шума и пыли.

Как-то под стакан партийный начальник поделился мнением своей жены обо мне после нескольких совместных культурно-массовых мероприятий: «Сразу видно мужчину с Кавказа!»

Расшифровки не было. Да я об этом и не заморачиваюсь. Помню только, что пили тогда под новую песню Розенбаума:

Гулять – так гулять.

Стрелять – так стрелять.

Летать – так летать.

Я им помашу рукой.

Так, к слову. Почти все наши, те, которые Наше Всё, каждый, конечно, по-своему, прошли огранку Кавказом. И Пушкин, и Лермонтов. И Толстой, и Грибоедов. И Маяковский, и Высоцкий.

Тут недавно одна дама написала, что все мужчины делятся на южан и северян. Северяне спят с теми, кого любят, а южане любят тех, с кем спят.

Мало того. Та, с которой сплю я, увлёкшись детективами Джоан Роулинг, теперь утверждает, что я очень похож на Корморана Страйка. Только у меня ног больше.

Ну хорошо хоть не на Джона Сильвера, хотя он тоже ещё тот морской бродяга.

Между тем в предвкушении третьей бутылки, с удивлением констатировал отсутствие в наших рядах Слоника. И хотя его пристрастие к беломору было всем хорошо известно, нынешний перекур что-то затянулся.

Желая совместить свой smoke break с поисками Юрки, мы с Никотином двинули на выход. Стоящие на ярко освещённом крыльце аборигены, отвечая на наш вопрос, только махнули рукой куда-то в пустоту. Словно два акванавта в маракотову бездну, шагнули мы со ступенек в густую кромешную темноту.

Именно две бутылки коньяка на троих оказались той необходимой мерой, чтобы Бахус прикрыл нас своим зелё-

ным плащом. Иначе забили бы сразу. Переступив черту между светом и тьмой, мы оказались под шквалом ударов, невидимых, но хорошо ощутимых. Только благодаря алкоголю расслабленное тело позволяло как-то амортизировать силу и не упасть сразу.

Чисто на автомате кулаки полетели куда-то в пустоту, через раз натыкаясь на невидимую субстанцию, местами мягкую и тёплую.

В движении наше спасение.

До тех пор, пока на пульсирующий висок, задававший ритм на жизнь в такт неспешно бежавшей по кругу секундной стрелке, не обрушилось что-то жёстко-железно-деревянное.

И окружающая тьма сомкнулась с мраком внутри.

Бейсболом тогда не увлекались, вокруг ни деревьев, ни заборов – ещё одна загадка крайнего севера.

Привели в чувство и забрали к себе в околоток местные городовые поселкового типа. В коридоре на скамейке лежал без сознания Никотин, над которым колдовали люди в белых халатах.

Мой же белый итальянский джинсовый костюм лишился обоих рукавов, одна штанина была основательно распорота. Отобрали ремень и шнурки из кроссовок и отправили в камеру.

Там на топчане, словно медведь Балу у скалы советов, сидел невозмутимый Юра Слоник.

Фанат Беломорканала и мастер спорта по боксу в полутяжёлом весе первым из нас встретил нашествие бандерлогов и, прижавшись спиной к стене, методично отбивался до подхода граждан в форменных фуражках. Которых распознал в темноте не сразу, и они на него сильно обиделись.

Поутру, подписав протоколы и заплатив за ночлег и радушный приём, потащили Никотина на пароход. Он, болезненный, всю неделю перехода до дома не мог говорить и пил воду и куриный бульон через трубочку. Я тоже, перейдя на картофельное пюре и манную кашу, старался челюстями попусту не щёлкать. Только Юрка с неизменной папиросой, как всегда, не закладывался на третью даму и шесть карт на одной руке. Слоник, одним словом.

А пароход скоренько побежал домой. Мимо Камчатки и Курильских островов в родной Анивский залив.

На следующий день по приходе в порт Вова Никотин мотанул в столицу в челюстно-лицевую подправить свой подпорченный имидж.

Меня тут же турнули подальше с глаз долой на тропический остров в Южно-Китайское море.

Юрка Слоник в первый же сахалинский вечер угодил в вытрезвитель, после чего, уволенный без выходного пособия, подался обратно на Камчатку.

Вечные бродяги. И нет им пристанища. Да они его и не ищут.

Голубая бухта, 2023 г.

КУЛЬТУРНО-МАССОВЫЙ СЕКТОР

– У Вас была женщина за пятьдесят?
– Да, только сначала она хотела за сто.

Чувак, я рад нашей новой встрече!

Только ты слегка притормози с чтением.

Заскочи сначала на Яндекс и надыбай там немного музона.

Предлагаю, конечно, дать джазу.

John Coltrane: «My Little Brown Book», потом «In A Sentimental Mood».

Ну, а дальше само покатит. Удачи!

Первые дни стоянки в чужом порту всегда проходят по одному сценарию: виски и бренди, заполированные пивом, обнуляют до заводских настроек пришедшую было за рейс в раздрай нервную систему.

Так что два-три дня можно смело вычёркивать.

И если через эти три дня пароход снова выходит в море, то на память о посещении иноземщины остаются только складированная на корме разнокалиберная стеклотара и отметка в загранпаспорте: прибыл – убыл. А был ли?

При ином раскладе, возможно, и удастся выбраться на

большую землю и приобщиться к плодам закордонной цивилизации. Тут уж кто во что горазд. Кто прочёсывает распродажи и барахолки, не гнушаясь даже свалками всякой рухляди, кто топчется до изнеможения по музеям-колизеям и прочим зоопаркам, а кто фанатично и непримиримо тормошит припортовые бары и примкнувшие к ним затихарившиеся заведения, уходя всё дальше от родимого белого парохода в тёмную, томную, липкую ночь.

Два брата-акробата Зелёные – пушкари по профессии и раздолбаи по жизни, навигатор Мотя – бухгалтер по образованию, рубаха-парень в матросском тельнике, и я – старший товарищ, геофизик, слегка анархист, слегка куртуазный маньерист, слегка бухаю.

Эскадрон едва ползущих, продрав глаза и узрев наконец Terra incognita в шаговой доступности, собрали в пучок оставшиеся силы. На этот шаг по парадному трапу решились с настроением трюмного кочегара, спускающегося к топке броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» Императорского флота.

Причём шагали мы не куда попало. Наше слаборитмичное движение имело свою идеологическую подоплёку. Мы шли болеть за наших. Точнее, мы намеривались найти спортбар с большим экраном, чтобы отболеть на всю катушку за наших в игре с не нашими.

Вообще-то я болею за «Кубань», Мотя - за «Факел», а Зелёным пофиг, где водку жрать, лишь бы с пивом – они с Ура-

ла.

С наскоку набег не получился: то экран маленький, то народу всяко-разного – не продохнуть. Пришлось слегка забуриться вглубь от набережной, но зато надыбали большой экран в абсолютно пустом баре.

Грустный бармен, неспешно полирующий стаканы, настроил наш футбол и принял заказ на бутылку виски и пиво с орешками.

Пока шла предматчевая разминка, представление, то да сё, мы тоже хорошо размялись и заказали ещё бутылку.

Наконец в центре поля наши пнули куда-то мяч и всей толпой бросились его искать. Потом весь первый тайм, как истинные дуболомы, стали стеной перед своими воротами и принялись рубать не наших под самый корешок, не обращая внимания на мяч, счёт на табло и дядьку со свистком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.